

Выпускной

Главы из романов

Новокузнецк
2023

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Выпускной

Главы из романов

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2023

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
В92

В92 **Выпускной** : отрывки из романов / Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ» ; сост. – Калашников Н.Н. – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2023. – 104 с.
12+

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В новой книге прозы КЛФ «Контакт» публикуются главы из романов «контактовцев», в большинстве случаев не опубликованные (или публиковавшиеся только в интернете).

Семён АГЕЕВ

Чёлка под капюшоном

Первая глава из романа «Дети Песочного города»

Я вздрогнул и проснулся.

Холод кусал за пятку в прорванном левом ботинке, стеклянным крошечком лип к щекам и уже заползал за ворот плаща. Снаружи лило. Целых восемь дней подряд, начиная с прошлого вторника. словно не было и никогда не могло быть по-другому.

– Дурень, – проворчал Атлас. – Неужто не знаешь, что дожди в Песочном городе идут месяцами?

– Сумасшедший! – всплеснула руками Зеленка. – Продрогнешь, подхватишь бронхит и умрёшь, а мы тебя даже не отыщем!

– И чего тебе дома не сидится? – удивился Котелок. – Еда есть – вчерашнего голубя ещё на две недели хватит. Сиди себе в тепле да уюте, ноги у огня грей. Так нет, несёт куда-то, да ещё в непогоду.

Только Шпулька ничего не сказала, потому что говорила редко и мало. Но по взгляду внимательных глаз и так было понятно: в дырявом ботинке и с отлетевшей заплаткой на плаще в такой ливень в город собрался. Дурень и есть.

А что было поделывать? За пластырями и бинтами для аптечки сходили. За бумагой и чернилами для карт и журнала – тоже. На голубя поохотились, да ещё и вчетвером! Обо мне вспомнили только, когда уже поздно было. Не первой, мол, важности дело, может и потерпеть.

Вот уж не дождётесь! Погаснут у вас фонари ночью – или, чего доброго, в подземелье каком-нибудь – как тогда запоёте? Небось, сразу прибежите батарейки новые выпрашивать, а не тут-то было. Дело ведь не первой важности.

Лило и в правду как из ведра. Ручейки на улицах давно превратились в реки. Они подхватывали и уносили вниз, к центру Песочного города, обрывки старых газет, конфетные обёртки, старые мокасины, галстуки, огромные бесформенные шляпы и тонкие текущие струйки песка.

Любой ребёнок знал: если присмотреться к этим струйкам, осветить фонарём, можно увидеть, как поблескивают среди них золотые крупинки. Котелок как-то предложил собирать их, переплавлять в слитки – благо, уголь у нас был в достатке – и меняться с другими детьми на всякие нужности. Атлас ему не позволил.

Любой ребёнок знал: золото до добра не доводит, и только наш книгочей и картограф помнил, почему. Помнил, но рассказывал редко и неохотно.

Будто слова из старых книг могли что-то спугнуть в ночной тишине. Или наоборот – вызвать из тёмных глубин центра Песочного города тени прошлого, занесённые крохотными блестинками.

С грустью вспоминая об очаге и тёплой постели далеко на окраине города, о вечерних посиделках и разговорах вполголоса, я поглубже надвинул капюшон своего драного плаща. Обломок бетонной трубы, поваленный набок, – это, конечно, хорошо. И от дождя защищает, и от ветра, и от посторонних глаз. Один конец смотрит на покрытую ржавчиной сетчатую изгородь, а второй наглухо закрыт шершавой стеной. Жаль только, что по этой стене бегут вниз ледяные струи дождя, ноги вытянуть некуда, а бетон тянет тепло даже сквозь одеяло.

Одним словом, сидеть в трубе не было больше никакого резона. Уж лучше под дождём, но вприпрыжку.

Выглянул наружу. По грубой вощёной ткани дождевика застучали тяжёлые капли. Глянул по сторонам.

Влево тянулась узкая мрачная улочка, заваленная ржавыми мусорными баками. Справа она упиралась в некогда широкий проспект, перекрытый напользающим зданием. Впереди – приземистый бок брошенного автомобиля.

Никого.

Продолжая опасливо озираться по сторонам, медленно выбрался из трубы и вытянул следом свой рюкзак. Медленно побрёл по улице, обходя принесённые водой островки мусора. Левая пятка сразу же намокла и захлюпала.

Надо было выпросить у Котелка резиновые сапоги.

Впрочем, он бы всё равно не дал, чтобы лишний раз помешать мне уйти одному.

Только и оставалось теперь упрямо брести через лужи и ручьи, обходить мусорные баки, спотыкаться о комки отсыревшей газетной бумаги и хлопать водой в левом ботинке.

Вскоре улочка вывела меня ещё на один широкий проспект. Машины здесь стояли стройными рядами, замерев у стёршейся зебры. Каждая – высотой с трёх меня. Или больше. Колёса – мне по плечо. Наедут таким и даже не заметят, мало ли на дороге кочек?

Атлас говорил, в одной машине уместится четверо взрослых. Максимум пятеро. А детей, судя по размеру – около пятидесяти.

Пригибаясь и прислушиваясь, я шёл через проспект по остаткам зебры, то и дело оглядываясь на металлических монстров. Пустые стёкла фар безжизненно взирали в ответ. Ржавые решётки радиаторов с остатками хрома безмолвно скалились свысока, а ещё выше, за лобовыми стёклами, клубились неясные тени. Налетел порыв ветра, и я замер, зябко поёжившись, – среди ровного дробного стука мне послышалось приглушённое утробное рычание двигателя.

Каждый ребёнок знал: старых машин бояться нечего. Но каждый в глубине души побаивался.

Я пересёк проспект и двинулся налево, припоминая карту над столом у Атласа. Вправо по проспекту лежали магазины одежды. Сюда мы ходили

за тканью: из неё внимательная Шпулька кроила нам плащи. Последние исполинские штаны, свёрнутые в рулон, пришлось волоочь втроём, а потом надсадно ругаясь запихивать в узкую щель в стене. Зато, пока их не пустили на куртки нормального детского размера, Зеленка и Котелок пустили каждый в своей штанине.

Влево была заброшенная старая школа. А ещё дальше – магазин игрушек. А ещё и ещё дальше раньше продавали телевизоры. Вот туда мне и было нужно. Где телевизоры, там и батарейки. А ещё – фонарики. Лампочки, провода и прочие полезные в хозяйстве вещи. Они, конечно, не одежда, не бинты и не пища, но не менее важны, когда ходишь за одеждой, бинтами и пищей.

В общем, я двинулся налево по вздыбленной брусчатке, кутаясь в плащ и старательно обходя водосточные трубы.

Школ боялись все. И не считали зазорным в этом признаваться. О них ходило множество разных слухов, наверное, столько же, сколько в Песочном городе обитало детей, но мало кто знал, что на самом деле творится в школах. В некоторых каждый день, кроме воскресенья, раздавались громкие звонки с интервалом то в сорок минут, то в пять. В других звонков не было, но по утрам и вечерам звучали странные исковерканные гимны. Третьи были пустыми и безмолвными днём, но по ночам мебель начинала ездить по полу.

Одно было ясно наверняка: детям от школ лучше держаться как можно дальше. В крайнем случае – смотреть, но только из-за ограды.

Именно так – держась руками за толстые прутья – маленькая детская фигурка и смотрела на школу. Я заметил её ещё издали и крадучись подошёл ближе, спрятался за гидрант, чтобы получше разглядеть. И сразу увидел несколько странностей.

Во-первых, ребёнок был одет совсем не по погоде, будто вместо соседней комнаты случайно вышел на улицу. Во-вторых, сама одежда была необычной. Серая, насквозь промокшая под дождём толстовка облепила тощие плечи – явно сшита не из грубой и крупной «взрослой» ткани. Штаны из тех, что можно найти в магазинах, но маленькие, точно по размеру ног-тростинок, с карманами. Атлас показывал их Шпульке в старом модном журнале и называл «джинсы». Шпулька в ответ только разводила руками – не выйдет, мол. Ни кнопок, ни пуговиц подходящего размера нам в жизни не отыскать. В-третьих, джинсы были подвёрнуты до середины голени, а босые ступни утопали в ледяной воде. Босиком в такую мерзкую погоду – уму непостижимо!

Может быть, это один из щелкунов? Не похоже – лодыжки вполне живые, не деревянные.

«Что же делать?» – думал я, глядя на фигурку.

– Известно, что, – проворчал бы в ответ Атлас. – Видишь ребёнка в беде – помоги.

– Ага. А этот ребёнок определённо в беде – босой и замёрзший. Вон как дрожит! – поддержала бы Зеленка.

– Небось, ещё и голодный, – кивнул бы Котелок.

А молчаливая Шпулька вынула бы из рюкзака пару чистых носочков и потрёпанные кожаные ботинки.

Делать нечего.

– Пс-с-с, эй! – позвал я шёпотом. – Ты чего тут один делаешь?

Фигурка вздрогнула и оглянулась. В провале капюшона блеснули глаза. Большие и до смерти напуганные. Бесконечное мгновение мы смотрели друг на друга.

А потом этот бестолковый ребёнок пролез между прутьев и со всех босых ног ринулся к школе.

– Стой! Не ходи туда! Ты что?

Забираясь в тёмный провал открытого окна по верёвке, скрученной из простыней, я корил себя за то, что не подкрался ближе, прежде чем окликнуть. И за то, что делал теперь, – тоже. Ну понесла нелёгкая ребёнка в школу – это же конченное дело. Но лезть внутрь следом за ним? Кажется, Зеленка была права. Я – сумасшедший. Но когда увидел, как эта тощая девчонка улепётывает через двор навстречу неизвестной опасности, не смог стоять на месте.

В том, что это именно девчонка, не было никаких сомнений. Ведь мальчишки и девчонки улепётывают совсем по-разному.

Оказавшись внутри, я замер. До сердца вдруг дошло, где оно оказалось: секунду помедлив, пустилось в бешеный галоп. Сумасшедший. Самоубийца. Но распекать самого себя голосами друзей было уже поздно.

Медленно спустил на землю рюкзак и принялся трясущимися руками отвязывать фонарь. Потом, изо всех сил стараясь не шуметь, стащил с него шуршащий целлофановый чехол. Включил. Медленно повёл дрожащим лучом по сторонам.

Никого. Пыль на полу. Разломанные скамейки по бокам коридора. Всё те же обрывки старых газет по углам. Мокрые отпечатки босых ступней в пыли.

Тишина.

Как будто и не льёт уже восьмой день за окном.

Я похолодел. Но быстро взял себя в руки и крадучись двинулся по следам.

Фонарь был маленьким по меркам взрослых, но огромным для детских ладоней. Держал его обеими руками. Если что случится, сойдёт за дубину. Это придавало уверенности, но частица меня, подражавшая голосу Атласа, говорила ясно: не поможет.

Снаружи сгушались сумерки.

Следы привели в пустой класс с развороченными, опрокинутыми партами. На доске – меловые каракули. Никого и ничего. Только тишина. И огромные причудливые тени в дрожащем свете фонаря.

Из него след снова вёл в коридор. Видно, не нашла, где спрятаться, и побежала к лестнице на второй этаж. Скрипучей и шаткой. Ступал как можно тише и мягче, а после каждого громкого скрипа замирал и прислушивался, внутренне содрогаюсь.

Школа хранила безмолвие. И от этого делалось только страшнее.

След вёл дальше по пустому коридору, терялся во тьме и петлял. В двух местах было похоже, будто беглянка оскользнулась на голом дощатом полу, рухнула, тут же вскочила и побежала дальше. Странно, что этого не было слышно снизу. Странно, что вообще ничего не слышно.

Как будто чёрная вата наваливается на уши и давит на них своей kloкочущей тяжестью.

В конце коридора след упёрся в закрытую дверь. Видно, захлопнула. Ручка от земли в двух детских головах – не допрыгнуть. Любой ребёнок знал: двери не для нас. Для нас – окна, отдушины, кошачьи дверцы и вентиляционные решётки. Но если непременно нужно дёрнуть за ручку, у каждого есть верёвка с крюком или грузом.

Положил фонарь, размахнулся и привычным движением перебросил груз через ручку. Потянул. Как только щёлкнул замок, налёг плечом на дерево, пахнущее пылью. Несколько трескучих чешуек краски осыпалось на пол. С громким скрипом дверь отворилась. Быстро смотал верёвку, схватил фонарь и шмыгнул внутрь.

Дрожащий луч выхватил из полумрака неровные ряды кроватей, распахнутые настежь окна, за которыми таяли промозглые дождливые сумерки. Грязные запылившиеся шторы неслышно колыхались в темноте на покосившихся гардинах, едва доставая до подоконников. На одной из кроватей лежал на боку замызганный плюшевый мишка ростом мне по плечо. Сверкнул в свете фонаря глазами-бусинами и безмолвно растворился во мраке брошенной детской спальни.

Спальня явно была детской, но кровати были огромные и высокие – чтобы пройти под ними мне почти не пришлось пригибаться. Под такой не спрячешься.

В дальнем углу дрожала маленькая фигурка.

– Эй, – тихо позвал я. – Не бойся. Зачем убежала от меня?

Фигурка вздрогнула и сгрудилась теснее, вжалась в угол.

Я медленно подошёл ближе.

– Говорю же: не бойся. Я тоже просто ребёнок. Не обижу.

Положив на землю фонарь, вошёл в конус света. Присел на корточки рядом с девочкой. Мягко положил руку на промокшее насквозь плечо.

Она вздрогнула и напряглась.

Потом медленно обернулась и подняла взгляд.

Под капюшоном обнаружилась взъерошенная неровная чёлка. Под чёлкой – огромные напуганные глаза.

– Ты кто? – спросила, наконец, беглянка.

– Я из котельной на углу Розовой и Карлсона, на западной окраине. Шёл в магазин с телевизорами дальше по проспекту. А ты откуда?

Девочка глядела на меня в замешательстве. Что ж, это лучше, чем страх, как ни крути.

– Так откуда? – переспросил я. – Не можешь ведь ты жить одна. Никто не может. Даже Нож и Рулетка вместе живут, а они ого-го какие бойцы.

– Кто это?

Я остолбенел.

– Не знаешь Ножа и Рулетку?

Девочка помотала мокрой головой.

До меня начало доходить.

– Ты здесь недавно, да? Ничего не помнишь, и всё такое. Шатаешься где придётся, ешь что придётся. Так?

Кивнула.

– Значит, и вправду беглянка. Из детского дома. Помнишь, где держали? Помотала головой.

– Прости, дурацкий вопрос. Многие забывают, а кто помнит – молчат. Если что – не обижайся.

– Не обижаюсь, – эхом повторила девочка.

– Как тебя зовут?

Замолчала. Потупилась. Сморщила носик. Обхватила коленки.

– Не помнишь, значит, – сочувственно покивал. – Буду пока звать тебя Чёлкой. Хорошо.

– Ладно, – отозвалась. – А тебя как зовут?

– Дроссель. Это такая катушка из проволоки. Её ставят, когда нужно погасить наводки в электрической схеме и... А, ладно, не бери в голову. Никто не понимает, когда объясняю. Потому и прилипло.

Поямлся в нерешительности, ковырнул пол носком промокшего ботинка. Снова глянул на девочку.

– Ну ладно, помирились, познакомились, а теперь пойдём-ка на улицу.

– Обрато под дождь?

– Не бойся, я дам тебе своё одеяло. Будешь как в дождевике.

– А зачем? Разве здесь плохо?

– Понимаешь...

Громко заскрежетала по полу ножками кровать. Стукнулась о стену.

Девочка вздрогнула.

А я-то, дурень, совсем позабыл, где мы! Надо было сначала наружу вытащить, а потом знакомиться.

Обернулся и забился в угол рядом с ней, щурясь от фонаря.

За окнами наступила ночь.

– Здесь опасно, – шепнул я, сияясь унять дрожь. – В школах всегда что-то нехорошее творится.

Вторая кровать выстрелила в стену и повалилась набок. Грохнула, но глухо. Будто о толстый половик.

Мы прижались друг к дружке, почти онемев от ужаса.

– Что это? – шепнула девочка, мелко дрожа.

– Н-не знаю, – в горле пересохло. – Не шуми. Может быть, если тихо сидеть, оно нас не тронет.

Скрипели доски. Как будто кто-то большой и тяжёлый, неслышно ступая, медленно приближался к нам. Третья кровать кубарем покатила по полу. Совсем рядом с нами. Совсем неслышно, только задрожали половицы.

А потом мы оба увидели, как прямо на стене в десятке шагов от нас открылся длинный полумесяц. Растянулся, будто в ухмылке. Мертвенно сияющие челюсти, усаженные длинными острыми зубами, неслышно разошлись и сомкнулись, будто пробуя воздух на вкус. Они дрожали и переливались, как лунные блики, отражённые водой. Как свет окна соседнего дома в мареве летней ночи. Только вокруг было холодно. Дыхание вырывалось изо рта и опадало на пол морозными кристаллами.

Четвёртая кровать вылетела в распахнутое окно. Бесшумно. На уши навалилась чёрная вата.

– Тёмный невидимка, – выдохнул я, чувствуя, как густеет воздух в лёгких.

Из тьмы в спасительный жёлтый конус в каком-то локте от занозистой половицы сунулось круглощёкое детское личико, обтянутое жёлтой кожей. На месте глаз зияли тёмные провалы, но не было никаких сомнений, оно смотрело прямо на нас. Пухлые губки растянулись в довольной улыбке. Из-под них вместо зубов показались ржавые гвозди и швейные иглы. Жёлтая кожа на щеках и в уголках бездонных провалов сморщилась, как на высохшем яблоке.

– Мапочка... – простонала девочка.

Фонарь мигнул. Личико растворилось в пыльной чёрной вате детской спальни, но было ясно: он здесь. Он повсюду. Под каждой кроватью, в каждой щёлке. Он знает, где мы, и обязательно до нас доберётся.

О том, что случилось в следующее мгновение, я слышал не раз и не два.

Лампочка в фонаре замигала, зазвенела. Конус света заморгал и задёргался. А потом очень медленно, как улитка, выключатель на рукоятке пополз назад.

Внутри меня взвыли сирены. С беззвучным воплем рванул на скинутом рюкзаке ремни, расправил одеяло и набросил на себя и Чёлку.

Фонарь погас.

Мы дрожали, прижимаясь друг к дружке. Стучали зубами от холода. А значит, всё ещё были живы.

Первой подала голос Чёлка:

– Что это было? Кто это?

– Тёмный невидимка, – ответил я шёпотом. И ощутил, как звуки наших голосов потихоньку прогоняют страх. – Слышала про них?

Шорох ткани о ткань говорил, что девочка помотал головой. Или кивнула. Разве можно было понять?

– Что ему нужно?

Похоже, всё-таки не слышала.

О них рассказывали вполголоса в свете костра дети, бывавшие в старых сиротских приютах. Говорили про жуткие лица, возникающие из темноты. Про тишину и густеющий воздух. Про ледяные хлопья, которыми оседает на пол каждый вздох. О том, как друзья уходили от огня и бесследно исчезали. Но об этом я предпочел молчать.

Ведь самому от собственных слов сделалось жутко.

– Известно, что. Он голоден.

Чёлка вздрогнула. Прижалась теснее.

– Так значит, он... в любую секунду...

– Нет. Под одеялом не тронет. Не бойся, – успокаивал я девочку, хотя сам с содроганием ждал того же.

Но она, похоже, поверила. Спросила уже спокойнее:

– Откуда ты знаешь?

– От других детей. Тёмный невидимка страшный, но живёт только в прозрачной темноте. Ну, когда что-то всё же видно, но не до конца. Если отрезать от неё кусочек кромешной тьмы и в нём спрятаться, нас будет не достать.

Поёрзала немного, посопела. Нерешительно прошептала:

– А если свет зажечь?

– Он уйдёт. Да только как его зажжёшь? Фонарь там, снаружи. А выключатель от пола так высоко, что даже если ты мне на голову заберёшься – всё равно не достанешь.

Щёлкнула жестяная пружина, чиркнул кремешок. Крохотное пламя затрепетало над ладошкой Чёлки. Осветило капюшон, торчащие из-под него спутавшиеся пряди волос. Глаза, всё такие же большие, но уже не до смерти напуганные. Мерцающие дорожки слёз на бледных щеках.

Девочка глянула мельком. Потом ещё раз – пристально. Несмело дрогнули уголки тонких губ.

– Чтобы не так страшно, – шепнула и улыбнулась смелее.

Я пригляделся, шурясь от яркого света. В руке у Чёлки была зажигалка. Блестящая жестяная зажигалка с откидной крышкой. Маленький яркий огонёк уничтожал мрак, скопившийся под одеялом. Резал, как портняжные ножницы Шпульки плотный чёрный бархат.

Хоть за стеной нашего маленького укрытия огромная мрачная комната, пустая, но ненасытная, мне сразу стало уютнее.

– Ого! – не удержавшись, протянул громким голосом. – Она же совсем как у взрослых в старых магазинах, только маленькая. Как раз под твою ладошку. Где взяла?

– Это папина, – отозвалась Чёлка. Тем самым шёпотом, после которого всё становилось понятно без слов.

– Он был твоим другом? Вы вместе бежали?

Недоумённый взгляд огромных глаз упёрся в мою переносицу.

– Нет, папа – не друг. Он – родитель... – недоумение сменилось искоркой понимания. И горечью. – У тебя нет семьи, да? Прости...

– За что? – удивился я, глядя на Чёлку. – Ты ведь ничего не сделала. А что такое «семья»?

Она посмотрела на меня, широко распахнув веки. В уголках глаз сверкнули две крупные слезинки. А потом Чёлка тихо завывала, подалась вперёд, обхватила меня за шею и стиснула мёртвой хваткой соломенных рук.

Я просто остолбенел. Что было делать? Чёлка не плакала от страха, забившись в угол, когда я шёл по её следам. Молчала, когда Тёмный

Невидимка показал нам своё лицо. А тут, в уютно мерцающем свете маленького яркого огонька, вдруг разрыдалась.

Обнял её тощие плечи, обтянутые промокшей тканью толстовки, гладил по голове. Случайно стянул капюшон, рассыпав по плечам вымокшие жёсткие пряди волос, и гладил их. А она всё плакала.

Что же такое «семья»? Кто такой «родитель»? Может быть, кто-то вроде надзирателя или сторожа в детском доме? Может, Чёлка вспомнила что-то ужасное? Не похоже. Скорее, она плакала обо мне. О том, что этой самой «семьи» у меня нет, о том, что это слово я впервые услышал от неё несколько мгновений назад.

Но разве это плохо? Ведь жили же мы впятером с друзьями столько времени. Друг за другом приглядывали. Заботились. Каждый делал что-то для других, а другие для него. Бывало нам и весело, и грустно, и тоскливо, но мы со всем справлялись, потому что всегда были вместе. Даже когда уходили в город поодиночке.

Благодаря молчаливой внимательной Шпулке я одет в плащ, штаны и ботинки. От Зеленки у меня в рюкзаке бинты и пластыри. От Котелка – вяленое мясо голубя и ковыльные сухари, пусть и без его ведома. От Атласа – карта, спички и пара свечей. А у каждого из них от меня – яркие фонари и верёвки с крюками.

Я не стал говорить об этом вслух. Ведь скоро мы выберемся из этой проклятой школы, и тогда Чёлка сама всё увидит. Сама со всеми познакомится и станет жить с нами. Я ведь её нашёл, мне и приглядывать.

Обязательно выберемся.

– Вот что, – сказал я девочке, когда она немного успокоилась. – Мы сбежим от него. Вместе сбежим. Это легко – он не увидит нас, пока мы под одеялом. Нужно только добраться до двери в коридор. Заберём фонарь и поползём вдоль стены, ощупью. Справишься, Чёлка?

– Ага, – пообещала она, несмело улыбнувшись.

– Держись рядышком. Плечом к плечу.

Подтянув под себя ноги и локти, прикинул, в какой стороне оставил фонарь. Стиснул края одеяла пятернями и прижал к земле. Глянув на меня, девочка погасила зажигалку. Зашуршала ткань, а потом острое плечико ткнулось в моё.

– Дроссель, – позвала шепотом из кромешной темноты, совсем рядом. – Ты и вправду ни капельки не боишься?

– Шутишь что ли? Он ведь очень страшный! Его все боятся, даже Нож и Рулетка, – нервно похихикал. Помотал головой. – Просто я должен вернуться домой. К друзьям. Я им нужен, а они мне. Поэтому не могу просто сидеть здесь и трястись. Готова?

Посопела в темноте. Поёрзала. Шмыгнула носом. И шепнула:

– Ага.

Мы медленно двинулись вперед. По шажку. По волоску, стараясь не шуметь. Занозистые половицы тихо поскрипывали под коленками. Шуршало одеяло.

Снаружи не доносилось ни звука. Как будто не было ничего кроме досок под ногами, ткани на спине и тонкого плечика слева. Единственной надёжной опоры. Единственной хрупкой частицы тепла и покоя во мраке, которую необходимо было сберечь. Сердце стискивала шершавая ладонь от мысли, что это плечико вот-вот исчезнет. Растворится в клокочущей чёрной тишине. Но если это всё же случится, я буду следующим. От этой мысли странным образом становилось спокойнее.

Правый кулак, обмотанный тканью, мягко ткнулся во что-то тяжёлое.
– Чёлка, посвети.

Щёлкнула зажигалка, яркий маленький огонёк затрепетал в ладони девочки. Медленно приподнял край одеяла, выглянул наружу.

В тёмную щель, освещённую дрожащим золотистым светом, стеклянными глазами заглядывал плюшевый мишка.

Фонарь лежал левее, в десяти шагах.

Я вздрогнул и отпрянул, а в следующее мгновенье сверху беззвучно рухнула кровать. Половицы заходили ходуном. Глухие удары раздавались то справа, то слева, одеяло навалилось сверху, мешая дышать. В панике шарил под ним руками, нашарил холодную и скользкую ладошку Чёлки, стиснул изо всех сил.

Ладошка дёрнулась и сжалась в ответ.

Несколько мгновений мы просто лежали, поглощённые ужасом, а вокруг нас в безмолвии свирепствовал хаос. Потом так же внезапно всё улеглось.

– Ты в порядке? – хотел спросить я. Но не смог, отчаянно закашлявшись.

Запах горелых перьев заполнил всё вокруг.

Одеяло!

Думать было некогда. Я отбросил ворох ткани в сторону, рывком поднял на ноги Чёлку. Взметнувшиеся в воздух комки мягкого пуха вспыхнули, как сухая мука. Оранжевый факел вытянул тени, разогнал смертельно опасный полумрак. Сразу вернулись звуки. Стенания половиц, лязг метала. Всего на несколько мгновений.

Не помня себя, мёртвой хваткой вцепившись в скользкую ладошку, бежал к спасительной двери. Метался меж ножек сваленных в кучу кроватей. Пламя за спиной слабело с каждой секундой. Только бы успеть!

Дверь захлопнулась. В дальнем углу оставленной детской спальни притаился полумрак.

Застыл, чувствуя, как ужас дышит в спину. Ещё немного, и наши тени коснутся его. Значит, здесь всё и закончится?..

Чёлка отчаянно рванулась в сторону, вывернув ладошку из захвата. Искрой метнулась к окну, на ходу щёлкая зажигалкой. Так вот что задумала!

Маленькое яркое пламя лизнуло край невесомой занавески.

Что было дальше, я уже не видел. Только успел заметить, как второй факел загнал полумрак в щель косяка. А потом в иступлённом рывке, зажмурив глаза, врезался плечом в крашеную фанеру, в ворохе острых обломков вылетел в коридор и рухнул на пол.

Больно. Сердце колотится как бешеное, стучится в уши. Трудно дышать. Значит, ещё живой.

Открыл глаза.

Она стояла надо мной, расставив ноги-спички. Расправив острые плечики, вскинув над головой тонкую руку. Голодная тьма в бессилии отступала перед ней. Перед жарким огоньком на ладошке.

Я был ещё жив. Мы были живы благодаря Чёлке.

Сквозь рваную дыру, пробитую в фанерной двери, мерцали зелёные сполохи глаз. Пустые и бездонные, как у глубоководной рыбы. Оно не залилось. Не знало, что это такое. Но больше не улыбалось.

– Ты в порядке? Не поранилась? – спросил, задыхаясь.

– В порядке, – эхом отозвалась девочка, мелко дрожа, но не опуская руку. – А ты?

Плечо ныло и перестало гнуться. В правую ногу, в самую середину бедра, вонзилась острая щепка. Удивительно, что всего одна. Если вынуть сейчас, кровь хлынет ручьём, и без перевязки до выхода из школы я могу не дожить, а это лишняя трата драгоценного горючего. Придётся терпеть.

– Бывало и хуже.

Увидев торчащую из штанины щепку, настороженная Чёлка сразу же кинулась ко мне.

– Нет! Не вздумай. Не забывай, где мы.

Тьма обступала нас с двух сторон. В ней копошились и клубились бесформенные силуэты. Как будто грозовая туча. Или пылевое облако в жаркий ветреный день. Только дыхание, как и прежде, опадало на пол ледяными хлопьями. Пол всё так же ходил под ногами ходуном, а стена то и дело вздрагивала.

Если бы в коридоре стояла хоть какая-то мебель, от нас не осталось бы даже воспоминания. Но пока мы здесь и пока у нас есть зажигалка, тьме до нас не дотянуться.

– Ну ты даёшь! – рассмеялся, придвинувшись поближе к стене. – Как только додумалась?

– Не знаю, – ответила девочка и села рядом. – Не успела понять, что делаю.

– Ты хоть понимаешь, что спасла нас? Ты была прямо как... – неловко замялся на середине слова. Как кто? Уж явно не как Нож и Рулетка. – В общем, если бы это видели другие дети, уже завтра о тебе знал бы весь город.

– Но ведь это из-за меня мы тут оказались, – потупившись, Чёлка обхватила руками колени. – Ты полез меня спасать и поранился. А ещё я подожгла твоё одеяло. И мы забыли твой фонарь. Прости...

Меня легонько кольнула досада. Она была права. Если бы не побежала сюда, как напуганная белка, не разбирая дороги, мы бы провели ночь в пустом мусорном баке, завернувшись в одеяло, которое теперь не спасти, и самой большой проблемой были бы тараканы.

Но вся обида на Чёлку давно испарилась без следа. Ведь эта хрупкая девчонка, ничего толком не знающая о Песочном городе и нашем страшном безмолвном враге, встала между ним и мной. Не думая.

Так поступил бы любой из нас, увидев друга в беде. И теперь мне было стыдно перед ней за эту невольную досаду.

– Ну спалила одеяло. Большое дело. Считаешь, что виновата, – сшей новое.

Чёлкины глаза сделались ещё больше.

– Я не умею шить...

– Да не беспокойся! Я просто пошутил. Шпулька сошьёт нам по одеялу, а мы с тобой ей поможем.

– Кто это – Шпулька?

– Моя подруга. Мы живем впятером – я, Атлас, Шпулька, Зеленка и Котелок.

– А-а... – протянула девочка. И чему-то покивала. – Понимаю...

Почему-то это её «понимаю» заставило меня неловко поёрзать.

– Э-э... Я тебя со всеми познакомлю, – сказал чуть громче, чем следовало.

– Если понравится в нашем жилище, можешь остаться. Чем нас больше, тем веселее.

«И безопаснее», – прибавил про себя. Но вслух говорить не стал.

– Поэтому хватит просить прощения. Ладно? Мы уже почти выбрались. Осталось пройти коридор, спуститься по лестнице, а там до выхода уже совсем близко.

Вспомнил крутые скрипучие ступени. Вспомнил классы без дверей с кучей искореженных парт, разломанные скамейки возле входа.

Как только мы спустимся, нам конец. Если только по пути не найдётся старая занавеска, чтобы заменить сгоревшее одеяло.

Но Чёлка снова поверила. Снова улыбнулась. Другой улыбкой, более смелой и открытой. В огромных глазах заплясали отблески маленького жаркого огонька.

От этого мне стало стыдно и тоскливо.

Немного отдышавшись, мы двинулись по коридору. Свесив рюкзак на левое плечо, чтобы разгрузить раненое бедро, я медленно хромал впереди. Следом за собой за подол толстовки тащил пятящуюся Чёлку. Та неловко семенила босыми ногами, то и дело наступая мне на пятки. Подошва левого ботинка оторвалась уже наполовину, но я не обращал внимания.

Клубящийся полумрак неохотно расступался перед дрожащим огоньком свечи в моей левой руке. Мгновенно смыкался позади, опасаясь приближаться к свечке Чёлки. Куда бы мы ни сунулись, в какой бы угол ни заглянули, он уже был там и поджидал нас. Один-единственный ненасытный враг был повсюду. В каждой щели под ногами, под каждым плинтусом. Даже под босыми пятками. Иногда впереди сверкали зелёные сполохи глаз. Иногда сзади – Чёлка вздрагивала и начинала чаще дышать. Всякий раз я сильнее стискивал подол её толстовки. Всякий раз боялся, что лёгкая ткань обмякнет в моих пальцах.

Тёмный Невидимка, похоже, наблюдал. Заново присматривался к хитрой и упрямой добыче, не желающей сдаваться, даже попав в бездонное брюхо старого кирпичного гиганта.

– Дроссель, – шепнула Чёлка. – Твоя кровь...

– Кровь? Что с ней?

– Когда тень касается её, капля превращается в кучку пыли, – голос девочки дрогнул. – Что же здесь творится? Кто за нами охотится?

– Он не «кто». Он – то, чего нет. Пустота. И он голоден.

– Как то, чего нет, может быть голодным? – шмыгнула носом. – Его ведь нет. Значит, и голода тоже нет.

– В «Книге Старших» написано так: «Иногда то, чего нет, куда значительнее, страшнее и опаснее, чем то, что есть. Ведь там, где ничего нет, обязательно что-нибудь появится».

– Ничего не поняла, – фыркнула Чёлка.

– Я тоже, – хмыкнул, поворачивая к лестнице. – Некоторые дети говорят, что эту книгу написал сумасшедший, а почерк местами такой неразборчивый, что... Что за?..

Лестницы не было. Вместо неё зияла хищная пасть пропасти, ошестинившаяся разломанными в щепки половицами. Дна в темноте было не разглядеть. Носком прохудившегося ботинка я пнул вниз маленькую щепку и прислушался. Уже после запоздало сообразил: бесполезно. Этот голодный мрак, похоже, питается звуками так же, как свежей кровью.

– Похоже, не такой уж и сумасшедший был автор «Книги Старших», – выругавшись про себя, вздохнул я. – То, чего нет, только что спутало наши планы.

– Может быть, бросим вниз свечу? – предложила Чёлка. – Узнаем, далеко ли дно. Может быть, здесь совсем не высоко.

– Свечка, скорее всего, потухнет. Нужно что-то вроде факела. Или горящий бумажный комок. Подожди-ка...

Запустил руку в рюкзак, вытащил старый газетный лист, разорвал пополам, зажав в зубах, скомкал в два неровных бумажных катышка и бросил один вниз, подержав над пламенем свечи. Он вспыхнул огненным шариком, осветил стены лестничной шахты. Но дна так и не достиг. Бросил второй. Вышло удачнее, но ненамного.

– Похоже, до самого подвала разворотил, – с досадой бросил я.

Что же нам теперь делать?

Каждый раз, когда кажется, что выход становится ближе, он отодвигается дальше, чем был. Бежишь на месте, медленно переставляя ноги, будто сквозь смолу, и не можешь сдвинуться с места. А прямо за спиной уже дышит в затылок неведомая, но очень страшная опасность. Правда, когда она настигает и кладёт когтистую лапу на плечо, всегда можно проснуться. В холодном поту, задыхаясь, с бешено колотящимся сердцем, но в безопасности. Рядом с друзьями.

Можно, но не сейчас. Сейчас всё по правде. По правде сгущается вокруг голодный мрак. По правде болит раненая нога. По правде свечка сгорела

уже наполовину. А когда она догорит, я не проснусь, а исчезну. Навсегда. И меня никогда не найдут. Прямо как сказала Зеленка.

И Чёлку – тоже.

– Дроссель, – позвала девочка, дёргая за рукав.

Взглянул на неё.

Огромные глаза смотрели спокойно. Не было дорожек слёз на щеках. Она всё понимала. Когда я успокаивал её, готовясь к неизбежному. Когда уверял, что мы в безопасности, ожидая удара в спину. Понимала и благодарно улыбалась.

Глядя в глаза Чёлки, вдруг вспомнил, кто, когда и за что в первый раз назвал меня Дросселем.

А ещё – понял, что нам нужно делать. Раньше, чем эта сумасшедшая девчонка сказала своё слово.

– Дроссель, – позвала, отбросив со лба длинные пряди-сосульки. – Давай разведём большой костёр.

Мы вернулись обратно к разломанной двери детской спальни. Собрали острые щепки и куски фанеры. Сложили домиком прямо возле косяка. Щёлкнув зажигалкой, Чёлка подожгла рожок из газеты, нарочно оставленный мной торчать для удобства. А потом мы оба принялись дуть на несмелые красные искорки, раздували, пока не закружилась голова.

Пламя занялось. Мы погасили ставшие бесполезными свечи. Принялись подбрасывать в костёр крупные обломки. Даже выворотили одну тонкую доску с пола, державшуюся на честном слове и ржавом гвозде, приволокли и прислонили рядом. И смеялись.

Едко пахло горелой краской, жгло глаза дымом, наползающим в коридор, но мы смеялись. Громко и переливчато.

И нам казалось, что смех разгоняет хищный мрак не хуже пламени костра.

Горела дверь. Горели деревянные косяки. Горели занозистые половицы. Горели ярким пламенем глаза Чёлки. Эта школа, как и многие старые здания, была выстроена из кирпича, но и здесь огню было где развернуться. Мы развели самый большой костёр в Песочном городе. Он медленно и неотвратимо разгорался всё жарче и жарче.

Перекладина двери обуглилась. Фанерный щит пошёл волнами и растрескался. Мы подняли выдранную из пола жердь, размахнулись и, обрушив её на остатки двери, повалили их внутрь детской спальни.

Школа содрогалась в безмолвном ужасе и гневе. Как двое маленьких детей с тусклыми свечками посмели творить в ней такое? Кто разрешал им давать отпор? Кто позволил в ответ покушаться на её жизнь?

Теперь будет знать, что загнанные в угол напуганные дети тоже бывают опасны. Если останется в живых.

Бросив жердь с одного конца горящей пропасти на другой, я подтолкнул к ней Чёлку.

– Иди вперёд, пока она не загорелась! Я в ботинках, мне не страшно, а ты – босиком. Не волнуйся, пойду сразу за тобой.

Быстро перебирая пятками, девочка перепорхнула через костёр. У меня так не вышло – подводила раненая нога. Уже в самом конце жердь треснула прямо посередине, и я угодил левой ступнёй прямо в малиновые уголья, схватившись ладонями за раскалённый край половицы.

С неожиданной силой девочка стиснула меня за ворот плаща и втащила наверх. В её глазах горела решимость.

Об ожогах думать было некогда: спотыкаясь о выступающие доски, разбрасывая вокруг себя щепки, к нам понеслась кровать. Обернув ладони рукавами плаща, схватил горящую головню и со злобой швырнул прямо в неё. Резко затормозив, железная рама попала ножкой в щель и повалилась на бок.

Кирпичные стены заходили ходуном в бессильной злобе.

Мы бросали головни, пока вся спальня не наполнилась дымом. Одна из них попала в занавеску, вспыхнувшую ярким факелом. Две других угодили прямо на один из старых ватных матрасов. Он быстро потух, но продолжил тлеть, постепенно снова разгораясь. Вскоре всю комнату охватили несмелые сполохи, с каждым мгновением становившиеся все ярче.

Спальня была отбита.

А вместе с ней – выход наружу.

Не теряя времени, я подскочил к чугунной батарее, опёрся на неё спиной и сложил ладони лодочкой. Чёлка порхнула ко мне и легко взлетела на подоконник. А когда я, разбежавшись, подпрыгнул, ловко схватила меня за запястья и с той же неожиданной силой втянула к себе. Размахнувшись как следует, ударил в стекло свинцовым грузом, привязанным к концу верёвки. Потом ещё дважды, чтобы расчистить путь от острых осколков.

Перед нами распахнулась дождливая ночь. В лица дохнул холодный ветер. Промозглая сырость показалась леденящей, будоражащей свежестью.

Мы стояли на пороге спасения.

Распутал верёвку, выбросил груз за окно, а свободным концом принялся обвязывать батарею. Обожжённые пальцы страшно болели и отказывались слушаться, но в конце концов дело было сделано. Дёрнул пару раз, кусая губу.

– Верёвки не хватит до земли, – обернулся к Чёлке. – Только до подоконника первого этажа. Когда почувствуешь под ногами груз – прыгай вниз, пока из окна что-нибудь не вылетело, и откатывайся в сторону. Я пойду следом.

Девочка упрямо помотала головой.

– Ты иди первым. Ты ведь ранен! Тебя нужно как можно скорее перевязать.

Я благодарно улыбнулся и положил на её взъерошенную макушку обожжённую ладонь.

– Потому и прошу тебя идти вперёд. Ты лёгкая, тебя узел точно выдержит. Будешь внизу – подстрахуешь, если не справлюсь. Или если верёвка отвяжется. Я спущусь прямо следом. Обещаю.

Улыбнулась, сморгнув слезинку. Вывернулась из-под руки. Отвернулся, чтобы не заметила, как от боли прикусил губу. А когда обернулся, Чёлка уже быстро спускалась по верёвке. Казалось, прошло всего мгновение, прежде чем снаружи послышалось громкое «Дро-оссе-ель!»

Снова обмотав ладони рукавами плаща, ступил на край подоконника. Медленно стравливая, наклонился спиной вперёд. Оттолкнулся здоровой ногой и начал спуск.

Руки нещадно жгло даже сквозь толстую вощёную ткань. По подбородку потекли горячие капли.

Я снаружи. Я выбрался из школы. Мы выбрались. Осталось совсем немного потерпеть. Вот уже скрипит под ногами деревянная рама. Уже скользит стекло. Ещё чуть-чуть.

Под грохот и звон разлетающихся осколков я влетел ногами вперёд прямо во мрак.

Верёвка тренькнула и ослабла.

Последним, что услышал, было пронзительное и истощное «Дроссель!»

А потом со всех сторон, будто клокочущая чёрная вата, навалилось голодное ничто.

Прости меня, Чёлка...

Надежда КАЛАШНИКОВА

Восстань, пригоршню праха в лицо брось небесам

Глава 6 из романа «Цветы Калормена»

Пятнадцать лет назад

Вода кончилась три часа назад. По крайней мере, когда он вылил из фляги на пересохшие губы последние капли, солнце было за спиной, а теперь маячило строго над головой, долбя в макушку безжалостным жаром. От мерного покачивания ослиной спины подташнивало. Даже коня пожалели...

Ронин вновь потянулся к фляге, надеясь не иначе как на чудо. Колодцев не было видно, и казавшаяся поначалу вполне одолжимой пустыня развернулась перед ним во всепожирающей своей мощи. Повернуть назад?..

Ни за что.

К тому же и назад он вряд ли выберется – уже плохо разбирал, в какой стороне остался ненавистный Арченланд. Куда ни глянь – сплошные пески, редко где протянет колчючие свои побеги саксаул...

Осёл под ним шёл медленно и устало. Не реагировал на понукания, и всё чаще оглядывался: де хозяин, где вода, еда и прохладное стойло, сколько ещё будет продолжаться это измывательство?.. Увы, у хозяина не было ответа.

Ронин чувствовал, что скоро не выдержит – он сам, осёл или оба. Оставался единственный вариант, пока животное под ним ещё не пало.

– Я не желал бы тебе такой судьбы, – губы разжались с трудом, треснув и закровоточив. Ронин раздражённо вытер противную струйку рукавом. – Но если я этого не сделаю, умрём мы оба.

Осёл не ответил: он был неговорящим. Впрочем, Ронин не был уверен, что окажется тот разумным, это бы что-то изменило.

Нож полоснул по шее, не дрогнув, убивая быстро. Ронин опустился на колени, ощутив поднимающийся от песка жар даже сквозь плотные штаны, и приник к распоротому ослиному горлу. Горячая ещё кровь била толчками из артерии. Солёно-горькая на вкус, она нисколько не утоляла жажду. Но всё-таки насытила, придав хоть немного крепости ослабевшим членам пятнадцатилетнего юнца.

Ронин понимал, что тащить с собой тушу он не сумеет. Поэтому ограничился тем, что нацедил в пустую флягу густой крови. Руки и лицо всё перемазались, но это не слишком его заботило. Поднявшись на ноги, он пошёл дальше, уже совершенно потеряв направление. Казалось – он идёт очень долго, целый день. В действительности же солнце едва ли двинулось на пару часов.

Жар не спадал. Колодцев по-прежнему не наблюдалось, равно как и хоть кого-то живого. Впрочем, последнее было явно к лучшему. Ночью он слышал отдалённый вой – шакалы или гиены. А из оружия у него только нож. Да и то – сумеет ли он пустить его в ход, когда каждый шаг даётся с невероятным трудом?..

Внезапно повеяло свежестью, ароматом цветущих арченландских яблонь – нежным и горьким одновременно. Ронин уже решил, что вновь зло шутит мираж...

С бархана спускался Лев. То, что это не дикий хищник, Ронин понял как-то сразу. И хвататься за нож не стал. Лишь постарался держать голову прямо, хотя ту, раздираемую болью, неудержимо клонило вниз.

– Ронин, – заговорил Аслан. – Кровь кончилась, до ближайшего колодца две мили. Ты не дойдёшь, солнце иссушит тебя.

– Тебе-то что? – с трудом разлепил губы юноша.

– Я хочу помочь тебе, сын Адама, – печально сказал Лев. – Ты озлоблен, но обида не доведёт до добра. Она уже привела тебя на порог гибели. Одумайся, Ронин!.. Всё ещё можно исправить.

– Мне не нужна помощь от тебя, – сжал кулаки Ронин. – И от всех твоих прихвостней!.. Я лучше умру, чем приму помощь от тех, кто обрёл мою семью на гибель!..

Аслан покачал тяжёлой головой:

– Твоя семья сама избрала свой путь, Ронин, а печальный её финал – лишь закономерное следствие. Я не убивал твоих близких, и король Лум – тоже. Напрасно ты с ним поссорился.

– Мне ничего от тебя не надо, – упрямо повторил юноша.

– Ты горд, Ронин. Но подумай – что даёт тебе гордость? Смирись, вернись обратно и примиришься со своим королём. Зелёная тропа проведёт тебя сквозь сердце пустыни до Арченланда, песок более не коснётся тебя.

– Я лучше умру, чем приму от тебя помощь, – ответил Ронин. – Ты бросаешь своих детей на произвол судьбы. Ты даже обожаемую свою Нарнию обрёл на вечную зиму!.. И ты смеешь говорить, что я неправ?! Я всего лишь защищал то, что мне дорого!..

– Судьба Нарнии скоро переменится, – промолвил Аслан. – Мне очень жаль, Ронин. Но я не могу помочь насильно. Если такова твоя воля и твой выбор – я не смею ему перечить.

Яблоневоый аромат резко пропал, и духота обрушилась с новой силой. Ронин пошёл дальше, не разбирая дороги, но скоро колени его подогнулись, в глазах потемнело, и горячий песок лёг под ничего не чувствующую щеку.

Вороны закружились над живым ещё юношей, предвкушая пир...

Резкое карканье чужака вспугнуло птиц. Крупный ворон, разогнав стаю, сложил крылья и камнем понёсся к барханам. Однако ж не разбился. Обернулся человеком с птичьей головой.

В руке его сверкнула молния, и он с силой ударил ею о песок недалеко от лежавшего лицом вниз юноши.

Загрохотало так, будто где-то раскололись надвое скалы. За спиной прищельца быстро сгущались тучи, сизые и непроглядные. Вот они закрыли белый шар солнца, вот первая капля растаяла в нагретом воздухе, не достигнув раскалённого песка. Но следом пришла другая, третья, тысячная...

Ронин застонал, очнувшись от лупившего по спине дождя. С трудом перевернулся и принялся жадно глотать щедро льющуюся влагу, не открывая глаз. А едва открыв, вскочил на ноги. Решил, что склонившаяся над ним воронья голова на человеческом торсе ему привиделась, но разум прояснился, а она всё не исчезала.

– Добро пожаловать в Калормен, – чуть насмешливо произнёс птицеголовый. – У нас заведено, что первым делом гостя надо накормить... и тем паче напоить, если он умирает от жажды, а уж потом вести беседы. На Севере, видимо, считают иначе... Итак, кто ты и как оказался в сердце пустыни?

– Меня зовут Ронин. Родился на северной окраине Арченланда. Я... поссорился со своим королём и решил, что за пустыней мне будет лучше. Но воды не хватило, я пил ослиную кровь, а после кончилась и она...

Тёмные под хлеставшим дождём пряди облепили ему всё лицо, но он не торопился их отодвигать. Отметил, что чёрные перья прищельца не намокли, будто тот стоял под укрытием.

– Ты колдун? – спросил обречённо. Он бежал от северных колдунов – чтобы наткнуться на другого?..

– Таш Неумолимый, – с явным удовольствием представился тот. – Мне интересны сильные духом и волей люди, и порой я помогаю им, не дожидаясь молитв.

Дождь стих также быстро, как начался. Вернувшееся солнце обещало впитать всю влагу за четверть часа, но Таш ударил пяткой – Ронин только сейчас заметил, что тот мало что без рубахи, но ещё и без обуви – и на месте том возник колодец, от которого пахло благословенным холодом.

...В Арченланде ходили слухи о главном калорменском боге, что обращается вороном. Говорили, что у него четыре руки и на каждой огромные когти, которыми он разрывает жертв на страшных своих алтарях. Хотя Калормен официально запретил человеческие жертвоприношения уже два с лишним столетия как. Говорили, что безжалостен и неумолим тот бог – отнимает самое дорогое у тех, кто к нему взывает, отчего бедняги сходят с ума или вовсе бросаются на кривые свои сабли...

Ронин же вспомнил, как на месте колодца стоял Аслан, говоря что-то о смирении, пока он изнывал от жажды. И, более не раздумывая, опустился на колени, склоняясь к босым ногам Птицеликого.

– Добро пожаловать в Калормен, – задумчиво повторил Таш.

И добавил:

– Азрох.

Руки безвольно свесились, белея в полумраке на синем разметавшемся, уже помятом подоле. Сьюзен скользнула по нему равнодушным взглядом.

Колени от жёсткого и неудобного мрамора отделял только подол платья. Голова даже без короны казалась страшно тяжёлой.

Сьюзен никогда не чувствовала себя такой беспомощной за все годы правления. Даже когда они были младше, не умея ничего нужного правителям, – они были вместе. Впервые Четверо разделились так надолго. Питер на войне, Люси в Кэр-Паравеле, она здесь, под потолком беломраморного дворца, за решёткой. Эдмунд... она поняла только, что его нет в Ташбаане. Куда он собирался идти и что делать – шпион не знал. Или вернее – не сказал по просьбе брата. Чем меньше она знает, тем меньше шансов выдать – нечаянно или...

Или?

Что теперь с ней будет – пленницей, королевой страны, на мирный договор с которой наплевали в одночасье? Рабадаш попытается через неё надавить на Нарнию? Женится, не спрашивая согласия? Или... или просто возьмет силой, не утруждаясь свадьбой, а когда надоест – отдаст своим воинам? Помнится, именно в таких красках и рисовала её будущее миссис Бобриха, отговаривая Сьюзен от поездки. Люси, побледнев, схватилась за кинжал от таких предсказаний, а обычно спокойный Эдмунд рывкнул так, что задрожали стёкла тронного зала.

Неужели Бобриха была права?.. Ноги королевы подкосились, она опустила на колени у окна, видя лишь чистое голубое небо.

Небо в переплетении проклятых решёток.

– Аслан, – проговорила она тихо. – Я не справляюсь. Я не вижу выхода. Укажи дорогу. Спаси моих родных, мою страну. Я не посмела бы тревожить тебя, если бы знала, что должна делать. Но я не могу справиться даже с самой собой, что уж говорить о том, чтобы вести за собой других. Только ты можешь спасти Нарнию, как встарь. Мы с Эдом снова налажали, Аслан. Мы... я налажала. Конечно, я, я одна. – Сердце сжалось от боли, стоило вспомнить чёрные яркие глаза, стремительность и резкость, и горький запах шафрана, и... – Я... влюбилась не в того человека. Опять. Если прежде недостойные мои чувства пятнали лишь мою честь, то теперь в опасности оказалась целая страна. Лучше мне было не влюбляться. Лучше бы мне быть страшной... и не пытаться выйти замуж, никто ведь из Четверых... а мне будто больше всех надо, и... Прости.

Сьюзен замолчала, прислушиваясь к тишине сада за решётками окна – и к собственному сердцу. Ожидая хоть какого-то отклика, отголоска, намекнувшего бы: её услышали, её поняли, она не одинока.

Они все не одиноки.

Люси тянулась к Аслану со всей открытостью распахнутого сердца. Питер, поколебавшись, однажды выбрал его сторону – и с тех пор стоял на том крепче, чем камень, вросший в землю. У Эдмунда после Каменного Стола просто не было выбора. Сама же Сьюзен редко обращалась к Великому Льву.

– Аслан, – вновь шевельнулись изящно очерченные губы.

Она не ждала, конечно, что перед ней опадут решётки и появится грифон, унося королеву прочь. Так это не работает. За годы правления они неплохо усвоили, что работать надо собственными руками и головой. А поймают их только если будут падать...

...Пару лун Сьюзен снилась падающая со скалы Люси. Та стояла слишком близко к краю, бурно жестикулируя, – и никто не понял, как она полетела вниз. В Питера вцепились трое – на всякий случай. Дёрнулся он так, что не одной Сьюзен показалось – шагнёт следом, а терять двух правителей разом Нарния не собиралась. У Золотой королевы тошнота подкатила к горлу от одного только взгляда вниз. И тут донеслось ворчливое: «Может, кто-нибудь уже соизволит вытащить меня отсюда?»

Люси поймал куст, столь хлипкий на вид, что не удержал бы и говорящего зайца, не то что тринадцатилетнюю на тот момент королеву. Королева заявила, что куст прошептал: «не бойся, моя дорогая!..» Уже оставшись только с семьёй, буркнула, что вообще-то Лев отчитал её за то, что торчит на краю.

Сьюзен чувствовала себя рухнувшей с обрыва. И что-то никакой куст не торопился ее подхватить.

– Ну ладно я, – с горечью сказала она. – Но Нарния, Аслан! Она ведь дорога тебе!.. Калормен сметёт её, сожжёт, как солнце в пустыне выжигает всё живое...

Силы оставили Сьюзен, и она зарыдала, не заботясь даже о том, что подумает охрана у дверей. Пусть делают что хотят, ей всё равно. Она рыдала и молилась – взахлёб, желая получить любой намёк, говоривший бы о том, что о них помнят, их не бросят...

Но небо голубело в переплетении решёток – такое же равнодушное. Ни облачка, ни ветерка. Ни единого знака.

– Не ради меня, Аслан, – уже без всякой надежды повторила Сьюзен.

Колени наконец заныли от твердого и холодного мрамора. Сьюзен неловко поднялась, промокнула глаза смятым подолом. Зеркал в покоях не было, но она представила, как выглядит со стороны – зарёванная, в измятом платье, с затравленным взглядом... Словно забитая дурнушка с бедных кварталов Ташбаана – это Золотая-то королева!

Так нельзя. Иначе она сломается без всяких усилий со стороны Рабадаша. Он, в конце концов, влюбился в гордую, не уступающую братьям женщину, а зайди сейчас сюда – обнаружит жалкую пленницу. Это при том, что дурного лично ей пока что никто не сделал.

Итак, Рабадаш желает войны. Очень хорошо. То есть ничего хорошего, разумеется. Она не может выйти с ним на битву, да и лук её остался дома. В любом случае она не собирается убивать того, кого любит.

Но кто сказал, что раз она заперта здесь, то бессильна? Женщин в Калормене считают за красивые и бесполезные цветы, призванные лишь услаждать взор. В Нарнии считали по-другому, и уж тем более никогда не согласилась бы с этим её королева.

Не боитесь исколоться о шипы, ваше высочество?..

Сьюзен ударила в дверь не кулаком – сразу ногой. Леди не пристало... но леди хорошо быть в собственном замке, в окружении слуг, воинов и двух братьев, готовых защитить от любой напасти. Леди хорошо быть с уверенностью, что её поймают даже на отвесной скале. Но одинокие беззащитные цветы срывают – походя, ради забавы, и бросают в грязь.

А леди, ко всему прочему, нужны красивые руки, без сбитых костяшек.

Шестнадцать лет назад

У дома ростовщика выстроилась длинная очередь, маясь под полуденным солнцем. Кто-то топтался на месте, кто-то сидел прямо в дорожной пыли. Улочка была тесной, и раздавшийся крик «Дорогу! Дорогому великому тисроку, да будет вечной жизнь его!» взбаламутил людей. Повскакав на ноги, они начали жаться к стенам.

– Дорогу!..

Свист бича летал в воздухе. Два десятка стражей свирепого вида разгоняли замешкавшихся. Четверо рабов несли разукрашенные золотом и оттого больно сверкавшие на солнце носилки. Тисрок восседал на них, осматривая владения ленивым взглядом.

– Дорогу великому тисроку – да будет вечной жизнь его – владыке Калормена!.. Вы, собаки, недостойные и глядеть на солнце империи, разойдитесь!..

Какого-то горбуна вытолкнули из первого ряда – нечаянно или нарочно – и тот упал под ноги носильщикам. Шедший первым раб споткнулся, носилки покачнулись, и тисрок не скатился с них единственно благодаря расторопности остальных рабов.

Глашатай поперхнулся на очередной «вечной жизни». Стражники вскинули копья, двое обнажили сабли. Горбун, рухнувший на колени, без сомнения, прощался с жизнью.

– О, как же я счастлив! – воскликнул он полным экстаза голосом, воздевая к небу руки. Точнее, только одну, левую, поскольку правую ему заломили за спину. – Да будет благословен этот день, подобный найденной среди навоза жемчужине!..

Тисрок жестом велел повременить с казнью. Один из стражей спросил:

– Великий тисрок – да будет вечной жизнь его – желает знать, чем таким хорош для тебя этот день, последний день твоей никчемной жизни?

– Безрадостную мою жизнь озарило солнце, и свет его ослепил меня, – вдохновенно ответил тот.

Тисрок шевельнул левой бровью.

– Кто ты? – задал вопрос уже другой стражник.

– Прах у ног господина, ничтожный раб, недостойный его милости...

– Да помощник цирюльника он. Ахостой кличут, – неохотно сказал кто-то из толпы.

Горбун же не унимался:

– Великий тисрок – да будет вечной жизнь его в веках! – средоточие справедливости и благоденствия, явился мне в счастливейший день, что станет моим избавлением. Всю жизнь меня преследовало невезение. Не повезло родиться младшим в нищей семье и увлечься книжной премудростью. Не повезло переболеть всеми болезнями и не уйти к богам. Не повезло оказаться на улице, и быть обвинённым в чужих долгах, и быть избитым горшечником Джасимом да сапожником Маруфом так, что след от доброты их навек остался со мной, – он указал на собственный горб. – Но вот уж череда мучений прервется, я вижу солнце, я иду к нему!.. – И Ахошта задрал уродливую голову к небу.

– Чего это Джасим!.. – возмущённо воскликнул кто-то в толпе и тут же умолк, будто ему зажали рот. Но было поздно.

Тисрок шевельнул правой бровью – и стража бросилась выволакивать из толпы Джасима и его соседа, оказавшегося тем самым Маруфом. Обоим скрутили руки и повели прочь.

Раздался негромкий смех. Это смеялся тисрок. Следом засмеялся глашатай, затем стражи, позднее – все остальные. Не смеялся лишь Ахошта, застыв с торжественным выражением на лице.

– Я не верю, что он незнатного рода, – заговорил тисрок, указывая на горбуна, – а если даже и так, это стоит немедленно исправить. Оказавшись в ситуации, где всяк обрёл бы неминуемый конец, он привёл к смерти своих врагов, да к тому же насмешил меня. Забрать горбуна в мой дворец! Таш свидетель – он станет либо придворным шутком, либо великим визирем!..

...Через три луны тяжёлый бархатный халат, шитый по подолу золотом, лёг на плечи горбуна. Острая его наблюдательность, отточенная уличными годами, разум в сочетании с жестокостью и льстивый язык нашли путь к благосклонности тисрока. Калормен обрёл нового визира.

В планы Рабадаша Эдмунд поверил сразу. Несмотря на то, что услышал о них из уст собственной несостоявшейся убийцы.

Тому, кого хотят убить или соврать, не отдают оружие. Не проводят за руку через толпу, кричащую, что головы северян были бы неплохим украшением для забора вокруг дворца тисрока.

Эдмунда будто охватило оцепенение. Двое суток без сна, побег, день в рабской шкуре, вымотавший всю душу Ташбаан... Шипикун улетел на вороньей спине к королеве Сьюзен, а ещё один ворон – напрямую в Кэр-Паравел, с перстнем-печатью Эдмунда. Слишком горькие вести нёс он домой, Люси могла не поверить.

Люси... Сердце сжалось. Что она может – одна? Большая часть боеспособной армии, возглавляемая Верховным, стянута на Дикий Север.

Острогрыз смотрел на своего короля. Не дождавшись реакции, проговорил:

– Ваше величество, нет нужды так переживать. Благодаря отважной леди Нарния будет предупреждена и сумеет встретить захватчиков!..

– Встретить – сумеет. А вот проводить...

Мышиный рыцарь умолк. Эдмунд повернулся к Луджайн, попросил – скорее приказал – неожиданно для себя:

– Нарисуй-ка мне карту Калормена. Сумеешь?

Тархина пробормотала:

– Конечно, в гаремах ведь разговаривают только о притираниях да о девяноста девяти способах ублажения господина... – и, подхватив прутик, принялась чертить прямо на песке, поясня по ходу: – Ташбаан, столица. Азым Балдах – в двух днях пути отсюда, средоточие империи, все торговые и почтовые пути проходят сквозь него. Калавар, Ингавар, Сельхмаат – сатрапии. Принадлежат видным тарханам, поставляют войска при необходимости, главы их или члены их семьи обязаны выступать в каждом военном походе... Масштаб неточен, ваше величество, но Ингавар, например, больше Калавара, я постаралась это передать.

Луджайн набросала ещё с десятков сатрапий с резко звучащими названиями.

– Дальше, – велел Эдмунд, глядя на нарисованную «карту» и пытаясь поймать ускользавшую мысль.

– Дальше идут провинции, присоединённые нынешним тисроком – да будет вечной жизнь его! – в течение его правления. В основном на юге и западе, но есть и ряд княжеств у Восточного моря... Я не помню все их названия, – смуглая рука двигалась всё медленнее, будто неохотно, но Эдмунда заботило другое.

– Что-то мне подсказывает: провинции не слишком-то рады оказанной им чести войти в великую империю... Насколько сильно не рады, Луджайн? Раз уж в гареме великого визирия обсуждают не только притирания.

– Мой брат погиб в бою с мятежниками, – невыразительно ответила Луджайн. – Судите сами о нравах варваров, король Эдмунд.

– Я не знал, – тихо сказал тот. Но следующий вопрос, хоть и мог быть истолкован как соболезнование, всё же преследовал иные цели: – Как давно?

– Четыре весны тому, – тем же бесцветным тоном продолжала тархина. – Отец прислал письмо – впервые за всё время, как я стала наложницей Ахошты. Хотя бы я смогла молиться и приносить жертвы за брата как положено об ушедших к богам...

– Но ваши провинции не успокоились до сих пор.

Тархина развела руками:

– Последний раз они бунтовали полгода назад... Кажется. Насколько мне известно, сейчас всё спокойно...

Мысль оформилась окончательно. И куда лучше подошла бы Питеру с его безумными авантюрами. Или младшей сестре, получившей своё прозвище не на пустом месте. Старшая же рывкнула бы в голос: «ты идиот, Эд?!». Как же недоставало её ворчливого голоса...

«Ради тебя я готов побыть идиотом, Сью. И ради Нарнии».

– Что скажет его наследное высочество, если провинции империи поднимутся вновь, в самый разгар завоевательного похода?.. Нарнии хотят

навязать войну на два фронта. Будет справедливо предоставить Калормену ту же возможность.

Луджайн вытаращицалась на него, позабыв о дурацком их обычае не смотреть на мужчин.

– Более бессмысленной затее сложно представить! Мятежников подавят войска тисрока – да будет вечной жизнь его – в очередной раз, и только!.. Если вам так не терпится умереть, король Эдмунд, я могла бы не трудиться выводить вас из Ташбаана!..

Король только отмахнулся. Глаза у него загорелись:

– Это мы ещё посмотрим, есть смысл или нет!.. Нарния может предложить то, что отобрал Калормен – свободу и независимость. Детали станут яснее на месте. Я дипломатией занимаюсь двенадцатую зиму подряд, Луджайн.

Тархина по-прежнему твердила, что это нереально и на что вообще он только надеется?.. «Идиот» не добавила только из уважения – или страха – перед его статусом, не иначе.

– На себя, – просто ответил Эдмунд. – И на Аслана. Он растопил столетние снега одним своим дыханием, самую смерть заставил отступить и бежать прочь – что ему горстка варваров? Что ему Калормен, сколь бы велик и ужасен он ни был?..

Но страх и неуверенность всё же охватили короля. До провинций ехать не один день – по чужой негостеприимной стране, избегая шумных городов и компаний, рискуя быть опознанным или просто убитым случайным прохожим... С одним только мечом, без воинства, без свиты, без...

– Раздобудьте мне коня, друзья мои, – сказал Эдмунд птицам и мышам, отбрасывая сомнения. Другого сколько-нибудь действенного способа, позволившего бы хоть немного уменьшить пыл, с каким Калормен обрушится на Нарнию, он не видел. А времени не было. Скопил глаза на Луджайн и добавил: – Двух.

– И красящую в тёмный цвет кожу краску, – устало добавила тархина. – Если уж ваше величество желает путешествовать по Калормену...

Эдмунд удивился:

– А такая есть? Что ж ты сразу не сказала? Тогда я переоденусь обратно из этой хламиды!.. – он раздраженно одёрнул длинные юбки, ходить в которых было дьявольски неудобно. А уж не дай Аслан убежать или драться...

– И я тоже! – облегчённо воскликнула Луджайн.

День назад

Удар лапой с хоть и подстриженными, но всё ещё страшными когтями пришёл в опасной близости от горла. Корин еле дёрнулся в сторону. Воротник треснул. Ключица и левая половина груди покрылись горячим и липким. Сердце же похолодело – несмотря на то, что пот лился ручьем под калорменским солнцем.

Впервые он оказался в настоящем, не тренировочном бою. Дома, почуяв слабинку противника, Корин частенько возмущался, что ему

поддаются. Достойного соперника принцу и впрямь было сложно найти: ровесников он обгонял по комплекции и навыкам, а сражаться со взрослыми ему было ещё рано.

Но здесь никто не собирался подыгрывать чужаку. Из оружия – только по кастету на каждой руке. Толпа рукоплескала каждому его верному удару, но точно также улюлюкала, когда медведь ревел и бросался на него.

– Да у белого кишка тонка будет супротив зверя-то, – донеслось до Корина, и он разозлился. Что эти темнолицые выскочки понимают в доброй драке!..

Удар всем телом оземь мгновенно вышиб из головы мысли, а из лёгких – воздух. Сгруппировавшись, он откатился аккурат тогда, когда медвежья туша уже собиралась рухнуть на него.

– Кор!.. – испуганный девичий взвизг. Диляра. Она тоже выступала сегодня: ходила по канату и была мишенью для метания ножей. У Корина замирало сердце каждый раз, когда сверкающая сталь втыкалась в дюйме от её закрытого лица и груди, а она лишь вскидывала руки, будто яркие крылья...

– Тишка, так его, так!.. Я на медведя ставил!

– А я – на пацана! Кор, давай!..

Имя брата, которого у него никогда не было, резало слух застарелой горечью. Надо было всё же назваться по-другому...

Королевский наряд принц благополучно сменил на рыже-зелёное трико. Лицо ему тоже разрисовали рыжим. Теперь, наверное, и король Лум не сразу признал бы в сопящем борце собственного сына. Собравшаяся же темнолицая толпа и вовсе не подозревала, что наблюдает за единственным наследником соседней страны.

...Пробный раунд вчера удался. Весь балаганчик сбежался посмотреть, как неизвестный белый пацан уложит на лопатки строптивного медведя. И таки уложил. То ли от неожиданности, то ли ещё от чего выведенный на арену Тишка осел на задние лапы с одного меткого удара. Этого хватило Корину, чтобы вскочить ему на спину с видом победителя и исполнить короткий танец. После Корина накормили какой-то пряно пахнущей похлёбкой, угостили слипшимися ромбиками пахлавы. Глядя на огромные звёзды, он слушал до глубокой ночи, как печально и протяжно играет дугар, даже украдкой вытер скатившуюся слезу, а потом его уложили прямо в балаганчике и укрыли конской попоной. Принц заснул с ощущением, что прошёл счастливейший день в его жизни.

Но сегодня медведь что-то и не думал падать, рыча и тесня Корина к ограждению. За ним несколько калорменцев уже обнажили сабли, готовые зарубить зверя, если тот вырвется.

Нога у Корина подвернулась, и он рухнул наземь. Тишка, до того отогнанный в другую сторону арены, почуввав слабинку, рысью помчался к упавшему. Корин попытался встать, но вскрикнул от острой боли в связках и упал снова. Свист толпы из одобрительного стал разочарованным. Кто-то уже пытался шумом отвлечь медведя, мчавшегося к своей добыче.

– Не надо, я сам!.. – крикнул Корин, умудрившись подняться. Кровь заливала грудь, рану щипало, подвёрнутая нога ныла, но азарт был сильнее. Никто не помешает ему уложить этого медведя!..

Корин увернулся с пути нёсшегося на него Тишки и от души врезал тому в ухо правым кулаком. А затем левым, вложив всю силу в два удара. Медведь, не сумев сразу остановиться, затряс головой, будто отряхивался от воды. Корин, не теряя времени, догнал его в два прыжка и врезал ещё несколько раз.

И поставил ногу на спину рухнувшего наземь зверя. Тишина на миг повисла над ареной, а потом взорвалась криками и аплодисментами.

– Кор!.. Кор Громовой Кулак!.. – крикнул кто-то, и толпа с жаром подхватила прозвище. Зазвенели медные – редко серебряные – полумесяцы, сбрасываемые в подставленный тюрбан.

– Здорово ты его. Тишке ведь уже четырнадцать с половиной лун, – восхищённо сказала Диляра, протягивая тюрбан с набранными монетами. На недоумённый взгляд пояснила: – Твоя доля. Бери, сколько надо. И я тебя перевяжу сейчас...

– Да оставьте себе, – пожал плечами Корин. Но та настаивала, и он всё-таки взял пару монет, не глядя.

– Ну ты, малый, даёшь, клянусь туфлями Шаата!.. – хлопнул его по плечу Тамир. – Силушки тебе и впрямь отпущено... Оставайся у нас, а? Что тебе у того короля делать? У него, поди, и так слуг полно. А нам такие люди нужны.

– Я...

И умолк. И хлопнул с размаху себя по лбу грязной после драки ладонью. Он же никого не предупредил... Даже не вспомнил про своих, пока торчал в балаганчике. Два дня и целую ночь, в чужой стране!..

– Да Перидан мне голову оторвёт! Голыми руками. А Эдмунд ему поможет!..

Наспех выгнав у артистов, где находится дворец тисрока, под недоумевающие взгляды Корин заспешил через Ташбаан. Подвёрнутая нога ныла, но не мешала ступать, а царापину он счел неопасной, решив, что перевяжут его и «дома».

Тени вновь удлиннились к вечеру. Скорее, скорее!

...Как бы ни торопился Корин, пройти мимо пожара на пристани не мог. И застыл с разинутым в ужасе ртом, молясь, чтоб это солнце Калормена напекло ему голову.

Грот-мачта «Серны», не выдержав жара и огня, с треском обрушилась на палубу, где лежали неубранные трупы северян. Белокожие люди Арченланда и нарнийцы – сатир, гном и два фавна.

Надежда КАРПОВА

ВЫПУСКНОЙ

Глава 2 из романа «Цена выбора»

Кристин собиралась на выпускной. Она двигалась будто на автопилоте. Её мысли блуждали далеко. Последнее время её не покидало чувство потерянности. Она не видела своего будущего. Хотя они с Женькой решили поступить в Аркозантийский Университет по направлению биотехнология, но перспектива яснее не становилась. Кристин казалось, её увлекает бурный поток, словно вся жизнь уже кем-то запрограммирована. Дело было не в выбранной профессии или университете, просто у Кристин пропало стремление хоть к какой-нибудь цели. Жизнь казалась бессмысленной.

Положение отца давило на Кристин. Всю жизнь именно этот факт заставлял её учиться. В университет она собиралась поступать, потому что этого ожидали окружающие. Тем более, она же выпускница элитной школы.

Но вот чего хотелось ей самой?

На этот вопрос Кристин не могла найти ответа. И посоветоваться было не с кем. Женьке этого не понять, её не тревожили подобные чувства.

Спросить у родителей?

Об этом даже думать было смешно. Кристин уже много лет перестала от них ждать помощи, понимания или поддержки. Наверное, это несправедливо. Если она оправдывает чужие ожидания, то почему не оправдываются её?

Возможно, ей просто не хватало духа бунтовать? Кристин боялась разрушить этот убогий, но стабильный маленький мирок. Разрушить всё и остаться ни с чем.

Закончив одеваться, Кристин направилась к выходу. Для удобства приподняла рукой длинный узкий подол из прозрачного синего гипюра, во второй руке несла туфли на шпильках под цвет платья. Из гостиной снова слышалась ругань родителей. Опять. Даже в выходной день они не могут нормально поговорить и решить свои проблемы. Кристин старалась не прислушиваться, но громкие крики так отчётливо разносились по дому, что не слышать их не получалось.

– Ричард, прекрати! Тебе вообще нужна семья? Ты за последние дни хоть несколько часов дома пробыл? Кристин окончила школу, а ты даже не поинтересовался у неё, как сдала экзамены.

– Не приплетай сюда дочь! Сама вспоминаешь о ней, только когда нужно попрекать меня. Если она молчит, значит, её всё устраивает. Ни характера, ни воли – просто тряпка. Она вообще моя дочь? Или этого твоего... Алексея, с которым ты во время учебы встречалась. Тоже тихоня был.

– Да ты... как у тебя язык повернулся?! Мерзаве... ай!

Звонкий звук пощёчины разнёсся по коридору. Кристин прислонилась к стене, не в силах дальше идти. Вздохнуть удавалось с трудом, в голове зашумело.

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне, Элис!

– А ты не пори чушь! Кристин – твоя дочь. Она замечательная, умная и красивая.

– Вот именно, всего лишь девчонка. Внешностью в тебя пошла, не поспоришь, но особого ума я в ней не увидел. Заученная школьная программа не показатель интеллекта. Ни яркой личности, ни твёрдого характера там и рядом нет. Такая же безвольная кукла, как ты. Только для красивого фасада на официальных мероприятиях и годится.

– Так вот, что ты обо мне думаешь?

– Для тебя это новость? Взгляни трезво на себя, кроме симпатичного личика ничего нет за душой. Как только бросил тебя Алексей, вцепилась в первого, кто внимание на тебя обратил – в меня. Учебу во время беременности бросила. Работать потом так и не захотела. Соратницей и помощницей мне стать не изъявила желания. Только и жалела себя всё время, требуя внимания, как обиженный ребёнок. Абсолютно бесполезное существо. И дочь такую же вырастила. Если бы не потеря репутации, давно бы развёлся с тобой. Но в наших кругах такое не поощряется. Поэтому продолжай строить из себя жертву, если тебе от этого легче, но прекрати выносить мне мозг.

– Ричард, ты... я...

– Хватит, закрыли тему. У меня полно работы и нет времени на эту мелодраму. Я ухожу.

Быстрые шаги впереди, шорох двери. Звон разбитого кувшина и тихие всхлипы. Всё звуки Кристин слышала словно сквозь туман, в ушах раскатывалось эхо горьких фраз.

«...просто тряпка...»

«...она моя дочь?..»

«...всего лишь девчонка...»

«...безвольная кукла...»

«...бесполезное существо...»

Сильно кололо в груди, осколки жестоких слов впивались в сердце. Как же больно.

Кристин через силу заставила себя сдвинуться с места.

Значит, всё было зря? Сколько бы она ни старалась, её усилия не оценят. Старательно сделанные уроки, хорошие оценки, научные проекты – не показатель интеллекта? А нужен-то характер оказывается. И как же следовало его показывать? Одеться в кожу, выкрасить волосы в зелёный цвет, сделать пирсинг в губе? Или шастать по барам и сборищам золотой молодежи с травкой и выпивкой? Или стать старостой, всех строить, возглавить Школьный Совет? Какой характер надо было показывать?

Кристин вышла из дома, заперев дверь за собой. Как надела туфли, в памяти вообще не отложилось.

Или любой характер будет бесполезен просто потому, что она не того пола? Ну не уродилась мальчиком, что поделывать. Интересно, если бы она пол сменила, это помогло? Или в этом случае нашлась бы ещё уйма причин, чем она не хороша? И зачем ей теперь университет, планы на будущее, мечты? Всё словно затянуло серым налётом безразличия.

Кристин бездумно вызвала флаер, указав пункт назначения: ресторан «Млечный Путь».

Даже заплакать не получается, внутри только пустота. Одно понятно со всей очевидностью: нет никакого смысла быть хорошей, держать лицо, поддерживать репутацию respectable семьи. Настроение поганое, ну и пусть все любят на её кислую мину. Нет сил больше маску носить. Эдди начнёт опять клинья подбивать и выпивку предлагать. Ну и пусть. Если выпить, алкоголь заполнит эту пустоту внутри? Послужит анестезией? Вот и будет случай проверить, что за терапевтический эффект постоянно ищет в выпивке мама.

Кристин спохватилась, что флаер уже стоит перед ней с открытой дверцей. Села в него, приложила рутер к передней панели и откинулась на спинку, закрывая глаза.

Может и с Эдди переспать, и перестать ждать от жизни чудес? Нет, она ещё не настолько отчаялась. Или настолько? А, плевать... незачем загадывать. Напиться и отпустить все тормоза. Надоело быть пай-девочкой. Хватит! Теперь она будет делать всё, что хочет. Хуже не будет. Куда уж хуже-то...

Кристин бездумно опрокинула в себя очередной коктейль, наблюдая за танцующими. Под модные хиты последних лет выпускники зажигали в танцевальной зоне. Яркие наряды, хаос движущихся тел, разноцветные зайчики светомузыки, ритмичная мелодия – всё оказывало почти гипнотический эффект. В голове изрядно шумело, думалось всё труднее. Но Кристин это только радовало.

– Может, хватит? – спросила Женька. – Ты уже третий час пьёшь, и толком ничего не съела. Такими темпами отключишься скоро.

– Вот и хорошо.

– Ты напиться до отключки решила?

– Вроде того.

– Да что случилось, подруга? Глядя на тебя, можно подумать, что вселенская катастрофа.

– О да, – у Кристин вырвался истерический смешок. – Рухнул мой мир. Сойдёт за каба... катафа... блин, ты поняла.

– Кристя, в чём дело? Расскажи.

– Не хочу. Вспоминать не хочу опять. И так гадко. Хочу просто забыть. Пусть только сегодня.

Кристин потянулась за вермутом и плеснула ещё себе в бокал, немного пролилось мимо на скатерть.

– Это не выход, – накрыла бокал своей ладонью Женька. – Завтра тебе ещё хуже будет. Из-за похмелья в том числе.

– Пусть. Не важно, – Кристин попыталась выхватить бокал, но пальцы соскользнули по мокрой ножке, сил в руках уже не хватало.

– Кристя, так нельзя. Сама ведь жалеть будешь, – Женька потянула её за плечо, с тревогой заглядывая в глаза.

– Я хочу забыть. Стереть из памяти. Вырвать из мозга неро... нейроны, где записано... Ты можешь сделать это?

– Это невозможно! Ты что?.. – Женька поражённо отшатнулась. – Мы же не терминалы.

– Тогда дай выпить. Я больше не могу... не сегодня... отключить мозг надо. Пусть только сейчас. Прошу...

– Поплакала бы ты лучше, подруга. Сразу легче станет, – Женька порывисто обняла её.

– Не могу, – глухо сказала Кристин ей в плечо. – Пусто совсем. Нет слёз.

– Ох, Кристя, у меня сердце разрывается. Хотя бы разбавляй соком. Больше не могу смотреть, как ты надираешься, а я ничем не могу помочь. Пойду танцевать. А когда решишь, что хватит, я провожу тебя домой, – Женька долила сока в бокал с вермутом и пошла в сторону танцплощадки.

Кристин отпила из бокала, снова возвращаясь взглядом к цветному людскому морю. Сосредоточиться на чем-либо становилось труднее. Мысли начали покидать голову. Хорошо.

– Красотка, чего киснешь? – приземлился рядом Эдди. – Улыбнись, жизнь прекрасна. Хочешь, развеселю?

Кристин лениво повернулась к нему. Карие глаза блестят, тяжело дышит, лицо покраснелось. От выпитого? Или танцев? Да какая сейчас разница.

– Без шансов. Лучше налей, – Кристин протянула ему опустевший бокал.

– Ты напиться решила?

– Ты ж сам говорил... один раз живёшь... наслаждайся жизнью...

– Наконец, ты вняла умным советам, – Эдди улыбнулся и щедро плеснул вермута ей в бокал.

Кристин отпила – крепко. Разбавленный пополам с соком не так пьянил. Горячая волна ухнула в желудок и ручейками растекалась в конечности и голову. Рука задрожала, и Кристин опустила бокал на стол.

– Потанцуем? – склонился к ней Эдди, приобняв за талию.

Кристин прикрыла глаза. В голове тепло и пусто. Музыка отдаёт дрожью.

– Да, пошли.

Эдди вскочил, помогая ей подняться. Нога подвернулась, и Кристин чуть не рухнула. Эдди успел поймать.

– Эй, потише, не убейся. Вот это ты набраться успела. Стоять-то можешь?

– Наверно, – но с трудом. Почему пол качается? – Кристин опустилась обратно на стул.

– Да, детка. Танцевать ты сейчас не в состоянии. Может, пойдём полежим лучше?

Кристин сфокусировала взгляд на кавалере. Опять эта улыбочка. Ясно, чем он лёжа заняться предложит.

– Не хочу. Нет насторо... настро... настроения. Хочу пить. И танцевать.

– Тогда давай так, – Эдди присел на корточки и быстро снял туфли с её ног. – Так лучше. Попробуй теперь встать.

Кристин ухватила за предложенную руку и поднялась снова. Да, без шпилек пол меньше качается.

– Сойдёт. Теперь танцевать.

– Да-да, детка. Так и быть, подержу тебя, а то рухнешь ненароком, – Эдди обнял её и повёл к танцующим. Кристин прикрыла глаза, позволяя себя увлечь. Пол всё равно качался, но можно было держаться за кавалера. Кристин вслушалась в мелодию, пытаясь поймать ритм, вливаясь в общее безумие. Последние мысли утекали с мелодией, хорошо. Наконец-то ни назойливых воспоминаний, ни тревог. Только музыка.

Музыка разная, но одинаково волшебная. Пусть длится без конца. Час... два... ночь... вечность... всё уже неважно. Чьи-то руки гладят пониже талии и грудь. Зачем? Мешают танцевать только. Отстаньте. Музыка так волшебна, словно крылья выросли. Легко двигаться, пол больше не качается. Или качается в такт музыке. Но поддержка больше не нужна. Что за крики? Замолчите, не перебивайте музыку. Хватают за плечи, пытаются обнять. В другую сторону тянут за руку. Ой, отстаньте. Не сбивайте ритм, мешаете. Оставьте наедине с музыкой. Замолкает. Что? Нет, почему? Верните музыку, хочу танцевать.

– Кристя, приди в себя! – вопль подруги над самым ухом. Вот оглушила, в голове звенит. Кристин открыла глаза. Картинка стала чёткой не сразу, но за время танцев алкоголь слегка выветрился, и восприятие реальности вернулось быстро. Народ из ресторана тянулся к выходу, официанты убирали со столов. Женька сердито смотрела на неё, держа её туфли в руках. – Ресторан закрывается, подруга. Так что сворачиваемся – и на выход.

– Уже? Жаль.

– Ну и напилась же ты сегодня. Пойдём ...

– Народ, минутку внимания, – крикнул Эдди, показывая две бутылки в руках. – Стив раздобыл нам «эликсира». Есть предложение продолжить и погулять по ночному городу. Кто с нами?

Раздался согласный хор голосов. Поддержали почти единодушно, никто так рано закругляться не хотел. Кристин двинулась за толпой одноклассников на выход.

– Кристя, ты что, тоже собралась? По-моему, тебе хватит на сегодня. Пошли домой, – придержала её за руку Женька.

– Нет! – Кристин резко вырвала руку. Подруга пораженно отшатнулась. Внутри плеснулось чувство вины. – Прости. Не хочу домой. Не могу сегодня.

– Что же у тебя с родителями произошло? Мне уже страшно тебя домой отпускать. Тогда я с тобой иду. Ты ж в таком состоянии учудишь чего – жалеть будешь.

– Не буду.

– Это ты сегодня говоришь, а завтра проснёшься, и проблемы перестанут казаться концом света. Я лучше присмотрю за тобой. Держи свои туфли.

Кристин машинально их забрала, но надевать не стала. И без шпилек равновесие тяжело держать, босиком надёжнее. Подруги отправились догонять одноклассников.

* * *

Гулянья затянулись до рассвета. Неизвестно, где парни умудрились доставать добавку, но «эликсир» волшебным образом не переводился. Неудивительно, что настроение на приключения не покидало выпускников.

Пересекая парк, наткнулись на фонтан. Неизвестно, кто проявил инициативу, но идея искупаться встретила всеобщий энтузиазм. Кто разделся, а кто и так в воду полез. Только Женька отказалась. Сказала, что недостаточно пьяна для такого. Баграг неожиданно вызвался составить ей компанию. Кристин же сегодня решила позволить себе любые безумства и с ощущением, словно прыгает с обрыва, полезла в фонтан. От холодной воды перехватило дыхание. Даже мутный туман в голове начал развеиваться. Но на смену ему неожиданно пришёл бесшабашный азарт. Кристин улыбнулась, впервые за вечер.

Весёлые барахтанья и обливания друг друга водой с попытками утопить ближнего превратили всех в водяных чертей. С лохматых волос текла вода, мокрая одежда облепила тела. Весёлые визги и смех далеко разносились по ночным улицам.

Хоть летняя ночь была тёплой, но свежий ветерок всё равно охлаждал мокрую кожу. Кристин, продрогнув, вылезла из фонтана, соборив подол платья у бёдер и отжимая его. Неожиданное прикосновение ладони к оголившемуся колену заставило её вздрогнуть. Кристин испуганно оглянулась.

– Что?! Эдди, сдурел? У меня чуть сердце не остановилось! – мокрая ткань выпала из ослабевших пальцев, скрыв ноги.

– Значит, у меня всё же есть шанс покорить его, – рассмеялся он, сидя на бортике фонтана с голым торсом.

– Ага, довести до инфаркта!

– Не будь букой, красотка, – он потянул её за подол платья.

– Отпусти! – дёрнулась Кристин, но узкая юбка не давала ей толком двигаться. Мокрое кружево натянулось и подозрительно трещало.

– И не подумаю. Ты моя добыча, – Эдди дёрнул подол сильнее, притягивая её к себе.

– Ах ты... – Кристин забилась изо всех сил, лупя кулаками куда придётся. Поскользнулась на мокром камне и, запутавшись в подоле, рухнула на мостовую. Раздался громкий треск. Кристин от боли в ушибленном локте на мгновение потеряла ориентацию. Сквозь звон в ушах слышались взволнованные голоса одноклассников. Кристин изо всех сил пыталась сосредоточиться. Повела взглядом вокруг, ища Женьку. Подруга словно сквозь землю провалилась. Но в пределах досягаемости у бортика фонтана

стояли её собственные туфли на шпильках. Эдди ухватил Кристин за лодыжку, притягивая к себе. Кристин, не раздумывая, ухватила туфлю и с размаха ударила шпилькой, не целясь. Эдди взвыл и выпустил её, держась за плечо. Из-под ладони потекла по мокрой коже струйка крови.

– Вот это побоище! – восхищённо присвистнул Стив, вылезая из воды. Привлечённые новым развлечением, одноклассники один за другим начали выбираться из фонтана.

– Бешеная! – рявкнул Эдди, отойдя от первого шока.

– Сам виноват! Я не твоя шлю... дамочка облегчённого поведения. Добыча, придумал тоже. Идиот! – Кристин поднялась на ноги и, запутавшись в порванной юбке, чуть не рухнула снова. От раздражения дёрнула подол сильнее, отрывая кружево окончательно. На ней осталось нижнее атласное мини платье повыше середины бедра, едва прикрывая нижнее бельё. Кружево поверх лежало, оборванное по подолу неровными клоками.

– Так и помрёшь старой девой.

– Тебе-то какое дело? Может, это предел моих мечтаний?

– Оно и видно. Как мне теперь кровь остановить?

– Дарю, можешь перевязать, – Кристин швырнула ему в лицо оторванный подол платья.

– Кружевом? Да ещё и мокрым? Совсем ненормальная.

– А большего за твои выходки ты не заслужил.

– Эдди, лапочка, что с твоей рукой? – заголосила Кэти, бросаясь к своему кумиру и стирая ручеёк крови с его руки. Мэг со слезами вцепилась ему во вторую руку.

– Да эта психованная сегодня совсем в неадеквате, – зло кивнул на неё Эдди. Стив окинул Кристин заинтересованным взглядом, задержавшись на голых ногах. Его ироничная ухмылка и блеск в глазах ей совсем не понравились.

Только этого не хватало! Мало ей было одного «охотника», теперь от двоих отбиваться? Не надо ей такого счастья!

– А мне теперь даже перевязать рану нечем, – продолжил играть жертву Эдди, наслаждаясь увивающимися вокруг него Мэг и Кэти.

Стив отвернулся от Кристин, окинул взглядом улицу и расплылся в улыбке.

– Это мы сейчас раздобудем, как и что-нибудь для согрева. Тут за углом супермаркет.

– Он же ночью закрыт? – не понял Эдди.

– Когда это кого останавливало? – фыркнул Стив, его улыбка стала хищной. Он открыто направился к супермаркету. Эдди переглянулся с девушками, и они присоединились к Стиву. Остальные одноклассники, уже выбравшиеся на мостовую, потянулись следом. Кристин, поколебавшись, отправилась тоже. Туфли оставила валяться у фонтана, надоело с ними таскаться. Хотя как оружие самообороны они весьма пригодились.

За углом между супермаркетом и стоянкой флаеров располагался небольшой сквер. Там на скамейке обнаружили Женьку с Багратом, о

чём-то увлечённо беседующие. Теперь понятно, почему Женька не вмешалась в очередную стычку с Эдди. У неё свои развлечения. А говорила: присмотрит. Кристин невольно навернулись слёзы на глаза. Впрочем, она и сама сегодня игнорировала подругу весь вечер. Какое право она имеет обижаться теперь.

Женька подняла взгляд на очередной фразе и осеклась, увидев подругу. Подскочила и бросилась к ней.

– Кристя! Что случилось? На тебе лица нет. И что с твоим платьем?

Её руки такие тёплые, обнимает за плечи. Кристин не выдержала и расплакалась. Впервые за много лет. Это всё выпитое сорвало её контроль к чертям. А впрочем, неважно. Она же решила, что держать лицо больше нет нужды. Можно реветь в своё удовольствие, если хочется.

– Да ты совсем ледяная! – сильнее прижала её к себе Женька. – Вы совсем спятили, ночью, на ветру в фонтане купаться. Тебе надо согреться, пошли, – Женька оглянулась на одноклассников, но последние уже исчезали в дверях супермаркета, неведомым образом открытых. Женька неодобрительно хмыкнула, но тем не менее повлекла подругу туда же. Внутри разыскала отдел с постельным бельём, взяла с полки большое махровое полотенце и принялась вытирать Кристин, пытаясь попутно растереть ей ледяные руки. Потом увидела на другой полке халаты с термоподкладкой, подхватила один, натянула на подругу и включила подогрев.

– Ладно, грейся пока, а я пойду выпинывать наших охломонов наружу, пока они всё здесь не разграбили, иначе завтра, хотя уже сегодня утром, у нас всех будут большие неприятности, – и Женька умчалась разыскивать остальных.

Кристин осталась, кутаясь в тёплый халат и пытаясь согреться, озноб не проходил. Она сама не знала: был ли это только холод, или пережитый испуг, стресс и эмоциональное истощение. Казалось, эта бесконечная ночь никогда не закончится. Кристин бездумно вышла в проход между стеллажами и побрела вперёд. С другой стороны супермаркета слышался яростный спор на повышенных тонах, но Кристин не вслушивалась. Она исчерпала на сегодня свой лимит эмоциональной реакции на происходящее. Мозг заторможено выхватывал отдельные фразы.

– Эдди, кобелина ты первостатейная, кастрировать тебя мало.

– Она сама нарывается, недоτροга, так и дразнит.

– Помолчал бы уж. А вы что творите?! Не трогайте тут ничего. Одно дело оказать первую помощь и согреться, другое – просто начать грабить всё подряд. Вы что, проблем с полицией захотели? Представляете, что завтра утром от родителей услышим...

Правой рукой Кристин легонько вела по полкам справа, едва касаясь расставленных товаров. Пальцы зацепились за что-то странное. Остановилась. Посмотрела. Двухкомпонентный полимерный краситель. Сдвоенный маленький баллон с двумя маленькими колбами, где находились компоненты под давлением, два маленьких носика с распылителями и кнопка

высвобождения. На воздухе распыляемые компоненты вступали в реакцию и оседали на любой поверхности прочным полимерным покрытием, которое практически невозможно было потом оттереть или отодрать. И цвет интересный: неоново-красный, далеко видно. Пальцы сами сомкнулись на баллоне. Неясная мысль мелькнула на краю сознания, пока не оформившись в конкретный план. Но баллончик с собой Кристин прихватила.

К её приходу одноклассники пришли к какому-то решению и собирались на выход. Эдди гордо щеголял пластырем на плече, словно это боевая травма от драки со страшными монстрами. Кэти с Мэг опять восторженно висели на нём. Стив делал глоток из очередной открытой бутылки, они и спиртное опять раздобыли. Нет, с Кристин на сегодня хватит, пожалуй. Стив оглянулся на неё, снова окидывая оценивающим взглядом. Задержался на баллончике в её руке.

– Отличная идея! – загорелся он, пихнул открытую бутылку в руки Эдди и устремился к полкам с полимерной краской.

– Ну хватит уже, – устало вздохнула Женька. – Пошли на выход, пока полиция не приехала.

– Да-да, – раздражённо огрызнулся Эдди. – Пошли дальше гулять.

Выпускники потянулись к выходу. Последним вышел Стив с охапкой разноцветных баллончиков в руках.

– Есть предложение, народ, – пакостно заулыбался он. – Вон там начинается аллея памяти, ведущая к центральной площади. Можем на ней написать всё, что желаем увековечить и оставить для потомков. Мысли, мечты, пожелания. Признания. Или что каждый думает о ком-то конкретном. Есть добровольцы?

– Давай, – воодушевился Эдди, покосившись на Кристин. – Я желаю увековечить одну недотрогу тут, и пусть ей будет стыдно.

Она не отреагировала на вызов, какая теперь разница, ей уже всё равно.

Выпускники с воодушевлением двинулись к аллее, разбирая баллончики с краской и обсуждая, что каждый хочет написать. Кристин с Женькой шли последними, не участвуя в общем обсуждении. Женька много не пила и не одобряла большинство выходок одноклассников. А Кристин чувствовала себя совершенно измотанной, но боль и обида, осевшие горечью где-то внутри всё ещё простили выхода.

На аллее выпускники принялись с воодушевлением расписывать мостовую, отпустив на волю свою пьяную фантазию. Женька ядовито комментировала их признания. Взгляд Кристин же прикипел к памятнику на центральной площади, маячившему в конце аллеи.

Когда их колония достаточно разрослась и сформировался столичный город, было решено на главной площади перед администрацией поставить памятник разведчикам дальнего космоса, открывшим Новый Аркозонт: капитану Мануэлю Эстебану и начальнику научной группы Ингвару Хансену. Собственно памятник изображал их стоящими спиной к спине на их корабле-разведчике «Неустрасимый», а опорой кораблю служило

символическое изображение Млечного Пути, галактик и туманностей. В целом композиция смотрелась весьма вычурно и пафосно, но тем не менее памятник стал символом их колонии, украшавшем абсолютно всю сувенирную продукцию.

Кристин невольно улыбнулась, смутный план начал понемногу обретать очертания. Мельком взглянув на увлечённых одноклассников – её отсутствие они не сразу заметят (даже Женька яростно спорила с Эдди) – Кристин тихо обошла компанию и направилась к площади.

Добравшись до подножия памятника, она медленно обошла его, выбирая удобное место и формулируя, что хочет написать. Потом выдохнула, решаясь, и приступила к выполнению, отрезав себе пути к отступлению. Буквы получались кривые, но Кристин не останавливалась. Не в красоте ведь дело, а смысле написанного. А смысл выражал весь тот яд, который отравлял её последние годы. Кристин изливала всю горечь и разочарование, достигшие последнего края сегодня, и чувствовала небывалое освобождение. Словно высказанный вслух протест переставал жечь её изнутри, давая возможность снова дышать и жить.

– Кристя! – крик Женьки вдалеке.

Нет, не сейчас, она должна успеть дописать. Это нужно, необходимо. С каждым словом дышится всё легче.

– Кристя, полиция едет! Заканчивай, и бежим! – крик громче, ближе.

Нет, ещё не всё. Другого шанса может не быть. Ей надо выпустить всё. Оставишь не выплеснутый яд на дне, он заполнит её снова.

– Да, Кристя же!

Кристин не останавливается. Какое облегчение больше не держать всё в себе. Разве она может остановиться? Только не сейчас.

– Кристя! – Женька пытается схватить её руку и утянуть прочь. Кристин отмахивается:

– Не мешай!

– Да ты спятила! Полиция подъезжает, хочешь, чтобы тебя арестовали?

– Тем более не мешай! Я должна успеть.

– Ты точно чокнулась. На это нет времени, бежим!

– Беги. Не мешай мне.

– Кристя, ты... Что? Баграт, отпусти меня!

– Сама сказала, полиция подъезжает, я не оставлю тебя здесь.

– Я не пойду без Кристины, она...

– Не хочет, сама видишь. Всё, нет больше времени.

– Ай! Отпусти! Поставь меня на землю! Пусти, говорю! Я тебе не мешок с картошкой, на плече таскать. Баграт!..

Голоса удаляются. Кристин не останавливается. Надо дописать. Рука уже приноровилась, буквы выходят всё ровнее и быстрее. Ещё немного... всё.

Кристин оседает на корточки, разглядывая результат своих усилий. Слезы облегчения катятся по щекам. Теперь главный памятник Аркозанта украшает кривоватая с неровными строчками неоновно-красная надпись: «Ричард

Райт примерный муж, считающий жену безвольной куклой и абсолютно бесполезным существом. Он такой образцовый семьянин, что проводит с семьёй целых пятнадцать минут в день. Мистер Райт такой хороший отец, что считает свою дочь отбросами, не стоящими его бесценного времени, и жалеет, что она не родилась мальчиком. С такими беспримерно выдающимися качествами, мистер Райт будет образцовым представителем человечества перед тланами, показав братьям по разуму, какие люди жестокие твари».

Кристин рассмеялась, уткнувшись лбом в застывшую краску. Убрать надпись теперь смогут только вместе с самим памятником. Месть удалась.

– Вы арестованы за ограбление, нарушение общественного порядка и повреждение национального достояния Аркозанта, проследуйте с нами в участок, – раздался за спиной властный голос.

Кристин обернулась и посмотрела на высокого, плотного мужчину в тёмно-зелёной полицейской форме:

– Я бы с радостью, но меня уже ноги не держат. Поможете встать?

Полицейский нахмурился, но подхватил её под руку и потянул в сторону патрульного флаера. Кристин с трудом переставляла ноги, силы окончательно покинули её. Но внутри поселилось странное умиротворение, поэтому она не сопротивлялась, покорно позволив усадить себя на заднее сиденье, откинулась на спинку и почти сразу вырубилась.

* * *

Кристин просыпалась с трудом. Кто-то сильно тормозил её за плечо, но сознание отказывалось включаться. Тряхнули сильнее, и Кристин с трудом разлепила глаза. Сфокусировала взгляд на мужчине в тёмно-зелёной форме, склонившемся над ней. Полицейский? Откуда? Заторможенный мозг отказывался выдавать информацию.

– Так, дорогуша, вставай. Спать будешь в камере, – полицейский подхватил её под руку, вытаскивая из флаера.

Сил двигаться не было, но Кристин заставила себя передвигать ноги. В голове понемногу прояснялось. Так – на буксире – её доставили в кабинет и усадили на стул. Полицейский устроился напротив за рабочим столом, внимательно оглядывая её и потирая шрам на левом виске.

– Итак, я инспектор Михаил Ившин. Вы задержаны за ограбление, нарушение общественного порядка и повреждение национального достояния Аркозанта. Ваше имя?

– Кристин Райт.

– Хм. А Ричард Райт вам кто?

– Отец.

– И не стыдно вам такое о родном отце писать?

– Ничуть, – Кристин не собиралась врать и что-то утаивать. В конце концов, публичная правда и была основной частью её мести. – Ему ведь не стыдно такое думать и говорить обо мне и маме. Я не написала там ни слова неправды. Всё это я сегодня утром услышала из его уст.

– И решили таким образом отомстить?

- Да. И не буду врать: мечь сладка.
- Не бойтесь его реакции на такую выходку?
- Нет, жду её с предвкушением, – Кристин невольно улыбнулась. Несмотря на то, что ситуация в целом не располагала к веселью, и будущее стало неясным – на душе было легко. Впервые за многие годы.
- Инспектор тяжело вздохнул, буркнув под нос:
- Эти подростки... – и громче продолжил, снова нервно потирая шрам.
- Вам не следовало до такого доводить. Лучше было решить лично внутри семьи.
- Вы моего отца не знаете. Ему говоришь – он не слышит. Виртуоз в игнорировании, знаете ли. Я просто устала за столько лет. Можете меня осуждать, но я не жалею. Теперь он не сможет отмахнуться от моих слов или не заметить их. Своей цели я достигла.
- Но вы понимаете, что это может отразиться на вашем будущем?
- Возможно. Но в данный конкретный момент мне наплевать.
- Чёртовы подростки, – снова ругнулся инспектор и продолжил. – Теперь к обвинению в ограблении. Как вы проникли в супермаркет?
- Это не я. Понятия не имею, как он дверь открыл. Мы позже заходили.
- Кто «он»? И кто «мы»?
- Стивен Деверо, мой одноклассник. Предполагаю, это он дверь открыл. Потому что его идея, и он первый шёл. А откуда и как – без понятия.
- А мы – это?..
- Все мои одноклассники. У нас ведь выпускной сегодня, если вы не поняли. Или вчера был?
- Пьяная молодёжь и в большом количестве – ещё лучше! И кто был с вами?
- Весь класс. Запросите в общей базе список, у вас, по-любому, доступ есть. Средняя школа № 2, выпускной класс.
- И все участвовали в этих безобразиях?
- В той или иной степени. Только моя подруга Женька пыталась всех урезонить, но её одной оказалось слишком мало для стольких пьяных балбесов. Ни уговорить прекратить, ни силком остановить их она не могла, хотя очень пыталась.
- А Женька это?
- Евгения Белых.
- И зачем же она тогда с вами пошла? Если не одобряла?
- За мной присматривала. Боялась, я с таким настроением и пьяная или в беду попаду, или что-нибудь с собой сделаю. Хотела, когда я выдохнусь, помочь домой добраться.
- Что ж тогда она вас там бросила, а не забрала с собой?
- Пыталась, я ей не дала, очень хотелось всё дописать. А её саму силком уволокли, насколько я слышала, буквально на плече.
- Ясно... Чёрт, как я не люблю такие дела. Злого умысла нет, зато пьяной дурости навалом. Ещё и золотая молодёжь с влиятельными родителями.

Вы не представляете, сколько проблем мне доставили, и сколько отчётов теперь писать.

– Простите, против вас я ничего не имею, но...

– Да-да, месть отцу затмила всё: разум, здравый смысл и совесть. И почему каждый геморрой всегда случается в мою смену? Кому сообщить о вашем задержании?

– Звоните отцу, номер терминала AP98254734415K.

– Может, лучше матери?

– А смысл? Она или спит, или снова пьяна – других состояний у неё нет. Мама ничем не поможет. Звоните отцу, и пусть он наслаждается последствиями.

– Такая злоба вас не красит, Кристин. Это путь саморазрушения...

– Вот только не надо душеспасительные беседы проводить, вы не священник. А я сегодня не готова никого прощать.

– Тогда я провожу вас в камеру, и можете отсыпаться. Если сможете там уснуть.

– Куда идти?

Инспектор Ившин снова неодобрительно покачал головой на такую напускную браваду и дерзость, но он видел, что под ней скрыта усталость и застарелая боль. Поэтому не стал больше ничего говорить, встал и проводил Кристин в камеру предварительного заключения: белоснежный куб два на два метра с одной койкой и силовым полем, закрывающим одну открытую сторону. По сигналу с рутера инспектора поле отключилось, и Кристин прошла в камеру. За спиной снова раздалось едва слышное гудение на пределе слуха, поле вернулось на место. Кристин даже оборачиваться не стала, с облегчением рухнув на койку. Блин, жёсткая-то какая! Поворочавшись, Кристин устроилась на боку, втянув озябшие голые ноги под полы халата и поджав их к животу. Подогрев термоподклада всё ещё работал. Пригревшись и подложив согнутую руку под голову, Кристин мгновенно уснула.

* * *

Следующее пробуждение было не более приятным, чем первое, хоть и по другим причинам. Голова болела, задеревеневшие от неудобной позы на жёсткой койке мышцы ныли. Ушибленный локоть пульсировал неприятными ощущениями, рука под головой затекла и онемела. Кристин с трудом разогнулась и села. Подвигала ногами, руками и шеей, пытаясь разогнать кровь и вернуть подвижность телу. Мышцы протестовали неприятным покалыванием. Это добавило нерадужных ноток в и без того гадостный коктейль ощущений.

– Ну и погуляла я вчера! – с чувством сказала Кристин.

– Совершенно согласен, – раздался неожиданный голос.

Кристин резко обернулась к силовому полю и увидела отца, сидящего на стуле по ту сторону. Мгновенно подобралась, оглядывая его: лицо застыло непроницаемой маской, взгляд острый и пристальный, плечи напряжены – похоже, зол, что и неудивительно. Но пытается держать

лицо. Кристин осознала, что невольно подтянулась и выпрямила спину, подражая отцу. Вот же рефлекс многолетний! Мысленно пнула себя и, сделав усилие, села свободнее.

– Доброе утро, папа. Или день уже?

– Это всё, что тебя волнует? – напряжённо спросил он.

– Нет, но я пытаюсь быть вежливой. Не с тебя же пример брать. А то ни «привет», ни «как дела».

– Ты этого не заслужила. После твоей выходки...

– Просвети меня. Что, по твоему мнению, я сделала?

– То, что ты написала на памятнике... да ещё полимерной краской... это ни в какие ворота!

– Разве там есть хоть слово неправды?

– Да!

– Например? – заинтересовалась Кристин. – В чём я неправа? Только обоснованные аргументы, пожалуйста. Я жду.

Взгляд Ричарда потяжелел, желваки заиграли. Теперь он точно злился, но ничего не сказал.

– Молчишь? Потому что это правда. Тебя злит, какими словами я это написала, но по существу тебе возразить нечего.

– Всё равно тебе не следовало этого делать. Правила приличия и репутация...

– Да-да. В курсе. Только, видишь ли, папа, когда я все свои восемнадцать лет соблюдала правила приличия и берегла твою репутацию, ты этого не ценил. И я решила: какого чёрта?! Зачем я так загоняюсь по этому поводу, если благодарности никогда не дождусь? Как ты там утром вчера сказал? «Если я молчу, значит, меня всё устраивает. Ни характера, ни воли – просто тряпка». Так вот, на этом моё терпение лопнуло. Больше я молчать не буду! Потому что ничего из того, что происходит в нашем доме, меня не устраивает! Теперь я буду показывать характер, а если он тебе не по нраву... что ж, ты не уточнял, какой именно ты увидеть хотел, так что извини. И плевать я теперь буду на твою репутацию! Потому что за все эти годы, когда я вела себя, как приличная благовоспитанная девочка, ни одного завалившего «спасибо» от тебя не дождалась, зато выслушивать всё это каждый раз... – у Кристин спазмом перехватило горло, и она умолкла. На глаза навернулись слёзы, но она зло смахнула их рукой.

– Ты подслушивала, – констатировал Ричард, почему-то успокоившись.

– Ты издеваешься?! – у Кристин вырвался истерический смешок. – Вы с мамой и так ругаетесь не в своей спальне за закрытыми дверями, а в гостиной. И так громко, что вас слышно по всему дому. Каждый божий день! Чему удивляться, если я постоянно слышу всё это. Такая простая мысль тебе в голову не приходила? Ты ведь не глуп, так что примени логику!

– И что ты намерена делать? – Ричард смотрел на дочь со странным выражением на лице, с любопытством и опаской.

– Всё, что моей душе угодно, – улыбнулась Кристин. Она понимала, что нарывается, но отец впервые за много лет на неё смотрел так долго. И видел! И удовольствие от этого щекочущими пузырьками бурлило внутри, подзуживая продолжать его злить.

– Значит, ты не собираешься вести себя благоразумно?

– А зачем? Я так вела себя восемнадцать лет. Ты мои усилия разве замечал? Единственной благодарностью от тебя стал ушат помоев вчерашним утром. Так что с меня хватит. Если единственный способ заставить тебя ненадолго забыть о работе и обратить внимание на семью – мои выходки, то я ещё много чего вытворить могу. Фантазия у меня богатая!

– Ты осознаёшь, что этим можешь разрушить своё будущее?

– Да. Но знаешь, что самое забавное, папа? Мне наплевать!

Ричард ещё несколько минут разглядывал её, потом сказал:

– Я не позволю тебе уничтожить свою жизнь.

– И что ты сделаешь? Запрёшь меня дома? Или в психушку? Или к себе наручниками прикуёшь?

– А это неплохая мысль, – Ричард неожиданно улыбнулся.

– Что именно? – занервничала Кристин.

– Не скажу, это будет расплатой за твоё поведение. Посидишь здесь, пока я всё организую, потом заберу тебя отсюда, – с этими словами отец поднялся и вышел из изолятора.

Кристин хотела окликнуть его, но остановила себя. Изменить сейчас она всё равно ничего не могла. Ощущение после разговора с отцом осталось странное: и радостно, что удалось его за живое задеть, и тревожно, что он придумает в ответ.

Благо, долго рефлексировать ей не дали. Пришёл инспектор и проводил её до туалета. Очень вовремя, а то мочевого пузырь уже недвусмысленно намекал, что пора. Неприятно только было ступать босыми ногами по холодному влажному полу, но с этим сейчас ничего не поделаешь, туфли остались у фонтана.

Кристин с наслаждением умылась, попыталась расчесать пальцами спутанные волосы, но быстро бросила безнадежную затею. После купания в фонтане, валяния на мостовой, ещё и уснула с мокрой головой. В итоге волосы высохли спутанной мочалкой. Кристин посмотрела в зеркало и ужаснулась. За одну ночь она превратилась из весьма привлекательной девушки в страшилище. Лицо помятое, синяки под глазами, спутанная копна на голове. Распахнула полы халата, продолжая осмотр. Платье как с помойки, с оборванным подолом и пятнами от воды, пота и валяния на земле, изначальный синий цвет уже с трудом различишь. Синяки на руках и на ногах. Вот это гульнула на выпускном! Такое захочешь, не забудешь. Стало стыдно. Забыться и напакостить отцу хорошо, но последствия... В таком виде показываться на люди неприлично, хотелось спрятаться куда-нибудь, но кто же ей даст. Кристин нервно усмехнулась, запахнула халат обратно и вышла из туалета.

– Есть хочешь, девочка? – спросил инспектор Ившин, карауливший её за дверью. Сегодня он смотрел на Кристин с куда большей теплотой. И перешёл на «ты». Интересно, почему?

– Издеваетесь? И без того мутит. Просто воды, если можно.

– Идём, – инспектор проводил её в кабинет, усадил на стул и налил воды. Сам опять устроился за столом.

– Снова допрашивать будете? – спросила Кристин, допив воду и поставив стакан на стол.

– А смысл? Список вашего класса из базы мы получили, всех уже нашли и допросили. Порядок событий восстановили более или менее. Отчёты все написаны, наказаний всё равно не предвидится, что было ожидаемо, учитывая, кто родители. С ними тоже со всеми побеседовали, так что, думаю, они сами устроят своим чадам головомойку.

– Когда вы всё успели? Сколько я спала?

– Привёзли тебя в четыре утра, сейчас четыре пополудни, двенадцать часов прошло.

– Ого. А почему я ещё здесь, если наказаний не будет?

– Потому что Ричард Райт ещё не подписал документы и просил задержать тебя до его возвращения, – инспектор усмехнулся, привычно потирая пальцем шрам на левом виске.

– Вот... злыдень, – ругнулась Кристин, но уже без эмоций. – Мне опять в камеру?

– Можешь здесь посидеть.

– Что-то вы слишком добры ко мне, – Кристин подозрительно посмотрела на довольно улыбающегося инспектора.

– Потому что я пообещался сегодня с мистером Райтом и не могу не признать, что он весьма неприятный человек. Поэтому отчасти рад, что ты посадила его в лужу своей выходкой. Хотя это добавило мне много неприятной работы. И к тому же, ты, по сравнению с твоими одноклассниками, вполне нормальная. Ещё твоя подруга и Баграт Григорян относительно вменяемые, остальные же – тихий ужас. И в очередной раз мне напомнили, почему я терпеть не могу золотую молодежь.

– Полностью согласна.

– А себя ты к ним не причисляешь?

– Я думаю, это больше состояние души и мировоззрение, чем социальное положение. У меня, учитывая мою жизнь, не было шанса стать такой.

– Не может быть всё настолько плохо. Жизнь может измениться в любой момент. Надо просто не упускать предоставленный шанс.

– Вы оптимист, инспектор. Но я уже в это не верю.

– Посмотрим. Если ты попадёшь сюда в течение месяца ещё раз, я признаю, что твоя жизнь – такой мрак. Если же нет, ты признаешь, что всё не так ужасно, и в твоих силах всё изменить.

– Вы что, пари предлагаете? – не поверила Кристин, поражённо уставившись на Ившина. Заметила лукавую усмешку и возмутилась. – Вам

что, лавры священника покоя не дают? Или вы психологом на полставки подрабатываете?

– Нет, но идея хорошая, надо рассмотреть.

Распахнувшаяся дверь прервала их разговор. Кристин обернулась и удивилась: быстро отец вернулся. Она уже гадала, не придётся ли ей ещё одну ночь в камере провести.

– Я всё уладил и забираю дочь. Что нужно подписать?

– Вот здесь, – протянул готовый документ из прозрачного пластика инспектор.

Ричард поставил свою подпись лазерным стилусом и вопросительно поднял бровь.

– Можете идти, – кивнул на дверь инспектор.

Кристин поднялась и отправилась за отцом к выходу. В участке было на удивление пустынно, только несколько инспекторов в форме прошли мимо, окинув взглядом Кристин. Ей снова стало стыдно за свой вид. Одно дело доставать отца, и совсем другое перед посторонними мужчинами в таком непотребном виде ходить. У крыльца участка уже ждал двухместный флаер. Кристин быстро юркнула внутрь, стремясь спрятаться. На улице идти таким страшилищем тем более не хотелось. Отец сел рядом и приложил свой рутер к панели управления, оплачивая проезд и запуская флаер.

– И что же ты придумал? – спросила Кристин, рассеянно глядя на улицу и не видя ничего, оборачиваясь к отцу не хотелось. – Или будешь наказывать меня неизвестностью?

– Следовало бы, но дома тебе придётся подписать некоторые документы, поэтому всё равно увидишь. Ты полетишь со мной в экспедицию к тланам.

– Что?! – Кристин поражённо обернулась. – Но говорили же, что без образования не возьмут туда? А я только школу окончила.

– Там всё равно будет некоторое количество младшего вспомогательного персонала. Систематизировать и сортировать отчёты, носить некоторое оборудование, помогать с уборкой и прочие мелочи. Большого ума для этого не надо, как и особых знаний. Справишься.

– И с чего ты решил засунуть меня в экспедицию?

– Судя по написанному тобой вчера, тебе не всё равно, в каком виде люди предстанут перед тланами. Если тебе наплевать, как ты выглядишь в глазах людей, я думаю, тебе не захочется в таком же свете выставить себя перед братьями по разуму, как ты их назвала. Если по-другому до твоей совести не достучаться, есть только один выход. Так что я могу рассчитывать на твоё благоразумие?

– Посмотрим, – буркнула Кристин, снова отворачиваясь. – Я могу отказаться?

– Нет, я уже оформил приказ и все документы, дома подпишешь. А если и в экспедиции вздумаешь что-нибудь выкинуть, посажу под замок. Будешь рядом и под моим присмотром, – Ричард отвернулся и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

Кристин же не знала, что и думать. Жизнь делала очередной крутой поворот, и как к этому относиться, она пока не знала. В реальность происходящего не верилось. Одно очевидно, инспектор Ившин был прав: всё может измениться в любой момент. Осталось понять, будет ли это к лучшему.

Наталья КОЛЕСОВА

Свадебное проклятье Начало романа

Что может быть экзотичнее места для свадьбы, чем кладбище?

Только время её проведения – полночь. Ещё и полнолуние.

Роли единственных свидетелей выполняют два печальных мраморных ангела, на веки вечные распахнувшие крылья по обе стороны высоких кованых ворот. В руках у каждого перо – ведут списки грехов умерших или готовятся записывать нашу брачную клятву? А может, это бдительные сторожа, призванные пересчитывать всех вошедших (и внесённых) и вышедших – дабы ни один местный... житель не покинул эту тихую обитель?

Я поправляю полупрозрачную кисею фаты, чтобы скрыть усмешку, совершенно неуместную в подобной ситуации и в подобной же обстановке. перехватываю серьёзный взгляд глаз моего жениха: сейчас, в свете огромной луны, осязимо нависающей над нашими головами, они кажутся серыми. И всё вокруг будто соткано из серебряного полотна и чёрного бархата – надгробия, склепы, могильные плиты, каменные и живые цветы... Сам ночной воздух так туго заполнен призрачным светом, что чудится, необходимо прилагать усилия, чтобы сквозь него двигаться – словно через толщу воды.

Да мы просто не знаем, куда нам идти! Не знаем, чего ожидать.

Одновременно останавливаемся перед живым барьером из привольно разросшихся бордовых роз – можно счесть их украшением нашего свадебного зала под открытым небом. Осматриваемся. Переглядываемся.

– И что дальше? – интересуется жених. Он даже не потрудился переодеться – как же, еле-еле смог оторваться от своих суперважных дел ради незначительного события, какой-то там брачной церемонии! Так что джинсы, футболка поло и чёрная кожаная куртка – наше всё. Вернее, его.

Не то что я, невеста хоть куда! Пусть свадебное платье и пришлось шить в невероятной спешке, всё равно оно нереально дорого, изящно, эксклюзивно – словом, вполне достойно старшей дочери клана Мейли.

Как и два предыдущих платья до него.

Я молча пожимаю плечами.

Такой ответ жениха не устраивает. Он – деловой человек. Плановый. И тот самый план должен быть расписан на ближайший час, год, на всю жизнь. Желательно, ещё и поминутно.

– Мы кого-то ждём? – продолжает он задавать вопросы. – Или должны что-то сделать?

Я сама знаю не больше него. Знаменитая гадалка, к которой моя матушка пробилась по знакомству с большим трудом и с большими подарками, велела брачующимся (то бишь, нам двоим) явиться в определённый день и час на старинное кладбище, поэтично именуемое «Скорбящая роза». То-то здесь такой густой аромат этих цветов, что постоянно хочется почесать нос...

– И долго нам тут торчать? – не унимается мой спутник. Словно в наказание за его настырность откуда-то сверху, чуть ли не с самого лунного диска, на нас пикирует огромная белая сова.

– Ох! – Прилетело крылом жениху по его упрямой голове.

– Тьфу! – Это ветром от взмахов крыльев взметнуло кисею фаты, даже в мой открытый от неожиданности рот попало.

Мы с проклятьями (невнятными жениха, безмолвными моими) провожаем недобрыми взглядами улетающую птицу. Она опускается на голову очередной скорбящей статуи – изваяний такое множество, что кладбище кажется заполненным толпой неподвижных людей – складывает крылья, издает неожиданно громкий звук: нечто среднее между клеточком и завыванием... И вдруг обрушивается спиной назад, словно подстреленная из бесшумной снайперской винтовки.

Я даже привстаю на носки, чтобы разглядеть, что стало с сумасшедшей птицей, и вижу, как на том самом месте из ползущей над землёй дымки тумана поднимается нечто бесформенное, белесо-прозрачное, как моя свадебная фата...

Жених сжимает мою руку. Это чуть ли не первое со времени нашего знакомства прикосновение удивляет – схватил чисто рефлекторно, испугавшись? Он тоже не сводит взгляда со странного (а что здесь не странно?) кладбищенского явления: глаза прищурены, брови нахмурены, губы крепко сжаты. Я чувствую, как он потихоньку оттягивает меня назад.

К себе за спину.

Это одновременно смешит и трогает: он пытается защитить **меня!** Его самого нужно от меня спасти.

– Вы мне подходите.

Я едва не расплескиваю от этого неожиданного заявления кофе, но всё же многолетняя выучка берёт своё: сделав аккуратный глоток, ставлю чашку из невесомого костяного фарфора на такое же блюдце и лишь после этого переспрашиваю:

– Простите, что вы сказали?

Сидящий напротив мужчина, с которым мы сегодня впервые увиделись и всего полчаса как знакомы (по правилам этикета осталось продержаться ещё чуть-чуть, прежде чем распрощаться), подаётся ко мне через стол, словно я глуховата, или для придания веса своим словам. Повторяет:

– Я сказал, вы мне подходите. Ваша внешность, поведение, образование, статус, не говоря уже о приданом... Вас не коробит, что я говорю так прямо?

Я успеваю проконтролировать мимику, но, должно быть, он замечает микроскопическое движение моих бровей, пытающихся язвительно приподняться: о последнем следовало упомянуть как раз в *первую* очередь! Отвечаю вежливо:

– Что вы,нисколько. Хотя это несколько... неожиданно.

Мягко сказано. За годы, прошедшие со времени моих предыдущих помолвок, я сходила на бесчисленное множество договорных свиданий, которые устраивает неугомонная матушка вкупе с многочисленными энергичными тётушками. Слава всем богам, со временем количество их энергии и моих потенциальных женихов уменьшилось обратно пропорционально разносящейся обо мне молве. Последние полгода не поступало ни одного предложения о знакомстве, и я просто блаженствовала, надеясь, что родственники поняли всю безуспешность своих попыток и наконец-то угомонились. Ан нет – три дня назад мне было велено явиться в ресторан при отеле, относящемся к сети дядюшки Бена (видимо, «Северная звезда» была выбрана как раз за удалённость от центра и потому что там никто не знает меня в лицо). Я пожалала плечами и пошла, даже не поинтересовавшись именем, внешностью, возрастом и прочими данными потенциального жениха – как подсказывает опыт, эти сведения в будущем мне совершенно не пригодятся.

Хостес, испросив моё имя, ведёт меня к нужному столику. Встающий при нашем приближении мужчина коренаст, не намного выше меня ростом. Черты лица приятные, волосы чёрные, глаза светлые. На первый взгляд всего на несколько лет старше, но кто их разберёт, современных, ухаживающих за своей внешностью мужчин? Хотя как раз этого к породе метросексуалов не отнесёшь: стрижка хороша, а одет небрежно, даже *вызывающе* небрежно для столь пафосного ресторана. И первого свидания. Я на мгновение задаюсь вопросом: а нужна ли ему самому эта встреча, или он тоже пришёл по настоянию семьи? О, хоть бы! Тогда мы разойдёмся по-хорошему, заявив всем заинтересованным сторонам, что друг другу не понравились.

В ином случае придется прилагать лишние усилия...

Чэн Маркус – так он представляется – извиняется за свой внешний вид: только сегодня вернулся из срочной поездки и, боясь опоздать к назначенному времени, прикатил сюда прямо из аэропорта. Хм, а он внимательно отслеживает мою реакцию...

Мы ведём ни к чему не обязывающий разговор: о погоде, об университете, о его поездке в соседнюю Сантори. Там я ещё не бывала и потому с интересом выслушиваю несколько историй о странноватых обычаях и порядках. Отвечаю на вопросы о моей работе; как предпочитаю отдыхать (совершенно безо всяких изысков: с книгой или со старым фильмом, в пижаме, в своей маленькой квартирке неподалёку от

работы); люблю ли животных и детей (первых – да, вторых пока чисто теоретически); какие требования выдвигаю к спутнику жизни (отработанный ответ на автомате: надёжность, здоровье, ровный нрав, стабильный доход, близость взглядов на семью, религию, воспитание детей и прочие стандартные бла-бла-бла). Встречные подобные вопросы не задаю – не интересно и ни к чему, первое проистекает из второго. Антипатии ни внешность, ни поведение нового знакомого не вызывают, я вполне могу вести беседу ещё некоторое время, прежде чем распрощаться с необязательным «было приятно познакомиться»...

И тут такая незадача!

Следовало всё-таки уйти пораньше.

Я смотрю на собеседника, не в силах быстро сообразить, что предпринять: как-то отвыкла уже от положительного вердикта в отношении своей персоны. Обычно в лучшем случае я слышу необязательное: «созвонимся», в худшем: «прощайте, вы мне не подходите». На последнее отвечаю с улыбкой: «Вот горе-то!» – и ухожу, легкомысленно покачивая сумочкой.

От Маркуса Чэна такой концовки уже не дожидаться.

– А вам не кажется, что ваше заключение несколько... скоропалительно? Ведь при первой встрече совершенно невозможно понять, насколько подходит вам другой человек.

Увы, но ему так не кажется.

– Я уже вас видел раньше, – неожиданно заявляет Чэн.

В светских новостях, что ли? Так я давно уже в них не мелькаю: семья позаботилась, чтобы о чёрной овечке в её стаде все окружающие прочно позабыли.

– Был как-то по делам в офисе вашего батюшки, вы как раз к нему заглядывали, – поясняет Чэн.

– Вот как? А я вот вас не припоминаю...

И совершенно не помню, когда я в последний раз посещала многоэтажный отцовский офис. И уж тем более, при каких обстоятельствах там состоялось наше знакомство с Маркусом Чэном. Одностороннее.

Значит, увидел меня у главы клана Мейли, узнал, что у того имеется свободная дочь, прикинул перспективы и – похоронил свидание. Интересно, спрашивал ли он предварительно разрешения отца? Если да, тот наверняка согласился мгновенно, ещё и щедрое приданое посулил, лишь бы сбавить наконец недостойное чад с рук и глаз своих.

– Я так понимаю, вы в Сейкó человек новый... – осторожно начинаю я.

– Сравнительно... А-а-а, вы сейчас о моём акценте? Да, я из провинции Хванджи, но живу здесь уже почти пять лет.

Плохо дело! Выходцы из Хванджи традиционно сльвут – и недаром! – самыми упрямыми жителями страны.

– Но я работаю над своим произношением и налаживанием связей в Сейко! – уверяет «упрямец», вновь заметивший тень сомнения на моём лице. – Доказательство – мой налаженный и вполне успешный бизнес.

– Очень рада, что вы так усердно работаете на своё дело и свой имидж! – солнечно улыбаюсь я. – Но, собственно, я сейчас не об этом. Раз вы уже давно проживаете в Сейко, должны были слышать о моих предыдущих помолвках...

Он смотрит прямо.

– Я слышал. И что с того?

– Вас не смущают причины, по которым они сорвались?

– А должны смущать?

Начинает юлить! Вместо того чтобы говорить как раньше, прямо, отвечает вопросом на вопрос.

– Жители Сейко довольно суеверны...

– Но не я.

Он упрямо отказывается понимать, о чём идёт речь. Что ж, хватит ходить вокруг да около, пора говорить всё как есть!

– Считается, что я виновата в м-м-м... в провале предыдущих помолвок.

– А! – небрежно отмахивается Чэн. – Эта ситуация мне тоже знакома! Я, видите ли, сирота. К тому же несколько лет назад остался вдовцом с ребёнком на руках. Так что определение «проклятая судьба» с полным правом можно отнести и ко мне.

Я смотрю на нового знакомого с невольной симпатией: буквально обрат по несчастью! Но всё равно это не повод становиться его женой.

...Считается, что над человеком, рано потерявшим родителей, да потом ещё и новую семью, довлеет проклятье, возможно, даже пришедшее из другой жизни как наказание за грехи, а то и преступления, совершённые в прошлом воплощении. Вряд ли Чэну удастся найти достойную супругу в нашем суеверном Сейко! Разве что он решится взять женщину из окончательно погрязшей в бедах и нищете семьи...

Или старшую дочь богатейшего клана Мейли.

В этот раз Чэн неправильно истолковывает мой взгляд – слава всем богам, всё-таки он не стопроцентно проницателен! Поспешно заверяет:

– Вам не придётся брать на себя воспитание моей дочери! Альбина сейчас в частной школе «Орхидея» и приезжает домой только на каникулы.

Симпатия к «собрату» испаряется так же стремительно, как и появилась. Ну разумеется, где же ему найти время на собственного ребёнка! Можно просто сбегать отпрыска в самую дорогую школу-интернат – и никаких хлопот. У нас, детей Артура Мейли, имелась любящая, хоть и изрядно надоедливая и суматошная матушка плюс когорта заботливых тётушек. Отец же всегда представлялся нам грозным и гневливым божеством, чьё слово почитается как непререкаемый закон, и таким же бесконечно далёким и непостижимым... До поры до времени.

– Я готов ответить на все ваши вопросы, – сообщает Чэн.

Как будто мне хочется их задавать! Смотрит с напряжённым ожиданием, словно пришёл на собеседование по поводу работы. В каком-то смысле так и есть. Ну что ж...

– И сколько предложил вам за меня мой отец? – прямо спрашиваю я.

– Достаточно, – не моргнув глазом, отвечает Чэн. – Готов передать вам предварительный вариант брачного контракта, ведь всё равно это будет нашим общим имуществом.

На мгновение даже становится интересно, во сколько же оценили бракованную дочь Мейли. Тем более – предполагаемый жених, похоже, и впрямь готов отвечать. Вот только я сама не расположена выслушивать ни перечисление моего приданого, ни запросы ко мне как к жене, ни сведения о Чэне Маркусе как о муже, ни о прелестных характере и манерах будущей падчерицы...

Требование родственников я выполнила? Выполнила. Встретилась, вежливо пообещала, даже попыталась честно предупредить о судьбе, которая может ожидать будущего моего жениха. Миссия выполнена, все могут быть свободны!

Я поднимаюсь.

– Ну что ж, было приятно с вами познакомиться...

Чэн вскакивает следом. Выглядит он удивлённым, но не обескураженным: уж не работал ли в юности коммивояжером, втюхивая упорствующим домохозяйкам совершенно ненужные им вещи? В данном случае – самого себя.

– Как, уже?

– Да, мне пора. Что ж...

И опять Маркус Чэн не даёт мне окончательно и бесповоротно распрощаться или даже отделаться вежливой скороговоркой «как-нибудь, при случае, созвонимся, встретимся», что переводится понятливыми людьми как «больше никогда».

– Госпожа Мейли, я вас совершенно не тороплю, но не могли бы вы пообещать, что хотя бы подумаете над моим предложением?

О, пообещать-то я могу что угодно! Хоть Лунного Зайца с неба, хоть драконью жемчужину со дна морского. Странно, что такой опытный бизнесмен до сих пор верит какому-то честному слову! Я вновь пытаюсь произнести дежурную фразу, вроде «всенепременно», как Чэн добавляет:

– Если, конечно, я не показался вам отвратительным...

Машинально окидываю его взглядом. Чёрные волосы встрёпаны, воротник не слишком свежей рубашки растёгнут больше, чем полагается на официальной встрече, светлый льняной пиджак, небрежно переброшенный через спинку стула, изрядно помят. Между приподнятых вопросительно бровей – привычная озабоченная морщина, под глазами – тёмные тени усталости, но сами глаза смотрят живо и ярко. Прямо. Непривычно прямо. Непривычно для Сейко и моего статуса. Маркус Чэн не играет: он решил, что я ему подхожу, и теперь просто ожидает ответа.

Я открываю рот и с лёгким смешком говорю совершенно не то, что намеревалась:

– Что вы, нет, конечно, нет, но...

Но Чэн тут же берёт быка за рога.

– Тогда можете не давать ответ сразу, прямо сейчас? Повстречайтесь со мной... ну-у, допустим, этот квартал, прежде чем принять окончательное решение.

– Я...

– У вас, скорее всего, не было времени навести обо мне справки. – Мой собеседник протягивает папку. – Здесь все сведения, которые могут вас интересовать. Результаты недавнего обследования здоровья, данные о моей семье, бизнесе, состоянии, движимом и недвижимом имуществе... Если что-то будет неясно, вы всегда можете задать вопросы по телефону, я отвечу на ваш звонок в любое время дня и ночи. Вот моя визитка со всеми каналами связи.

Точно, был коммивояжером, окончательно уверяюсь я, уже садясь в машину и отбрасывая папку с совершенно ненужной мне информацией, как только что испечённый горячий каштан. Чувствую себя крайне удивлённой и рассерженной – и на себя, и на моего сегодняшнего знакомого. Прежде всего, конечно, на саму себя: потеряла сноровку? Расслабилась? Как так получилось, что впервые за несколько лет я ухожу со свидания вслепую без полного и окончательного «нет»?

Похоже, Маркус Чэн и впрямь весьма способный человек: так суметь меня облапошить!

...Округлое лицо с остреньким упрямым подбородком – кажется, именно такое называют «сердечком», голубые спокойные глаза, вежливо улыбающийся рот с неяркой розовой помадой, белая кожа. Кажется, здесь обошлось без косметических операций, чем увлекаются сегодня все состоятельные и не очень девушки. Или хирург оказался умелым, и потому аккуратные черты лица выглядят вполне натуральными. Как и – незаметный, понадеялся он! взгляд на её грудь – бюст под кружевом блузки. Гладкие руки, длинные пальцы с неброским маникюром и тонкими кольцами. Ровный голос, немного книжная речь – ну конечно, она ведь университетский преподаватель литературы! Безупречные манеры, никакого гримасничанья, ровные интонации; просто образец старинной аристократии, девица из известной благопристойной семьи. Если забыть, конечно, как начинал сколачивать свое состояние глава клана Мейли – именно «сколачивать».

И если позабыть ту первую встречу...

Он почти год добивался личной встречи с самим Артуром Мейли. Вытребовал-выпросил множество рекомендаций от деловых партнёров, преодолел препятствия в виде помощников, консультантов, глав отделов, директоров того да сего, забросал все известные ему адреса и телефоны письмами, предложениями и расчётами, совершенно не унывая от ответов с казённым «ваше предложение нас не заинтересовало, желаем дальнейших

успехов». Наконец или звёзды сложились как надо, или очередное послание-рекомендация привлекли внимание главы корпорации, и тот согласился увидеться с упрямцем из Хванджи самолично.

Потому одетый в непривычный и дьявольски дорогой костюм-тройку Маркус Чэн уже который час потел в ожидании решающей встречи в прохладной просторной приёмной над очередной чашкой кофе, поднесённой вышколенной служащей. Начал уже подумывать, что так, в бесполезном ожидании, и пройдёт весь день: безвестного провинциального выскочку просто решили проучить за его назойливость. Ну что ж, отрицательный результат тоже результат, будем разрабатывать планы дальше...

На решительным шагом вошедшую в приёмную девицу он поначалу внимания не обратил – постоянно туда-сюда сновали посетители и сотрудники – но по тому, как поспешила навстречу ей до того дьявольски неторопливая и невозмутимая секретарша и встрепенулись хорошенькие машинистки, или как их там называют, понял, что посетительница не из простых. А уж когда услышал «добрый день, миз Мейли» и вовсе навострил уши.

– Он один? – деловито спросила вошедшая.

– Пока да, миз Мейли, – пролепетала секретарь, – но вот господин уже давно дожидается встречи...

Даже не взглянув на «господина», девица обогнула пытавшуюся преградить ей путь служащую и, широко распахнув высокую дверь, ворвалась в святое святых – кабинет Артура Мейли.

– Как ты посмел!.. – прозвучало уже изнутри. Дверь с грохотом захлопнулась, но всё равно в приёмную доносились всё повышающиеся голоса ссорящихся, правда, о чём именно шёл спор, не разобрать. Дебелая секретарша металась у порога, ломая руки и не решаясь войти; машинистки любопытно вытягивали шеи. Маркус тоже подобрался поближе.

– А кто это такая?

Секретарь впала в такое отчаянье, что даже не одёрнула не в меру любопытного посетителя, не попросила вернуться на место.

– Эбигейл, старшая дочь президента... Ах, ну как я её не остановила! Он же нас всех сейчас уволит!

Изыскивая возможности подобраться поближе к главе корпорации, Маркус, конечно, изучал и его семейку. Эбигейл Мейли – старшая дочь, преподаватель в одном из столичных университетов. Не замужем. Довольно замкнута, вредных привычек и недостойных знакомств не имеет, в семейном доме бывает очень редко, так что для его целей не подходит.

Секретарь подпрыгнула, девицы вскрикнули, сам Чэн вздрогнул от неожиданного грохота и звона, раздавшихся в кабинете. Они там что, уже в рукопашную пошли? С киданием мебелью друг в друга? Дверь распахнулась, вылетела Эбигейл – раскрасневшаяся, растрёпанная, с заплаканными, но бешеными глазами. Следом выскочил САМ, сотни раз уже виденный Маркусом на фото, видео и живую на различных

благотворительных и торжественных церемониях: высокий, спортивно-сухопарый, с тонкими аристократичными чертами костистого лица, сейчас разъярённо-малинового... как бы insult не хватил!

– ..! ..! ..! – орал Мейли, брызгая слюной. Ни единого приличного слова, кроме: – ...ты ещё об этом пожалеешь!

Девушка круто развернулась с порога. Отчеканила звенящим голосом:

– Да я уже сотни раз пожалела, что твоя дочь! Так что и ты навсегда забудь о моём существовании, ясно?

От грохота следующей захлопнутой двери упала одна из почётных грамот или дипломов, щедро украшавших стены приёмной. Артур Мейли таранился на разбившееся стекло, сжимая немалые кулаки. В притихшей комнате было слышно только его бурное дыхание. Обернулся, мазнув белым от бешенства взглядом по Чэну и явно его не увидев, рывкнул:

– Уволены! Все!

Снова грохот: президент вымещал свою злость на ни в чём неповинной обстановке кабинета. Одна из девиц зарыдала в голос, другая, сама непрерывно шмыгая носом, тихонько её успокаивала. Маркус, помедлив, сообщил расстроено вздыхающей секретарше, что, пожалуй, перенесёт свой визит. Та отработанно улыбнулась, явно думая о другом – например, о своей грядущей безработице:

– Да-да, конечно, позвоните в секретариат, и вас заново запишут на удобное время...

Дома он вновь принялся за поиски инфы об Эбигейл. А через несколько дней прислал свою визитку в приёмную главы корпорации с припиской, что может разрешить проблему со старшей дочерью семьи Мейли...

Забуть о Маркусе Чэне, как о страшном сне, не удалось. Нет, новый знакомый не названивал мне целыми днями, добиваясь новой встречи, не забрасывал сообщениями типа «доброго утра, скучаю, жду» и прочими сердечками-открытками-смайликами, призванными как бы служить знаками внимания, а на самом деле доводящими получателя до бешенства.

Он просто заявился ко мне на работу собственной персоной.

...После окончания учебы я отклонила очень лестное приглашение Императорского университета Сейко, справедливо подозревая отцовскую протекцию, и потому преподаю сейчас в куда менее престижном колледже на окраине. В таблице рангов образовательных учреждений столицы наш универ занимает одно из последних мест, но благодаря неистовому ветерану-ректору, любой провинциал и житель города, у которого нет за спиной влиятельной семьи, больших денег или великого таланта, может получить здесь вполне приличное классическое образование...

Вот два таких «получателя» как раз сейчас тащатся за мной от самой лекционной аудитории, неустанно вопрошая, почему же им не поставили зачёт. Рекомендация повнимательней взглянуть на свои оценки и посещаемость

упорно игнорируются; может, они просто наслаждаются звуком собственного голоса? На пятый год работы у меня уже выработался стойкий иммунитет к просьбам, претензиям и обещаниям обязательно исправиться – вот прям сразу, как получают заветную оценку... И не надо делать такие жалостные глазки и так мило льстить: да, я добрая, да, я люблю щеночков и котят, но вовсе не таких гуманизированных¹ юных котов под два метра ростом! Ну, или ещё не дозрела...

У двери кафедры решительно оборачиваюсь, отгораживаясь от неотстающих просителей пачкой тетрадей, словно щитом – эх, сегодня ещё весь вечер проверять!

– Итак, господа прогульщики! Жду от вас конспекты всех пропущенных за семестр лекций – и не вздумайте брать у сокурсников, я прекрасно помню ваш почерк, слишком уж редко достаиваюсь чести его видеть! А также от каждого по два реферата, тему можете выбрать из списка. Пары дней ведь вам хватит?

– Да что ж так мало, учитель Мейли! – вопят нерадивые юноши слаженным дуэтом.

– Неужели мало? Хорошо, тогда... – я делаю вид, что раздумываю, лентяи тарачатся на меня с жалобной преданностью, – ...можете написать ещё парочку!

Громкий, очень дружный (уж не вместе ли они шляются где-то в часы моих лекций?) стон, переходящий в весьма артистичные предсмертные вопли. Нет-нет, никак не меньше двух недель! Все же знают, как придирчиво учитель Мейли проверяет рефераты на предмет заимствований (очень мягкое название для действия «передрать» всё у заучки-соседа), поэтому придётся очень постараться! Риторический вопрос, кто им мешал стараться раньше, задавать совершенно бессмысленно.

Сходимся на четырёх днях. Парни благодарят, хоть и продолжая по привычке ныть. Перед тем как уйти, блондинистый Лим неожиданно втыкает в стопку тетрадей изрядно помятую лилию, которую до того прятал под полую куртку. Я смотрю на цветок, потом строго – поверх очков – на дарителя.

– Это что, взятка?

– Нет, просто прекрасное для поднятия вашего настроения!

– Прекрасная *однодневная* красная лилия? – Я выдёргиваю цветок из пачки и верчу перед лицом. – И что я должна с ней сделать, украсить вход, чтобы отпугнуть зло от дома?

– Какой был цветок на клумбе перед главным корпусом, такой и сорвал! – нахально уведомляет парень. Прежде чем продолжить, предусмотрительно отступает на пару шагов. – Ну и от зла тоже помогает! Если не выгонит снаружи, то уж изнутри – точно!

¹ Хуманизация – изображение предметов, животных и явлений в виде человека или человекоподобных существ.

Я топаю ногой, замахиваясь на него цветком:

– Ах ты ж!..

Двоечники с радостным гоготом ретируются, то и дело на меня оглядываясь. Я позволяю себе улыбнуться не раньше, чем они свернут за угол. Аккуратно, чтобы не измазать нос липкой рыжей пылью, нюхаю лилию. Цветов мне давно не дарили; пусть даже с такой утилитарной (или профилактической?) целью, всё равно очень приятно.

– Вижу, вы заняты?

Ещё не осознав, чей это такой знакомый голос и не успев убрать с лица улыбку, я оборачиваюсь и обнаруживаю перед собой приветственно кланяющегося Маркуса Чэна. Вот уж... нежданчик!

– М-м-м... да не то чтобы... – бормочу я, от неожиданности не сообразив тут же подтвердить его слова: да, конечно, чрезвычайно, бесконечно и безнадежно занята! Для вас – просто навеки!

– Помочь? – Оценив внушительную стопку в моих руках, Чэн галантно нажимает дверную ручку. Не остаётся ничего другого, как со «спасибо» войти в кабинет, где на нас тут же поднимается несколько заинтересованных пар глаз. Вот что бы моему «жениху» не прийти на полчаса позже, когда вся кафедра уберётся на перекус!

Чэн раскланивается, вежливо представляется и заявляет, что, если никто не возражает, он собирается похитить Эбигейл (эй, а где же по дороге потерялась «госпожа»?!) на время обеда. Я от неожиданности роняю на стол с боем добытые студенческие конспекты, выравниваю опасно накренившуюся стопку и награждаю «похитителя» недобрый взглядом. Конечно, никаких возражений не следует – вся кафедра очень заинтересована личной жизнью самой молодой преподавательницы, то бишь, моей. Вернее, полным её отсутствием. Потому меня чуть ли не выпихивают за дверь вшестером. Правда, толстенькая приземистая учительница Ли успевает поинтересоваться, не господин ли Чэн вручил мне этот «миленький цветочек»? Я поспешно подтверждаю и решительно ухожу по коридору прочь от любопытных и оценивающих взглядов коллег.

Разворачиваюсь на каблуках к следующему за мной Чэну уже в вестибюле.

– Что это на вас нашло?!

– Нашло? – не понимает он и приглашающе указывает в сторону стеклянных дверей выхода. – Я просто хотел вместе с вами пообедать. Вы не брали телефон, и я набрался смелости пригласить лично. Если это как-то... вас дискредитирует, прошу меня простить.

Извинения звучат искренне; приходится, хоть и скрепя сердце, их принять. И объяснить, что преподаватель не всегда может ответить на звонок, а после занятий мобильник я ещё не проверяла (правда!). Чэн кивает: мол, да, у бизнесменов точно такие же проблемы; он заказал столик в «Обедах матушки Гу», отправимся пешком или на машине? Я машу рукой: да здесь всего пять минут ходу! – прежде чем понимаю, что уже согласилась.

Проходим в «Обеды» по записи мимо терпеливо и не очень переминающейся очереди: заведение пользуется огромной популярностью, чтобы сюда попасть, приходится оставлять заявку заранее, я сама за пять лет была здесь всего несколько раз. Обычно мы обедаем либо в преподавательском буфете, либо в какой-нибудь из многочисленных едален неподалёку от работы.

– Что тут вкусного? – спрашивает Чэн, изучая заменяющий меню список, нанесённый прямо на стену: завсегда так и так помнят свои любимые блюда, а для перекуса работающему люду хватит традиционного обеда. Правильно расшифровывает мой удивлённый взгляд: – Да-да, я тут никогда не бывал! Просто вбил в поиск популярные заведения рядом с вашим университетом, и вот... – Он обводит помещение скептическим взглядом. – Не ожидал такого.

Здесь ничего не меняется: обычные обшарпанные столы с начищенными жаровнями в центре, белёные стены, запахи готовящейся еды – старая вытяжка не справляется, гул разговоров многочисленных посетителей... И хозяйка Гу тоже нисколько не изменилась: вон, круглолицая и мелкоморщинистая, как варёная морковка, с вечной своей улыбкой переходит от стола к столу, приветствуя гостей.

Возгордиться сейчас или посмеяться над тем, как Чэн пытается произвести на меня впечатление? Не делаю ни того ни другого – слишком голодна.

– Тогда давайте я закажу сама то, что мне нравится.

Маркус косится на мою машинально прихваченную с собой лилию-однодневку.

– Увянет уже до конца обеда, может, сразу выкинуть?

Я, в общем-то, так и собиралась сделать, но теперь демонстративно втыкаю цветок в стакан с водой и перевожу разговор:

– Какими судьбами в нашем районе? – Насколько помню, Чэн живёт в Хангаме, это час езды досюда. Без пробок.

Даже и не думает притвориться, что мимо проезжал. Отвечает, как и смотрит, по-прежнему прямо:

– Вы согласились со мной встречаться три месяца. Уже прошла неделя с нашего знакомства, так что я решил о себе напомнить...

– Согласилась? У меня, конечно, нет записи нашего с вами разговора, но что-то я такого не припоминаю...

– Маленькая Мейли!

Я оглядываюсь и встаю.

– Здравствуйте, матушка Гу.

Хозяйка смотрит на меня, задрав голову. На круглом лице – вечная улыбка состарившегося Будды.

– Ты похудела с прошлого раза. Кушай хорошо! Здравствуй, мальчик.

«Мальчик», приподнявшись, кланяется.

– Это Чэн Маркус, – представляю я, – мой... м-м-м... знакомый.

Старушка смотрит на него, склонив голову. Говорит ласково:

– Что, давненько не кушал домашней еды? Ничего, сейчас и тебя накормим!

– Благодарю, – выдавливает явно непривычный к такому обращению Чэн. Хозяйка неожиданно подмигивает ему, отчего её и без того узкие глаза превращаются в щелочки; легко проводит морщинистой рукой по лилии в стакане.

– А чтобы не пришлось сердиться, в следующий раз успевай дарить цветы раньше других парней!

Чэн смотрит вслед матушке Гу слегка растерянно.

– Она что, нас подслушивала?!

Я заговорщицки придвигаюсь к нему, мой визави автоматически подаётся навстречу через стол. Сообщаю, загоразживаясь для конспирации ладонью:

– У хозяйки, несмотря на возраст, отличный слух! А ещё натуральный компьютер вместо мозга: я была тут год назад, а она до сих пор помнит моё имя!

– Здесь что, принято знакомиться с владельцами кафе? Даже если ты всего раз в жизни заглянешь перекусить?

Я пожимаю плечами.

– Это старый и очень неторопливый район со своими извечными обычаями. Да и «Обеды матушки Гу» – не обычное безликое сетевое заведение, где главное – на бегу набить свой живот, а именно *семейное* кафе. К тому же очень древнее, вон, видите, над стойкой портреты прежних хозяев? Там есть дагерротипы² девятнадцатого века, а то и вообще Жэнь у хуа³ шестнадцатого. А насчёт первого и последнего раза, посмотрим, что вы скажете, когда попробуете здешние блюда!

Тут я обнаруживаю, что гляжу в глаза Чэна слишком близко. Оказывается, они у него не серые, как казалось раньше, а травянисто-зелёные. Очень внимательно сейчас меня рассматривающие. Поспешно выпрямляюсь и отодвигаюсь. Мой взгляд цепляется за цветок в стакане, я удивлённо восклицаю:

– Ну вот, а вы говорили, завянет!

Лилия и впрямь заметно взбодрилась: налилась цветом, туго расправила лепестки; может, в стакан налита какая-нибудь живая вода?

– А почему вы (если послушать нашу хозяйку) рассердились из-за этого цветка?

– Да просто неудобно стало: ещё решат ваши коллеги, что я могу себе позволить только какой-то цветок-однодневку!

– Ну вы же виделись с ними первый и последний раз! – передразниваю я его.

– К тому же, у меня ещё и аллергия на запах лилий.

Гляжу скептически: аллергик, как же, хотя бы разок чихнул для приличия или нос почесал! К счастью для Чэна, очередной хозяйкин внук (правнук?)

² Дагерротип – ранняя фотография первой половины девятнадцатого века.

³ Жэнь у хуа – китайская портретная живопись.

приволакивает полный поднос и нам становится совершенно не до разговоров.

...Уф! Я наконец отваливаюсь от стола и машинально поглаживаю себя по животу. Если существует на свете наркотическая еда, это как раз стряпня матушки Гу! Не оторвёшься, пока не очистишь тарелки полностью. Мой спутник тоже кладёт ложку. Но выглядит он скорее удивлённым, чем довольным-сытым, как я.

– Я и не знал, что в здешнем меню имеется хванджийская еда!

Да-а, хозяйка и впрямь остра на слух: хотя я сделала два совершенно одинаковых заказа, но она по легчайшему чэновскому акценту определила уроженца Хванджи и приказала приготовить традиционное блюдо его провинции!

– И готовят точь-в-точь как моя мать! Я помню вкус этой похлёбки с детства; где только потом не пробовал, всё совершенно не то! Пойду поблагодарю.

Я с улыбкой провожаю его взглядом: да, насчёт «последнего раза» Чэн погорячился! Как бы ещё не стал здесь постоянным посетителем!

И вдруг вспоминаю, как пришла сюда впервые, пять лет назад, после очередной... сорвавшейся помолвки. Было холодно, промозгло и тоскливо – до самоубийства. Я брела по тёмным закоулкам, не заботясь о направлении: просто механически переставляла ноги, чтобы не упасть прямо посреди улицы. Промокшая насковзь, заледеневшая до самых внутренностей и глубин корчившейся души, увидела перед собой тепло светившуюся, запотевшую изнутри витрину и, не раздумывая, ввалилась внутрь. Тут меня накормили острой до жгучих слёз и долгого кашля похлёбкой, которую так любила варить няня Ван... Вот откуда матушка Гу могла знать, что я обожаю тот плебейский суп?! Именно его знакомый вкус заставил тогда меня разрыдаться, хотя, казалось, никаких слёз давно не осталось: высохли, перегорели от ужаса и боли. Разрыдаться, согреться и наконец очнуться.

Вернуться к жизни.

Очередь за час несколько не сократилась: казалось, жаждущие здешней стряпни готовы стоять хоть до ночи, а то и раннего утра, когда открываются едальни, чтобы кормить самых первых отправляющихся на работу или наоборот возвращающихся домой.

– Хорошо, что я всё-таки выбрал эти «Обеды»!

– Что, станете теперь постоянным клиентом хозяйки Гу? – поддразниваю я спутника. Нет, матушкина еда не наркотик, а натуральное лекарство! Вон с Чэна даже сползла его напряженная сдержанность: просто сытый и довольный молодой мужчина, неторопливо возвращающийся в офис.

– Конечно! По мере возможности. Тем более это повод вновь пересечься с вами.

Всё-таки надо это прекращать, и немедленно!

– Господин Чэн...

– Маркус, – поправляет он. – Надеюсь, вы тоже разрешите называть вас по имени?

– Не вижу в этом совершенно никакого смысла! Я хотела сказать...

Чэн вскидывает руку с часами и говорит торопливо:

– Да-да, мы обязательно поговорим, но только в другой раз, сейчас я уже очень опаздываю! Было приятно с вами снова увидеться! – И, блеснув короткой улыбкой, ныряет в очень вовремя подъехавшее такси. Я провожаю машину взглядом. А я так никакой радости от вашего появления совершенно не испытываю!

Между прочим, поначалу Чэн несколько не торопился; понял, что назревает решительный разговор и поспешно удрал!

Но «жених» не учитывает существование интернета и мобильных сообщений! А ещё он обещал брать трубку в любое время дня и ночи. Я достаю телефон... и кладу обратно в сумку: позвоню сегодня же вечером, не откладывая! Сейчас я сама (вот тут истинная правда!) уже опаздываю.

Юрий СОКОЛОВ

Путь в Обитель Бога Начало романа

Глава I

Мне страсть как не хотелось сворачивать с Большой тропы на вулканические поля Ниора, засыпанные разнокалиберными кусками шлака. Ходить там тяжело, а камни такие иззубренные и острые, что способны через несколько тысяч шагов превратить обувь в лохмотья. И ступни ног заодно. Однако никто в здравом уме не пойдёт по тропе под нависшими над ней ветвями дерева, которого не было здесь ещё неделю назад.

– Думаешь, это она самая? – спросил я Тотигая.

Он не ответил, лишь качнул тяжёлой головой, а клыкастая пасть растянулась в подобии ухмылки: «Ну конечно. Кто бы сомневался».

– Мне просто не хочется сворачивать в поля, – пояснил я, хотя и без того всё было понятно.

Тотигай понимающе фыркнул. Ему тоже не хотелось туда сворачивать. Лапы у керберов будут крепче любых ботинок, но зато их нельзя заменить на новые.

– Никуда не денешься, Элф, – сказал он и встряхнулся – точь-в-точь как собака, вышедшая из воды. Только стряхивал он не воду, а пыль. – Видишь, где она проросла? Там совсем нет места из-за тех глыб сбоку. Можно пробиться, но есть риск, что она нас там здорово прижмёт.

– Ладно, – сказал я, привязывая к ботинкам камнеступы и заранее натягивая краги.

Слева от тропы возвышался почти отвесный горный склон, а в сторону от него тянулась приземистая скалистая гряда, заканчивающаяся в лавовом поле, шагах в семистах. Разгребатели, когда прокладывали тропу, пробили гряде, но теперь в проходе торчало это подозрительное дерево и придётся карабкаться через скалы, потому что обходить их слишком долго.

– Вон там, – сказал Тотигай. – Невысоко – всего три твоих роста. Легко перелезешь.

Я тоже заметил это место, поправил лямки рюкзака и уже приготовился идти, когда с той стороны гряды послышался тяжёлый дробный топот.

– Кого там несёт нелёгкая? – буркнул Тотигай, крадись к трём большим валунам, образовывавшим неплохое укрытие у самой тропы. – Спрячься, Элф! Чего ты там торчишь столбом?

– Лошадь, – сказал я. – Нет, две. Нукуманские. Надо предупредить этих оборотов. Неужто сами не видят? Хоть бы на рысь перешли.

Я уже поднял винтовку дулом в небо, намереваясь выстрелить, но Тотигаи подскочил ко мне, ухватил зубами за полу жилета и потащил к валунам.

– Кретин, – сказал он, когда мы возле них оказались. – А если это пегасы? Или яйцеголовые?

– Глухая тетеря, – ругнулся я в ответ. – Какие пегасы? Нукуманские лошади, говорю тебе!

– На нукуманских лошадях могут ездить не только нукуманы, – резонно заметил Тотигаи. – И заботиться надо в первую очередь о собственной шкуре.

Пришлось стиснуть зубы и признать его правоту. За грядой мог оказаться кто угодно, в том числе и пегасы. Не такой уж хороший у меня слух.

Перестук копыт быстро приближался. Я скинул краги, чтобы при необходимости стрелять со всеми удобствами. Кто бы там ни скакал, они очень спешили, иначе были бы осторожнее. По мехрану* так не ездят. Если это нукуманы, то скоро им крупно не повезёт, – по крайней мере одному. А ещё не повезёт Тотигаю, которого я убью за то, что он не дал мне их предупредить.

Дерево стояло неподвижно, как ему и полагалось. С виду – совсем обычное. Ну, то есть обычное додхарское: голый перекрученный ствол, покрытый толстыми кривыми жилами, точно рука – вздутыми венами. Ветки без листьев... Шишковатые почки на их концах. Возле горы не было такого толстого слоя лавы, как повсюду на равнине, и там вполне могло что-нибудь пробиться к поверхности, потому что зародыши многих здешних растений представляют собой настоящие горнопроходческие комбайны в миниатюре. Да только мы с Тотигаем не верили, что это простое дерево.

А невидимые нам пока всадники верили. Они выскочили под него из-за гряды почти одновременно.

Тут и началось!.. Крона дерева вздрогнула, ствол согнулся, ветки потянулись вниз и накрыли первую лошадь и её всадника. Мнимые почки раскрылись зубастыми пастями. Рядом со мной Тотигаи завыл приглушённо и страшно: ни один кербер не может спокойно смотреть, как гидра хватается и пожирает добычу. Второй всадник слишком резко осадил коня, и тот рухнул на землю, но я успел хорошо разглядеть и самого седока, и его вытянутую яйцеобразную голову на тонкой длинной шее.

– Стреляй, Элф, стреляй в него! – завопил кербер, припадая к земле. Ещё немного – и он сам бросился бы туда несмотря на глубокую нелюбовь к гидрам. – Стреляй, он может вывернуться!

Дела ибогалов и так были плохи, а при нашем участии обещали стать ещё хуже. Ни тот, ни другой так и не успели перебросить из-за спины разрядники. Первый всадник болтался в воздухе вместе с конём, который издавал такие вопли, каких никто не ожидал бы услышать от лошади. Яйцеголовый на земле выхватил меч и отчаянно рубил тянувшиеся к нему ветки-щупальца, но

* Мехран – полупустыня планеты Додхар.

его левая нога оказалась придавленной, и он имел слишком мало места для размаха. Гидра вцепилась в голову и шею его коня, таща бедную животину вверх. Я быстро выстрелил три раза подряд – дважды промазал, один раз попал, и успел увидеть, как разлетелась кровавыми осколками несуразная, вдвое больше человеческой, голова ибогала.

– Мразь, мразь!.. – рычал Тотигай, и непонятно было, к кому это относится – к гидре или яйцеголовым.

Гидра меж тем сграбастала второго коня, и я истратил ещё несколько пуль, чтобы пристрелить обоих животных, хотя кое-кто назвал бы мой поступок бесполезной тратой боеприпасов. Но я, хоть и не кербер, тоже не мог смотреть на это спокойно.

На гибель первого ибогала – мог, и смотрел, и уж точно не стал бы расходовать на него патроны. Надо отдать ему должное: сопротивлялся он яростно, до последнего, и молча. Стиснутый со всех сторон, яйцеголовый ухитрился освободить одну руку, оставляя в многочисленных маленьких пастьях куски собственного мяса, выдернул из ножен на поясе кинжал и уже отсёк десяток голов, которые теперь валялись внизу, продолжая судорожно сжимать и разжимать челюсти. Обезглавленные щупальца истекли чёрной жижей, бестолково извивались, тычась ибогалу в грудь и лицо, а он продолжал рубить и резать, пока гидра не обездвигила его совершенно, оторвав от коня и распяв в воздухе. И только тогда из его горла вырвался жалобный тонкий крик – первый и последний.

– Пошли, – сказал я, вешая винтовку на шею и доставая меч. – Пошли, слышишь? – Мне пришлось ухватить Тотигая за шкуру и крепко потрясти, прежде чем он опомнился. – Путь свободен.

Кербер вздохнул, его вздувшиеся от напряжения мышцы расслабились, и он затрусил рядом, стараясь меня не слишком перегонять. Сначала бежал справа; потом, когда мы приблизились к проходу в гряде, перешёл мне дорогу и занял место слева – поближе к горе и подальше от гидры. Впрочем, нам обоим всё равно пришлось идти прямо под копытами одного из коней. Сверху несло тошнотворное чавканье и капала кровь. Выпущенные боевые когти Тотигая нервно скребли голую скалу тропы. Несколько голов гидры оторвались от своей трапезы, потянулись было к нам, но, должно быть, решили, что добычи хватит и так, и вернулись обратно, а особо любопытные я тут же снёс мечом.

– А лошади-то всё же были нукуманские, – заметил я, отходя на безопасное расстояние и сваливая с плеч рюкзак.

– Нукуманские, – согласился Тотигай, расправляя и снова складывая перепончатые крылья. – Интересно, где ибогалы их взяли. И откуда взялись сами.

– Они ехали с той стороны. Мы идём в ту сторону. Может, и узнаем.

– Не уверен, что мне хочется узнавать, – сказал Тотигай, садясь на землю и почёсывая за ухом задней лапой. Ни дать ни взять – собака. Только ростом с телёнка, голова большая, лобастая, да ещё крылья эти...

– Хочешь или не хочешь, а вдруг придётся, – ответил я, отвязывая от ботинок камнеступы. – Здесь до самой Арки только одна дорога.

Кербер оглянулся на гидру. Потом выразительно посмотрел на меня:

– Мы ведь не станем оставлять у тропы эту гадину?

– Конечно, нет. Хотя на ближайшую неделю она безопасна. Именно на столько ей хватит ибогалов и коней.

Я вытащил из бокового кармана рюкзака самодельную мину и направился обратно к проходу в гряде. Тотигай шёл за мной попятам. Гидра почуяла недоброе, трупы в её щупальцах затряслись, но она только подтянула их поближе к стволу, не пытаясь на нас напасть.

– Вот потому-то ты и сдохнешь сегодня, – пробормотал я. – Не можешь оторваться от жратвы даже для защиты жизни.

– Да что ты ей толкуешь, она же ничего не понимает, – сказал кербер.

– Тупая скотина.

– Сейчас поймёт.

Я поставил таймер на пять минут, присел у основания ствола и засунул мину между каменных плит, которые гидра выворотила из скалы, вылезая на поверхность. Сверху послышалось шипение, и самое толстое щупальце всё же прервало пирушку ради того, чтобы меня схватить. Оно всё поросло щупальцами потоньше, и на конце каждого отростка торчала головка с четырёхстворчатой пастью, отличавшаяся от других только размером. Тотигай подпрыгнул и полоснул по этому шевелящемуся месиву когтями. Чёрная жижа так и брызнула во все стороны, гидра тут же переключила внимание на кербера, и я благополучно выбрался из зоны её досягаемости, отрубив попутно ещё несколько голов.

Добравшись до рюкзака, я уселся на небольшой валун рядом и подождал, пока сработает взрыватель. Мина гулко бухнула, с горы в проход посыпались камни, но недостаточно много, чтобы его перегородить. Гидра завалилась на бок, жутко зашипела, потом всё стихло. Только и видно было, как извиваются и вздрагивают её жилистые руки-ветви да дёргаются перепонки между ними.

Отыскав несколько пучков жёсткой травы, сиротливо прозябавших в этом царстве песка и камней, я тщательно вытер меч и счистил чёрные кляксы с одежды. Тотигай долго валялся по земле, вставал, отряхивался и опять валялся.

– Не мучайся, тебе всё равно снова туда идти, – сказал я. – Твоя очередь.

Кербер взглянул на меня неприязненно.

– Почему, интересно, когда доходит до грязной работы, очередь всё время моя?

– Потому, что ты к этому делу привычный. И ещё потому, что ты проспорил мне вчера, когда мы заключили пари на счёт...

– Ладно, помню, – проворчал Тотигай, направляясь к гряде.

На месте гибели гидры уже не наблюдалось никакого шевеления, но он всё равно приблизился к проходу с крайней осторожностью. Я свернул

самокрутку и закурил, внимательно оглядывая окрестности. Засыпанная вулканическим шлаком равнина простиралась вправо от тропы так далеко, как видел глаз. Слева были горы, поросшие редким кустарником и драконьей травой. Впереди, где начиналась Старая территория, маячила светлая полоска – только с такого расстояния и можно увидеть Границу. Сверху, сквозь вечную серую дымку, светило огромное красное солнце Додхара. В небе чисто – никакая летучая пакость нам оттуда не угрожала. Вроде спокойно всё...

Пока курил, вспомнилась Лика. Вот сижу я здесь, отдыхаю, – а она сейчас там, на Земле, далеко, за этой самой Границей Соприкосновения, и наверняка чем-то занята. Бобел утром ушёл в Харчевню, чтобы завтра встретить нас, и сегодня Лика управляется на ферме одна...

Тотигай вернулся, таща в зубах два кинжала и меч с извилистым лезвием.

– Второй меч не знаю где, – сказал он, отфыркиваясь и отплёвываясь. – Наверно, в самом низу. Сволочь ты всё-таки, Элф. Пошёл бы сам и принёс всё за один раз.

– Галеты нашёл?

– Нет у них ни одной. Наверно, сами всё сожрали... Ну, Элф, сходи сам, а?

– Давай, давай, не стони. Тебе полезно.

Кербер опять смотался к проходу и принёс два разрядника, держа их за ремни. Я между тем успел обтереть травой предыдущие трофеи. Теперь принялся за разрядники.

Это оружие выглядело так, словно его вырастили на грядке. Гофрированный ствол с отверстиями по бокам, скульптурная рукоятка, защищённая подобием глухой гарды, как у абордажной сабли, гнутое цевьё, двойной зажим для предплечья вместо приклада – и весь корпус будто отлит целиком, да только это не литё, а неизвестно что вообще. Попадают разрядники к людям редко. Ну, тем дороже и стоят. В два, а то и в три раза больше, чем хорошая снайперская винтовка. В пять раз больше, чем «калашников» или М-16. И ещё дороже стоили бы, но разрядников хватает только на сотню выстрелов. Правда, стреляют они как надо и могут прожечь в человеке дырку размером с чайное блюдце. Но сто выстрелов – это всего лишь сто выстрелов, да и то если штука заряжена до отказа. А как их заправлять, знают лишь ибогалы. У них это оружие недавно появилось, и наши ещё с ним не разобрались.

В третий раз Тотигай притащил от гряды лучевые трубки, напоминающие гибрид скипетра с кастетом, электробичи, похожие на тощих электрических угрей с петлями для кисти вместо голов, и два ошейника. Трубки я оставил – стреляют они недалеко, и энергии хватает ненадолго, зато их достаточно подержать на солнцепёке для подзарядки. А вот бичи выкинул. Работорговцы готовы неплохо платить за них, но я не люблю работорговцев и давно для себя решил, что поставлять им орудия труда не намерен.

Проигнорировав недовольный взгляд Тотигая, который подобных комплексов лишён, я осмотрел ошейники. Забавные штуки, хотя особой

пользы от них никто не видел. Умники из Субайхи называют их «обруч-маска» и считают, что яйцеголовые используют ошейники для общения с вышестоящими, когда требуется скрывать лицо. Наверно, так и есть, ведь их носят не все ибогалы, а только чисторождённые второй ступени. Ошейник способен по желанию хозяина разворачиваться в конструкцию, напоминающую шлем, сросшийся с верхней частью рыцарских доспехов. Я в своё время немало помучил мозги, пытаясь определить, для чего ещё могут пригодиться такие кастрюли кроме маскарада, но ничего путного в голову так и не пришло. Для защиты они бесполезны, поскольку их пластинки, хотя и весьма искусно сочленены друг с другом, слишком тонки. А «доспехи» закрывают лишь плечи и верхнюю часть груди, оставляя спину целиком голой.

Нукуманы говорят, что с помощью шлемов ибогалы общаются меж собой телепатически. Ну, не знаю. Однажды на привале я эти штуки надевал на себя, пытался испускать мысли так и эдак, но не смог даже внушить валявшемуся рядом Тотигау, чтоб он выплюнул кость, которую обгладывал.

Имхотеп объяснил мне потом, что для успеха задуманного надо натянуть шлем на чисторожденного второй ступени, а самому быть чисторожденным первой. Тогда можно вбивать подчинённому в башку любые приказы, обязательные к исполнению, как и безмерное уважение к начальству. Иначе фокус не получится. А ибогальские начальники могут общаться меж собой на расстоянии без всяких приспособлений.

Во времена больших войн с яйцеголовыми существовала секта, главарь которой втирал людишкам, что ибогалы не станут трогать тех, кто наденет на себя ошейники. Что, мол, можно будет с ними договориться: надо лишь прочесть правильную молитву и начертать перед собой в воздухе символ Лилии Геагамы. Удивительно, сколько простофиль поверило ему. Сколотив капитал на торговле никому прежде не нужными безделками, главарь, ясное дело, свалил с концами. А после первого же набега яйцеголовых в те края, дураков там стало меньше ровно на число членов секты. Правда, не сразу: ибогалы посадили их на колья с перекладинами, чтобы острия не пропоролы кишки слишком глубоко, и вороньё успело обклевать всех ещё заживо. Ибо полуразумному зверью не положено цеплять на себя знаки отличия чисторожденных, поминать имя Священной Лилии всуе, и тем паче чертить ее символы своими грязными лапами. Даже в воздухе.

После этого до самых тупых дошло, что договориться с яйцеголовыми нельзя. Или мы их, или они нас. И ещё долго никто не притрагивался к ошейникам.

Потом ничего, отошел народ, и сейчас товар сбыт находит. Фермеры пользуются тем, что ошейники в развёрнутом виде имитируют головы додхарских зверей, и обожают вывешивать их на своих полях, надевая на вкопанные в землю шесты. Вместо пугал. На психику воробьёв и сорок вид этих приспособлений действует просто губительно.

Ошейники – почти единственные вещички из обихода ибогалов, которые хоть немного смахивают на продукты нормального производства. Остальное сродни разрядникам – не поймёшь, как сделано. Умники говорят, что это всё плоды биотехнологий, по части которых яйцеголовые большие умельцы. Но чтоб я пропал, если смогу вообразить себе такие технологии. Хотя самих плодов навидался – дальше некуда.

Вот ибогальские кинжалы или мечи – лезвия и ручки из одного и того же материала, и каждый из них не похож на другой. Все разного размера и формы, клинки имеют разное число изгибов; стоит взяться за рукоять, и меч выскакивает из ножен, словно выброшенный пружиной; а когда вкладываешь обратно в ножны, нужно только кончиком попасть, и его всасывает туда сам по себе. Плащи у яйцеголовых как живые, липнут к телу, ветер их не раздувает, а если положить такую одежду в холодное место, она всё равно остаётся тёплой, как будто её только что сняли. Хорошие плащи, среди людей они ценились бы высоко, но после Проникновения на Земле стало тепло до самых полюсов, а ради ночёвки под открытым небом никто в ибогальские тряпки заворачиваться не будет. Кто его знает, что это такое. Ещё оживёт ночью и задушит тебя, пока ты спишь. Только созерцатели их и отваживаются носить.

Из четвёртой ходки Тотигай вернулся с Книгой, положил её у моих ног и улыбнулся. Человека, незнакомого с керберами, от такой улыбочки мог бы хватить удар – сразу приходит на ум, что тобою собираются пообедать. Комплекция у керберов внушительная, бойцовая: зад узкий, грудь широченная, и весят до сотни килограммов. Когтищи как сабли. Клыки как у тигра. Но Тотигай и вправду улыбался. Очень ехидно, причём.

– Твой заход, – сказал он елейным тоном. – Лошадиную ногу отгрызть не стану. Увидишь, она сверху торчит, я раскопал.

– Да ты ведь уже нажрался на месте, – возразил я, плясь на его находку и пытаюсь себя убедить, что вижу не то, что вижу.

Тотигай презрительно фыркнул, отмечая мой довод.

– Это просто лёгкий перекус между делом. А тебе? Собрался и дальше поститься?..

Конечно, если я сегодня хочу поужинать, то мяса нарезать придётся, но сейчас я во все глаза смотрел на Книгу.

– Почему не принёс её сразу? – спросил я слегка охрипшим голосом.

– Потому, что не сверху лежала, – ответил Тотигай. – И вообще, какие претензии? Шёл бы да ковырялся сам в этом дерьме.

Кербер, в общем-то, остался более-менее чистым, но передние лапы он вымазал изрядно. Я оставил его отскребаться, а сам отправился к мёртвой гидре. Высоко над грядой уже кружили двухголовые додхарские стервятники и наши земные грифы. Из всех земных птиц только грифы свободно летают над мехраном, и только они одни с удовольствием жрут местную падаль наравне с аборигенами здешних небес.

Конечно, я не стервятник. Но всё-таки мы, трофейщики, чем-то сродни грифам, не зря же и эмблемой нам служит гриф. И мы тоже способны питаться додхарской падалью, или даже заготовливать её впрок. Именно это я и собирался сделать.

Глава 2

Прежде чем двинуться от гряды дальше по тропе, мне пришлось перепаковать добычу, которую мы взяли в городе. Четыре автомата из своего рюкзака я связал попарно, добавил к ним ибогальские мечи (второй из которых я всё-таки нашёл) вместе с разрядниками и остальным ибогальским хламом, и приспособил Тотигаю на спину наподобие вьюков. Сбрую сделал самую простую, чтоб кербер мог в любой момент освободиться от неё и от груза, не запутавшись в ремнях: ему нужно было лишь дёрнуть зубами концы единственного узла. Тотигай долго стенал, ворчал, пугал меня химерами и драконами, которых он якобы не заметит вовремя, если станет тащить на себе вьюки. Я велел ему заткнуться и напомнил, что некоторые порядочные керберы во времена предыдущего Проникновения не только с радостью таскали по два лёгонких тюка, но и возили на себе своих приятелей из людей. Тотигай возмущённо заявил, что это лживая пропаганда, призванная оправдать бессовестную эксплуатацию четвероногих; что предыдущее Проникновение было давно и про него у нас на Земле наврали ещё больше, чем у них на Додхаре; что людей на себе возила весьма тупая, крупногабаритная, ныне полностью вымершая порода керберов; что я ему не хозяин; что он – не ломовая лошадь; и что с нашей стороны глупо тащить на себе всё это дешёвое барахло, бросая Книгу, которая стоит в десять раз дороже, чем остальное вместе взятое.

Я действительно чуть было не оставил Книгу там, где мы её нашли. Так и подмывало отойти подальше от тропы и засунуть её где-нибудь между камней в мехране. Можете считать меня дураком, готовым зарыть обратно яму с кладом только потому, что на крышке сундука лежит скелет. Но у меня было предчувствие, что Книгу брать не стоит. Слишком уж опасная это вещь, чтобы таскать её при себе. В Утопии, лет пять назад, умники решили побаловаться с нею – с тех пор полиса больше не существует. И никто не выбрался оттуда, чтобы рассказать, что произошло. А лично для меня хуже всего в этой истории было то, что именно я помог умникам опознать в малоинтересной поначалу для них чужеродной диковине Ганум Зилар – Книгу Знаний, обладать которой может любой, но пользоваться – только достойный.

К сожалению, предания о Книге не уточняли детально, в чём именно должно состоять достоинство. Но в любом случае среди умников людей с нужными качествами не нашлось, и это, на мой взгляд, яснее прочего доказало, что они слишком воображают о себе. Утопия в самом буквальном смысле превратилась в пыль, и даже обычная трава на том месте снова стала расти лишь пару лет назад.

Хотя нормальных школ у людей теперь меньше, чем раньше было государств, кое-какое образование я получить сумел, до глубины души

прочувствовав при этом, что знание – вещь тяжёлая. Часто неприятная. Но не настолько же?..

Оказалось, бывает всяко. А на самой Книге, как я мог теперь убедиться, не осталось и мелкой царапины.

Смотрел я на неё и думал. Конечно, это вовсе не книга никакая, только выглядит похоже. Весит она до чёрта, открыть её нельзя, сверху торчит вроде как рукоять меча или кинжала. Можно взяться рукой, размер подходящий, но я поостерёлся. И тем более не стал пробовать этот меч или кинжал из Книги вытаскивать. Может, в Утопии как раз с этого и началось.

В конце концов Книгу я всё же забрал. Поступи я по-другому, Тотигаю, чего доброго, в ближайшую ночь отгрыз бы мне все выступающие части тела. Умники, любопытство которых после катастрофы возросло пропорционально потерям в численности, назначили за Книгу фантастическую премию. Однако я наотрез отказался бросить всё и двигать за премией прямо теперь же. Нет – сперва мы идём в Харчевню. Показываем Книгу Имхотепу. Слушаем внимательно, что он скажет. Потом – остальное.

Конечно, Имхотеп мог ничего важного не сказать. Или, что хуже, отказаться говорить. Или сказать такое, после чего Ганум Зилар и вправду придётся выкинуть. Но заострять на этом внимание в споре с Тотигаем не стоило.

Я сунул в рюкзак мясо, уложенное в толстый полиэтиленовый мешок, который специально для этой цели таскаю. Потом положил вещи, добытые в городе, подарки для Лики, подарки для Имхотепа, ну а Книгу приспособил сверху, чтобы в случае чего побыстрее до неё добраться и выкинуть. Только поможет ли? Если из-за сей вещички целый полис гакнул, то не получится закинуть достаточно далеко.

Даже после всех проделанных манипуляций по облегчению рюкзака, он потянул бы килограмм на пятьдесят. Рюкзак у меня, как и у всех трофейщиков, станковый, безразмерный, неубиваемый. Их специально для нас делают в Харчевне, в мастерской «Чёрная дыра». К мастерской название прилипло от первых выпущенных ею моделей. Это были просто очень большие, невероятной прочности вещмешки, в которые ты мог впихнуть целый супермаркет. Но когда доходило до того, чтоб вытащить что-нибудь обратно, особенно снизу, извлечь желаемое оказывалось не проще, чем из настоящей чёрной дыры. После рюкзаки стали делать более удобными – с карманчиками, застёжками, отделениями. Объём и прочность остались прежними. Никогда не угадаешь, с чем будешь возвращаться, – с железяками или с тряпками. Да и некоторые тряпки, если их предложить соответствующей клиентуре, могут принести не меньшую прибыль, чем оружие и боеприпасы.

Однако теперь моё внушительное заплечное вместилище оказалось переполненным, и немалую часть веса составляла конина. Но нам не везло в охоте с того дня, как мы вышли из города. Прямо наваждение! Мой НЗ кончился катастрофически быстро, чему не приходилось удивляться, принимая во внимание аппетит кербера. Упрёков я от него наслушался –

дальше некуда. Мы что, не могли завернуть в Бродяжий лес, как обычно?.. Я что, переломился бы, захватив из Харчевни не десяток галет, а сотню?.. Сейчас Тотигай нажрался мяса, добытого для него гидрой, поэтому и не хотел тащить выюки; но после такой голодовки, какая нас постигла, уже к ночи его желудок о себе заявит. Не говоря о моём собственном. Я, в отличие от кербера, сырую додхарскую конину есть не мог – придётся терпеть до большого привала. А нам ещё завтра целый день топать.

Часы я с собой не таскаю – лишний груз, – но чувство времени у меня будь здоров. Тронувшись от гряды, мы взяли обычный ритм: двадцать пять минут ходьбы – отдых пять минут. Ещё двадцать – отдых десять. Такой способ удобен, он позволяет делать короткие привалы раньше, чем всерьёз устанешь. При нормальных обстоятельствах. Но полцентнера поклажи на горбу вряд ли можно назвать нормой, и я почти обрадовался, когда в самом начале четвёртого перехода Тотигай подал едва слышный сигнал тревоги.

Присев, я быстро, но осторожно скинул рюкзак с плеч и снял винтовку с предохранителя. Кербер бросился на землю ещё раньше, тюки легли у него по бокам, и он просто выполз между ними вперёд.

Немного выждав, Тотигай медленно поднялся и двинулся на полусогнутых к торчавшей в сотне шагов скале, каждый раз тщательно выбирая место, куда поставить лапу. С полдороги возвратился и принялся обнюхивать тропу. Повернулся, пронзительно глянул на меня через плечо, и я сразу понял, что это именно сигнал для меня, поскольку керберы и так всегда знают, что происходит сзади, – оглядываться им не нужно. Я встал, опустил винтовку, и мы сошли с тропы, стараясь не слишком тревожить валяющиеся повсюду куски вулканического шлака. Когда приблизились к скале, из-за неё с шумом взлетели стервятники.

Там лежал труп кентавра, причём не целиком, а разрубленный на части. Рядом – седло с уздечкой и лук со стрелами. Измазанный кровью и пылью хвост валялся в стороне. Учитывая, какой трофеей мы с Тотигаем заполучили у гряды, я ничуть не сомневался, что это не последний труп на нашем пути. А в конце, возможно, кто-нибудь обнаружит наши. Если от нас останется что-то такое, что можно обнаружить.

Тотигай медленно обошёл вокруг и сказал:

– Он сломал левую переднюю ногу. Видно, угодил копытом в трещину. Его пристрелили из разрядника, порубили и спрятали здесь. А когда возвращались на тропу, даже сдвинутые камни старались класть на место. Но некоторые из них лежат наоборот.

Я тоже по дороге к скале заметил несколько мелких камней, лежавших вверх светлой стороной.

– А что ты хочешь? – хмыкнул я. – Это же яйцеголовые. В чём-то они сильны, а вот сообразить, что камни тоже могут загореть на солнце... Хорошо если один из десятка знает про это. И не стоило замечать кровь хвостом кентавра там, где они рубили тушу: надо было присыпать пылью сверху. Всё равно на песке остались разводы. Только зря старались.

– Никаких свежих следов, кроме следов нукуманских коней, на тропе не было, – сказал Тотигай. – Ибогалы устроили засаду, но где-то впереди.

– Пойдём посмотрим?

– Ты уже знаешь, что мы там увидим.

Нам не пришлось далеко ходить. Через полтысячи шагов мы нашли прямо на тропе трупы двух нукуманов и ещё одного кентавра. Этот был под седлом и лежал там, где упал. В черепе зияла дыра, пробитая стрелой из нукуманского арбалета. Стрела прошла навывлет. Сильные у шишкоголовых арбалеты...

– Зря ты тащил конину так далеко, – сказал Тотигай.

– Ещё не хватало мне жрать кентавра, – буркнул я. – Как-нибудь обойдусь.

– А я один раз пробовал, – похвалился кербер.

Чудище лежало завернув под себя одну руку. Вторая оставалась на виду и выглядела совсем как человеческая, только была покрыта жёстким конским волосом. Ну и торс тоже...

Торс обезьяний, угловатый, крепкий, с мощными грудными мышцами. Морда, конечно, отвратная. Пасть с выпирающими зубами, широкие ноздри. Длинная жилистая шея. Копна волос на голове, растрёпанная спереди, сзади собрана в пучок ремешком из кожи. Низкий скошенный лоб, глубоко посаженные глаза... Человеческие глаза. Нет, не смог бы я его съесть.

Я знал, что при жизни он мог ржать как жеребец и умел говорить по-нашему чище, чем Тотигай. Ибогалы специально учат кентавров земным языкам. Психологический приём, наверно. Я не впечатлительный, но во время схваток с ними жутко слышать, как они вопят по-китайски или матерятся на русском. Они же допрашивают пленных. Особенно любят женщин, и я ещё не слышал, чтобы хоть одна из них осталась живой после допроса.

Выглядят кентавры тошнотворно. Нукуманы со своими раскосыми глазищами, повёрнутыми на сорок пять градусов относительно линии горизонта, живыми косичками и безобразными шишками на голове, тоже далеко не красавцы, но нукуманы ведь другая раса, как и яйцеголовые. А вот эти...

Век бы не видеть кентавров.

Тотигай понимающе посмотрел на меня и спросил:

– Трофеи же не станем брать? У нас и так полный воз.

– А что тут брать? Лук его, что ли? Секиру? Седло? Кому они нужны...

У нукуманов ничего брать нельзя, потом хлопот не оберёшься.

Шишкоголовые хоронят своих вместе со всем, что принадлежало им при жизни, распространяя право собственности на покойников как на живых. Человек, берущий что-либо у мёртвого нукумана, просто-напросто ищет неприятностей на свою голову. Именно поэтому мы ничего и не взяли с убитых гидрой скакунов. Мясо не в счёт. Поди разбери, кто его съел. Сбруя – дело другое. Ведь можно было её спрятать рядом, в мехране. Но её потом никто не купит. Побоятся. Нукуман, увидев чужака в седле, принадлежавшем его тринадцатиродному племяннику, даже посреди нашего поселения снесёт наглецу голову не задумываясь. И плевать ему,

что потом люди сделают с ним самим. А в нукуманские края заехать со старыми клеймами на ихних причиндалах или совсем без оных – это уж точно верная смерть.

Мне и вовсе не с руки нарушать обычаи шишкоголовых. У меня полно друзей среди них, и вообще они отличные ребята. Тотигай не столь щепетилён, но, с другой стороны, из даров цивилизации ему ничего и не нужно, кроме ибогальских галет. Всё остальное добро, прежде чем обменять его на галеты, нужно тащить как минимум до Харчевни. Вьючить сами себя керберы не могут, а в зубах много не унесёшь. Да и бежать несколько дней подряд с разъявленной пастью по пустыне – это, согласитесь, занятие, от которого постарается увильнуть любое разумное существо.

– Хочешь их похоронить? – спросил Тотигай.

– Творящий дела милосердия войдёт в Обитель Бога, – ответил я нукуманской присказкой. – Давай сделаем? Не облезем поди. А их родственникам было бы приятно.

Для керберов «милосердие» не более чем пустой звук, однако Тотигай помог мне сложить над телами нукуманов небольшую каменную грудку – тагот. Камни поменьше он приносил в пасти, крупные ворочал передними лапами и, приседая на задние, укладывал на место. Но чаще просто подкатывал поближе к будущему захоронению и предоставлял остальное мне. Лапы керберов прекрасно приспособлены для драки, а для работы – совсем никак. Пальцы слишком короткие, а стоит их согнуть, как из пазух сразу выдвигаются когти. Несмотря на это, Тотигай старался изо всех сил. Нет, всё-таки он не похож на своих сородичей. Любой другой кербер просто уселся бы рядом и смотрел.

– Яйцеголовые знали, что нукуманы появятся здесь, – сказал я между делом.

– Они могли поджидать кого угодно, – возразил Тотигай. – А когда на засаду напоролись нукуманы, решили не привередничать. В первую очередь им требовались кони. Вдвоём они не уехали бы далеко на одном кентавре, а для ходьбы пешком эти потомки дьявола плохо приспособлены.

– Может, и так, – не стал спорить я. – Но мне кажется, что нукуманы гнались за яйцеголовыми. А те знали, что за ними погоня, вот и захотели решить разом обе проблемы.

– Может, и так, – отозвался Тотигай.

Кентавра мы трогать не стали. Двухголовые додхарские стервятники успели изрядно потрудиться над его тушей, и наши земные грифы от них не отставали, несмотря на то, что у грифов, в отличие от конкурентов из местных, только одна глотка. Вот и пусть продолжают – те и другие.

Мёртвых нукуманов мы положили рядом, хоть по правилам тела и следовало захоронить порознь. Ну да ладно, в мехране обычно бывает не до церемоний, павших в схватке сами нукуманы чаще всего так и хоронят. Эти погибли вместе, пусть и лежат вместе. Их Предвечный Нук не глупее всякого другого бога, разберётся, кто есть кто, и сможет на том свете поприветствовать каждого персонально.

Зато тагот у нас вышел по всем правилам – куча камней, которой я по возможности постарался придать форму полусферы. Мою спину, и без того измождённую рюкзаком, ломило, но я остался доволен. Закончив, постоял над готовым могильником. Нукуманы в таких случаях ничего не говорят. Они думают. Или поют гимны Предвечному.

Думал и я. О чём придется. А что ещё делать, раз я в богов не верю, петь не умею, а торчать здесь вместо временного памятника всё равно надо?

– Если не знать заранее, сроду не догадаешься, что ибогалы с нукуманами одно племя, – сказал я, когда мы досыта намолчались.

– И всё же они друг другу родня, – ответил Тотигай. – Ты разве не замечал, как они похожи?

Ну, с моей точки зрения ибогал на нукумана похож так же, как пудель на дога. Однако что-то общее у них есть, это ясно. И не в том дело, что у них у всех по две руки и по две ноги. Те и другие похожи на людей телом, так ведь не люди же. Одни головы чего стоят. У ибогалов черепа вытянутые, длинные; черты лица правильные – я бы даже назвал их красивыми, если б они не были такой мразью. А у нукуманов черепушки уродливые, разделены сзади, будто Создатель пытался пристроить каждому по два затылка. Волосы они заплетают в мелкие косички. Судя по всему – заплетают раз и навсегда, потому что никто не видел, чтобы нукуман свои косички переплетал. А вот как они шевелятся, видели многие. И я видел. Зрелище страшноватое, словно волосы нукуманов живут собственной жизнью, хотя это обычные волосы, сколько я ни присматривался. И сегодня лишний раз убедился.

– Раньше они были одним народом и делились на совершенных и низких, – сказал Тотигай. – Совершенными, ясное дело, считали себя те, кто стоял у власти. Чтобы искоренить всякое неповиновение низких, они как-то изменили их... Их внутреннюю телесную сущность.

– Набор генов, – подсказал я. И тут же поправился: – Или хромосом, я точно не знаю. Генка Ждан говорил мне, но я забыл.

– Ну да, – легко согласился Тотигай, не желая вникать в такие тонкости. – Это и меняли. Вот почему у ибогалов и нукуманов такие странные головы. Сперва-то у всех были круглые, как тыквы в огороде у Лики. Хотя мозгов у этих тыквоголовых всё равно имелось побольше, чем у людей. Они учились выращивать для себя то, что им было необходимо, улучшая растения и животных, и дела шли неплохо, пока они не задумали улучшить себя.

– И что случилось? – спросил я.

В общих-то чертах я всё знал, но послушать версию Тотигая всегда интересно. Керберы замечательные рассказчики. Все знания своего народа они сводят в тройбы – предания в стихах, чтобы шенки лучше запоминали. На их языке очень торжественно и красиво звучит, но я его не вполне понимаю, да и чисто технические термины керберы там заменяют витиеватыми конструкциями типа «сверкающий утёс, исполненный очей из твёрдой воды», а каждый раз догадываться, что это такое, нелегко. Поэтому тройбы Тотигай мне пересказывает прозой и по-нашему.

– Совершенным были нужны послушные слуги, – сказал он. – Однако не настолько глупые, чтобы стать непригодными к выполнению сложных работ. Бесстрашные воины, которые бы грудью вставали на защиту властителей, но без особых способностей. Ты же знаешь эти ибогальские приёмчики – разговоры через пустоту, внушение, и остальное... Вот чтобы без этого.

– Ну, про «остальное» пока ничего не доказано, – возразил я.

– Ты иногда становишься занудным, как умники из Субайхи, – едко заметил Тотигай. – Не зря Ждана-то вспомнил.

– Кто бы говорил, – не остался в долгу я. – Да кое за какой твой трёп тебя на Совете стай другие керберы порвали бы в клочки.

– Именно поэтому я и не хожу на Совет, – сказал Тотигай. – Испортило меня общение с тобой. Да и сам Совет давно превратился в сборище тоскующих по прошлому старых болтунов – у нас почти никто уж и не живёт стаями... На чём остановились? Ах, да – совершенные стали изменять низких, а себя изменяли тоже, но в другую сторону. Они хотели увеличить свои мозги, поуменьшить их у подчинённых, и повлиять на свойства разума формой черепа. Однако совершенные сделали что-то не так, и всё пошло криво. Теперь их сволочная раса угасает, и яйцеголовые совсем не те, что раньше. А низкие не стали послушными – наоборот. Внушение совершенных перестало на них действовать, они взбунтовались и стали строить собственную цивилизацию. Правда, получилось не очень, потому что решать сложные задачки шишкоголовые не мастера. Зато теперь они сами по себе, и люто ненавидят бывших хозяев. Они...

– Дальше знаю от них самих, – сказал я. – Нукуманы только про первый период своей истории предпочли забыть, а героические страницы содержат в сохранности... Ладно, пойдём. До Каменных Лбов ещё топтать и топтать.

Я помог Тотигаю нацепить на себя вьюки и направился к своему рюкзаку. Прежде чем взвалить его на плечи, проверил, легко ли вращаются ножны, прикреплённые сбоку к станку на поворотном зажиме, хорошо ли выходит сам меч. Он выходил отлично. Замечательная у меня железка, самая настоящая катана. Бродячий купец, торговавший её мне, уверял, что этому мечу уже пятьсот лет. И что клинок у него в тысячу кованных слоёв. Он заломил несусветную цену, и я, подумав, что он брешет на счёт качества товара, отказался. Купец ушёл в Субайху; я вскоре отправился той же дорогой и на второй день пути наткнулся на обглоданные химерами кости бедолаги, валявшиеся рядом с его вещмешком. Так что в итоге меч достался мне даром, а Имхотеп после сказал, что он действительно работы очень хорошего оружейника, хотя и сделан перед самым Проникновением. Не знаю, как на счёт слоёв, но для рубки ходячего мяса и всего остального он подходит идеально.

Тотигай тоже собирался в дорогу. Он вытянул вперёд лапу с выпущенными когтями, готовясь по привычке украсить автографом ближайший камень, но вовремя удержался от подобной глупости. Не такое здесь место, чтобы личные подписи оставлять.

А вообще-то его когти в самый раз подходят для наскальной живописи – и керберы большие любители этого творчества. У щенков растут обычные когти, как у любых других зверей, но потом они выпадают, и на их месте вырастают новые – необычайной остроты и прочности, способные, кажется, оставить царапины и на поверхности алмаза. На вид они будто железные, но гораздо твёрже. Вот как, скажите мне, существа из плоти и крови смогли занять такие когти? А у них и зубы такие же.

– А с твоими предками ибогалы тоже экспериментировали? – полюбопытствовал я. – Они вывели вашу породу из диких трёхголовых керберов?

Тотигай жутко оскалился, и мне показалось, что он сейчас скинет вьюки и бросится на меня.

– Никто нас ни из кого не выводил! – рявкнул он. – Мы сами по себе – ясно?

Конечно, я не принадлежу к людям, возводящим тактичность в культ. Но всё-таки зря я его об этом спросил. Керберы, как и нукуманы, тоже не очень-то любят говорить об истоках своего рода.

Глава 3

Отойдя от места, где яйцеголовые устроили засаду на нукуманов, мы свернули с Большой тропы на узкую боковую дорожку, с виду похожую на те, что без всякого смысла и порядка прокладывают среди каменных россыпей разгребатели.

Трофейщики, да и любые путешественники опасаются ходить по ним, чтобы не сбиться с маршрута и не блуждать потом в запутанных лабиринтах этой гигантской свалки вулканического шлака. Выбираться с таких дорожек на проходные тропы напрямую, во-первых, тяжело, во-вторых – опасно. Можно легко повредить ноги или провалиться в пустоты, закрытые сверху лишь тонкой корочкой застывшей лавы. Её слой постепенно разрушается от времени, слабеет под ударами камней, выброшенных правящим округой вулканом Ниор, когда он решает, что опять пришла пора извергаться. Обычно корка проваливается сама, образуя уродливые кратеры, но нередко на дне лежит скелет того, кто неосторожно проходил над такой ловушкой. Иногда это дикий додхарский ослик, а иногда и человек. Я сам однажды видел, как мехран провалился на площади размером с теннисный корт после того, как на труп издохшего пегаса уселся стервятник. Ему-то ничего не было, а вот если не умеешь летать, можешь переломать себе кости или оказаться под завалом, даже если не разобьёшься сразу.

По самим дорожкам можно ходить безбоязненно. Разгребатель по опасному месту не поползёт, он не дурак, но он и сам не знает, куда ползёт, если нет поводья. Однако нашу тропку проложил мой знакомый разгребатель, и сделал он это по моему заказу.

Наверно, разгребатели – самые необычные существа на Додхаре. Сначала я думал, что их когда-то вывели для своих нужд ибогалы, но ошибался. В сущности, никто не знает, откуда они взялись. Нукуманы говорят просто: «эбетори тэн» – «были всегда». Умники считают, что это реликтовая форма

жизни, сохранившаяся с незапамятных времён, однако подобное утверждение легче высказать, чем проверить. Из всех додхарцев достоверными сведениями о собственной планете и её древних обитателях обладают разве что яйцеголовые, но с ними не очень поговоришь.

Некоторые думают, что разгребатели питаются камнями, да только я не однажды за ними наблюдал, и сдаётся мне, что всё поедаемое ими высыпается сзади в виде песка и гравия. И чаще всего они именно расталкивают камни в стороны – почему и получили своё название.

У каждого народа Додхара с ними связаны свои предания, а после Проникновения и у людей появились собственные. Керберы используют этих странных тварей при обряде Достижения совершеннолетия, когда у них выпадают молочные когти, а на их месте растут боевые. У нукуманов юноша тоже не может считаться воином, пока не пройдёт соответствующее посвящение, встретившись с разгребателем один на один.

Меня с разгребателями познакомил Тотигай.

Я подобрал его щенком в разорённом логове кербера. Самку ибогалы убили, всех других щенков забрали с собой, а у этого была раздавлена передняя лапа, и они его бросили.

Не знаю, почему я так поступил, – я ведь и сам был ещё мальчишкой, не более разумным, чем этот щенок; и понятия не имел, что стану с ним делать, да только завернул его в свою куртку и притащил в Харчевню Имхотепа, где тогда постоянно жил. Щенок отчаянно рычал, зверски кусался, не хотел принимать от меня пищу, но когда я отходил, скулил так жалобно, что просто сердце разрывалось. Тогда я отнёс его к Имхотепу.

Он посмотрел своими бесстрастными глазками сперва на щенка, потом на меня и спросил:

– Зачем ты забрал его из мехрана? Почему не позволил ему умереть? Он должен был умереть.

– Точно так же и ты когда-то подобрал меня, – ответил я.

Тогда Имхотеп взялся за лечение. Уж не знаю, что он там делал, да только через неделю лапа щенка стала как новая. Словно никогда и не было в его жизни кентавра, раздробившего копытом все кости до самого плеча.

Имхотеп так умеет, когда захочет. Никто не знает, как его зовут по-настоящему. Все называют Имхотепом, и болтают, что он построил свою знаменитую Харчевню за одну ночь. Ещё вечером, вроде, там ничего не было. А утром возле самой Границы уже стояло грандиозное сооружение из огромных каменных блоков, по размеру ненамного меньше пирамиды Джосера.

Думаю, что это враньё, однако не слишком круто замешанное. За одну ночь или за сотню ночей – он построил Харчевню очень быстро, и неизвестно, кто ему помогал. В том месте дорога в Субайху пересекается с торговым путём из владений Горного братства в столицу нукуманского королевства Херекуш. Там же проходит Большая тропа, протянувшаяся из Европы до самого Китая. И никто не видел ни подготовки к строительству, ни самого

процесса. Дальше: на всей нашей Старой территории не наберётся столько народу, чтобы окончить подобную стройку в приемлемые сроки, а ведь с начала Проникновения прошло всего двадцать лет. Ну, пусть теперь у нас время другое, наша планета уже не совсем Земля и сутки длиной в сорок часов вместо двадцати четырёх, но всё равно, по старому земному счёту прошло двадцать лет или около того. А на воздвижении (по-другому и не скажешь!) Харчевни, всем окрестным жителям от мала до велика пришлось бы трудиться лет четыреста. Однако никто из них и единого камня для Имхотепа не шевельнул. Поэтому многие полагают, что без волшебства не обошлось.

Чем бы ни занимался Имхотеп по ночам, врачевал он отменно. Тотигай ко мне мало-помалу привык и вскоре научился человеческой речи настолько, что смог перевести со своего языка собственное имя. Мы вместе спали, вместе охотились, вместе клянчили галеты у Имхотепа, когда не удавалось ничего добыть и брюхо прилипало к позвоночнику. А потом Тотигай вырос, да и я тоже. Когда у него начали выпадать молочные когти, он попросил сделать из них ожерелье. Каждый кербер носит такое на шее, пока не убьёт в брачном поединке другого кербера, а делают ожерелья нукуманы и поводыри разгребателей. Неподальёку от Харчевни стояли лагерем поводыри, но Тотигай хотел, чтобы сделал непременно я. Ему-де скоро на обряд Достижения совершеннолетия, потом-де на священные Брачные бои, а ни там, ни там без ожерелья никак нельзя. Тут я и пристал к нему на счёт разгребателей, потому что уже немало наслушался о них от завсегдатаев Харчевни.

– Когда вернусь, я расскажу тебе, – пообещал Тотигай. – А пока мне повелевает молчать обет саваяха. Не сомневайся, в положенное время ты непременно всё узнаешь, и это так же верно, как то, что меня зовут Хозяин Сумеречных Скал! Ты спас мне жизнь, ты мой брат, мы никогда не расстанемся – клянусь моими молочными когтями!

Вот и всё, что я получил. Ну и прочий бред в том же духе. Был-то он, по сути, ещё щенком, да и от меня набрался глупой мальчишеской восторженности. Но я всё же был рассудительнее, и думал, что он не вернётся. Керберы людей недолюбливают, люди их тоже, и мало кто из этих страшноватых здоровых собак с крыльями соглашается жить вместе с нами.

– Пусть свидетелями мне будут духи предков! – возмущённо заявил Тотигай в ответ на высказанное мной сомнение в его искренности. – Вскоре ты узнаешь, как мы умеем держать данное обещание!

Конечно, я ему тогда и на секунду не поверил. Взрослые керберы иногда подолгу странствуют с торговцами или трофейщиками, которые им приглянулись, иногда и постоянно ходят с ними, но это взрослые. Матёрые керберы – серьёзные твари, заслуживающие уважения, а малолетние – всего лишь кусачие и брехливые крылатые шавки, в чём я успел убедиться за годы общения с Тотигаем. Они постоянно призывают духов предков и клянутся своими молочными когтями, причём ни одному их слову нельзя верить ни на грош.

Но Тотигай вернулся. Отсутствовал он долго, и я узнал его не сразу. Кербер окреп, раздался в кости, шкуру покрывали замысловатые рисунки священных тату и шрамы зарубцевавшихся ран. На шее вместо сделанного мной когда-то ожерелья висело другое – из боевых когтей убитого соплеменника.

– Привет, Элф, – сказал он, брякаясь на пол моей комнатухи в Харчевне. – Рад, что застал тебя. Слышал, ты теперь здесь редко появляешься.

Я опустил на пол рядом с ним и стал рассматривать гладкие дорожки тату. Шкура у керберов как коврик с очень коротким и плотным ворсом. Рисунки выглядели так, будто виртуоз-цирюльник поработал миниатюрной бритвой, но я знал, что волос на этих местах не будет расти уже никогда. Тотигай приподнялся и расправил голые кожистые крылья, давая мне возможность рассмотреть остальное. На крыльях узоры были словно расчерчены белым по чёрному фону.

– Разгребатели? – спросил я.

– Только один из них. – Тотигай зевнул, показав клыки длиной с палец. – Слышал, ты стал крутым трофейщиком.

– Так говорят.

– Тогда, может, у тебя найдётся галета?

Я угостил его, и смотрел, как он ест. Боевые когти керберов очень острые, и я прикидывал, насколько тяжело поначалу носить ожерелье из них на собственной шее. Грудь Тотигая давно зажила, но превратилась в один сплошной рубец, состоящий из борозд и наростов, – настоящая броня.

– Ты, помнится, хотел побольше узнать о разгребателях, – сказал он облизываясь. – Если готов, можем пойти прямо сейчас.

Мы вышли в мехран на закате. Не очень я люблю об этом вспоминать, хотя теперь-то все всё о таких вещах знают. Но и сегодня некоторые храбрецы, решившиеся сделать себе священные тату, возвращаются восвояси на Старые территории, наложив полные штаны.

– Наши старики говорят, что разгребатели питаются мыслями, – рассказывал кербер по дороге. – Чтобы получить от них то, что хочешь, надо думать. Поводырь, когда ему заказывают прокладку новой тропы, думает о том месте, откуда он выйдет, и о том, куда должен добраться. Он ложится рядом со своим разгребателем и думает, думает... Потом встаёт и идёт вслед за ним. Если надо соединить две старых тропы, и никто не знает, где лучше это сделать и откуда начать, разгребатель будет показывать поводырю мехран сверху, как план или карту. Показывает прямо у него в голове, понимаешь? Так он задаёт вопрос.

Кое-что из сказанного мне тогда Тотигаем я уже слышал. Сразу после Проникновения люди без всяких знаний и опыта заходили на Додхар со Старых территорий. Некоторые, просыпаясь после ночёвки в мехране, обнаруживали у себя на теле необычные рисунки, которые было невозможно смыть. Они держались по нескольку дней, а то и месяцев, или оставались на всю жизнь. Ещё чаще знаки появлялись рядом на камнях – линии,

треугольники, пляшущие человечки, изображения животных, таинственные иероглифы, отдельные буквы земных алфавитов и целые слова.

Те, кому повезло меньше, не просыпались совсем. Или с ними начинали происходить странные вещи: то выстрелит поставленное на предохранитель ружьё, то котелок с готовым обедом улетит в сторону шагов на десять, то сам человек внезапно потеряет равновесие и упадёт на ровном месте. Под иными сама собой загоралась постель. Другие сходили с ума.

Изредка люди, заночевавшие на Додхаре, наутро обнаруживали рядом со своей стоянкой огромного чёрного слизняка. Обычно они пугались, а слизняк уползал прочь, легко раздвигая в стороны камни. Те, кто пытался убить разгребателей, кончили очень плохо. Потом кто-то оказался достаточно умён и храбр, чтобы во всём разобраться, и превратился в первого поводыря. А сейчас поводырей-людей, пожалуй, больше, чем исконных додхарских.

– Здесь мы расстанемся, – сказал в тот раз Тотигай, заведя меня вглубь лавовых полей, почти к самому Ниору. – Не сомневайся и не бойся. Если всё получится, ты найдёшь дорогу обратно. Да что там – ты сам сможешь проложить дорогу. Я буду ждать.

Я хотел было спросить его, как найду дорогу, если не получится, но понял, что это лишнее. Если не получится, мне, скорее всего, ничего уже и не понадобится. Встреча с разгребателем по додхарским обрядам – вещь суровая.

Когда я, спустя недели три, ввалился в свою конуру в Харчевне, Тотигай был там. Имхотеп, оказывается, поселил его в моей комнате. Кербер вёл себя в моё отсутствие прилично, даже псиной воняло не слишком сильно.

– Я уж думал, что на твоём трупе давно пируют стервятники, – приветствовал он меня, со знанием дела рассматривая кастовые иероглифы на моих щеках и на лбу.

Повернувшись к нему спиной, я скинул жилет и рубашку. Тотигай аж причмокнул от удовольствия, глядя на искусно выполненное в чёрном цвете изображение грифа.

– Не совсем по нашим правилам, – сказал он. – Ну так у вас и мир другой, и сами вы другие. – Он обошёл меня вокруг. – А на лице символы в порядке. Поздравляю. Не каждый способен заслужить подобные. Красивее только у Имхотепа.

Тогда я ещё не знал, как много значат кастовые знаки на Додхаре. Говорят, они выражают телесную, разумную и духовную сущность того, кто их заполучил, и сходят лишь тогда, когда сущность изменяется. Разгребателей в этом смысле обмануть невозможно, знатоков – тоже. Поэтому даже очень большие оптимисты не спешат переночевать в обнимку с чёрным слизняком. Мои знаки впоследствии немало помогли мне при общении с нукуманами. Меняться они не менялись, и не сошли. Видно, какая бы ни была у меня сущность, такую и осталась по сей день. А что касается грифа на спине, то он почему-то нравится девушкам. Ну и мне самому тоже. Я только жалею, что разгребатель сделал его не на груди, потому что после долгой трофейной

экспедиции обидно бывает поворачиваться к девушкам спиной для того, чтобы они могли «ещё раз посмотреть».

Правда, спереди у меня тоже есть на что посмотреть, даже если не считать той штуковины, которая делает мужчину мужчиной. На груди красуется морда Тотигая с оскаленной пастью.

– И часто ты ночуешь в этой каменной коробке? – презрительно спросил кербер, оглядывая мою комнату. Видно, успел подзабыть деньки, когда сам с удовольствием прятался под крышу, чтобы дрыхнуть ничего не опасаясь.

– Мне нужно где-то хранить вещи, которые не ношу с собой, – ответил я. – И нужно навёрстывать то, что недосыпаю в походах. Хожу один, без напарника, и меня некому охранять по ночам.

– Я мог бы это делать, – сказал Тотигай. – Вместе веселее будет. Если хочешь, начнём с сегодняшней ночи. На свежем воздухе спать куда приятнее.

И всё. И никаких слюнявых клятв усопшими предками и молочными когтями.

Константин ШАБАЛДИН

Налёт на город и ЧП на разрезе

Глава первая из романа «СЕМЕРО ЗОЛОТЫХ И ОДИН ИЗ БРОНЗЫ»

1920 год, Западная Сибирь, город Чеканск

Банда Жогова вошла в Чеканск рано утром. Двести сабель, триста штыков. На Алтае их потеснили белые, и горными перевалами отряд ушёл на север. Озверевшие от голода, холодных ночёвок в тайге, измотанные стычками с колчаковцами, жоговцы сразу начали грабить и убивать. Чекановцы, в большинстве своём мирные обыватели, были не в состоянии не то чтобы дать отпор вооружённым бандитам, им и бежать-то было некуда: зимой, в Сибири, с жёнами и детьми... Город быстро наполнился чадом пожарища, истошным воплем, окрасился в цвет крови на снегу. От церкви ударил было короткий набат, но быстро слетел с колокольни головой вниз звонарь Тимоша, а следом прямо на него скинули и древний колокол. Федька Кобзев, правая рука Жогова, размахивая кавалерийским палашиком, орал сверху:

– Хде поп?! Куды запрятался? Поп, падло, выходи, убивать тебя буду!!

В проулке звонко крикнула девушка:

– Бегите, бандиты здесь!

Её схватили, гнилой пастью дыхнули в лицо:

– Ты кого, сука, кого это ты? Что сказала... Это мы бандиты?! Мы есть революционная партизанская армия товарища Жогова, а ты подстилка белогвардейская.

Её ударили кулаком в лицо, а когда упала, задрали юбки, уткнули головой в сугроб и долго насильовали, прежде чем убить.

Насильовали без разбора, грабили всех подряд, жгли всё, что горит. А вот убивали изобретательно, с выдумкой. Старого генерала Путилина, героя турецкой войны, Федька Кобзев и дружок его Куприян Сухнеев распилили двуручной пилой. Такой же лютой смертью казнили попа с попадьёй, а перед смертью долго мучили, выпытывали, где ценности церковные. За них пыталась вступить купчиха Буторлина. Взывала к богу, молила опомниться. И её распилили. Прямо на алтаре. А перед этим вставили в неё толстую свечу, облили лампадным маслом и подожгли.

Попробовал ускакать верхом почтальон, но под ним застрелили лошадь, саблями отрубили руки и ноги, да и оставили умирать на морозе. Недолго отстреливался из нагана бывший городской голова. Кончились патроны, и он бросился на штыки ворвавшихся жоговцев. Городской лекарь,

запершись в доме, изготовил питьё с отравой и напоил троих детей, жену, а после сам выпил.

Городской дурачок Митяй бегал по улицам, горланя:

*На болоте мы живём,
По карьерам ходим.
Годовые празднички
Во слезах проводим.*

И его убили. Бросили в колодец.

Жоговцы лютовали. Большинство из них уже достаточно озверели на фронте, а те, кто не попал на войну с немцами, приобрёл опыт кровопролития на родном Алтае. Там, в боях с колчаковцами и в карательных налётах на небольшие посёлки, где жоговцы пороли, рубили и вешали всех, кто за новую власть, всех, кто за старую власть, всех, кто чем-то не приглянулся Григорию Жогову: сначала герою войны и георгиевскому кавалеру, потом красному партизану, а теперь отчаянному анархисту; там они утратили человеческий облик и обрели веру в собственную исключительность. Все в отряде Жогова обладали чутьём, которое вырабатывается у человека, когда его долго преследуют, когда он уже много убивал и сам множество раз мог быть убитым. И это чутьё подсказывало им, что жизни для них теперь отмеряно совсем немного, и поэтому с лёгкостью и наслаждением они напоследок забирали жизни других людей.

Сам Жогов въехал в город на саях, запряжённых тройкой вороных коней, укутавшись в медвежью шубу. От выпитого накануне его слегка лихорадило.

– Белых всех убили? – лениво спросил Жогов.

– Всех, товарищ Жогов, – отрапортовал Федька Кобзев, демонстрируя командиру ещё парящий кровью палаш.

– А красных всех убили?

– И их, – подтвердил Федька. – Семь комиссаров и один агитатор, еврейчик. Они у колчаковцев в холодной сидели, ну мы их из холодной сразу в прорубь и сунули.

– Хорошо, – сказал Жогов и зевнул.

Адъютант Жогова, молодой старовер Василий, подёргивая вожжами, недобро спросил:

– Небось, опять, Федька, ты попа смерти предал?

Федька Кобзев довольно хохотнул и, обтирая палаш о рукав полушубка, сказал:

– А как же? Обязательно. Тебе-то что за дело, ты ж другой веры?

Василий молча вылез из саней и прошёл к лошадям, стал сердито поправлять упряжь. Тогда Федька наклонился и в самое ухо Жогова прошептал:

– Сказал поп, сказал про сокровище, товарищ Жогов. Не сдюжил, когда я ему кишки уже по алтарю размотал. Всё как есть сказал.

Мигом слетела с Григория Жогова похмельная сонливость. Схватив Федьку за рукав, он ещё теснее притянул его к себе и грозно произнёс, стиснув зубы:

– Покуда молчи. После всё обскажешь. А проболтаешься кому, я тебе тогда кишки выну, как ты энтому попу.

**Западная Сибирь, город Новочеканск,
заводоуправление ООО «Разрез Курумнистый», наши дни**

– Службой безопасности руководить, не по грушам колотить!

Произнеся эту феноменальную глупость, начальник службы безопасности разреза «Курумнистый» Денис Ильич Муругин сел за стол и грозно оглядел подчинённых. Начальники смен, уже рассеявшиеся на стульях вдоль стены, сосредоточенно глядели в пол, любовались древним изгвазданным паркетом, грубо покрашенным коричневой грунтовкой. Потому что знали: Денис Ильич не переносит, когда на него пялятся, обязательно прицепится и будет читать нотацию. Только самый молодой, Лёшка Борисевич, рассматривал потолок с независимым видом. Ничего, ему можно, он тут единственный умный. Зато первый зам начальника службы Генка Брагин сразу поддакнул:

– Верно говорите, Денис Ильич, правильно.

Этот совсем дурак дураком, его Муругин лично выпестовал и до замов возвысил. С таким замом жизнь спокойней: не подсидит. А то, что Генка стучит на него директору разреза, так это Денис Ильич знал и даже специально давал иногда повод. Мелочишку какую-нибудь подкидывал. Так и директору спокойней, и Генка при делах. А компромат хотя бы дохленький на сотрудников у начальства всегда должен быть. Чтобы иметь, чем прищучить при необходимости. А хоть бы и без необходимости. Для профилактики. Иначе начальство беспокоиться начинает. Муторно ему, тревожно, что вот, ишь ты! – выискался подонок, которого и прищучить нечем! У Муругина на своих тоже всё есть, и время от времени он их так прищучивает, что вон сидят, дышать боятся. И правильно. Подчинённый должен быть тих, пришиблен и глуповат. Иначе нельзя, иначе разброд и анархия.

Денис Ильич благосклонно взглянул на Генку и продолжил:

– Я вами руководил и руководить буду. А вы?!

Начальники смен понимали, что вопрос этот риторический, и продолжали молчать. Муругина это вполне устраивало. Он снова встал.

– Вы как эти. Совсем уже. Я этого терпеть не буду, все под забор пойдёте и в канаве подохнете.

«Хорошо сказал, – подумал Денис Ильич. – Надо запомнить». И уже вслух рывкнул:

– Начальник первой смены! Доложить об инциденте!!

Начальник первой смены вскочил весь красный и потный. Он мял в руках форменную кепку, но говорить начал уверенно:

– Инцидент произошёл утром...

– Инцидент, – поправил Муругин.

– А? – не понял начальник первой смены.

– Инцидент, – ещё раз терпеливо повторил Муругин.

– Так я, чё? Я и говорю – «инцидент».

– Баран, – сказал Муругин. – У тебя же высшее образование. Или диплом в переходе купил?

У начальника первой смены даже губы задрожали от обиды:

– Я СибГАУ с отличием...

– Разрешите я, Денис Ильич, – Лёшка Борисевич не вставая, поднял руку как в школе.

– Докладывайте, – милостиво разрешил Муругин.

– Если коротко, то суть ин-ци-ден-та, – по слогам выговорил Лёшка, – заключается в том, что насрали в писсуар.

И тут начальника первой смены прорвало:

– Вот я и говорю! Это вот самое и есть. Прямо в писсуар, падло. Ведь только что евроремонт! Всё управление, везде же кафель, унитаза финские, шампунь, падло, турецкий... Полотенца эти, мля, одноразовые.

Он не врал. Совсем недавно разрез «Курумнистый» у местного олигарха отжал столичный олигарх и на радостях зафигачил в здании управления капремонт. Мужики, привыкшие к спартанским условиям производства, охреневали от хайтэка, и кто-то вот, значит, таким неординарным способом решил выразить свой предельный восторг новыми интерьерами.

Возмущённый начальник первой смены кепку свою теперь засунул в карман и размахивал кулаками столь ожесточённо, что Муругин даже слегка от него отодвинулся и спросил:

– А если без выражений?

– Если без выражений, то использовали писсуар в качестве унитаза, – сказал Лёшка Борисевич.

– Вот, – удовлетворённо резюмировал Муругин. – Можете, когда хотите.

– Говорил я, надо в туалете камеры наблюдения ставить! – с отчаянием воскликнул Генка Брагин, и начальники смен поглядели на него с ленивой безразличностью.

– Нашли мерзавца? – коротко спросил Муругин.

– Сразу нашли! – засмеялся Борисевич. – Всех, кто на тот час был в управлении, построили и сказали, что каждого по очереди будем заводить и, сняв штаны, к этому писсуару прикладывать, на предмет выявления соответствия параметров роста и необходимой длины ног. Они сами быстренько злоумышленника и сдали.

– Вернее, сам сознался, – уточнил начальник первой смены. – Мы его там заперли, сказали, чтоб к вечеру всё блестело.

– Ведро и тряпку, само собой, не оставили, – добавил Лёшка Борисевич.

– Ну и? – спросил Муругин.

– Ну и всё, – несколько растерянно ответил Лёшка, а начальник первой смены снова задёргался. – Выгребает.

– Нет не всё! – назидательно произнёс Муругин. – Учю вас, учю, а вы по-прежнему не видите всех дополнительных аспектов. А дополнительные аспекты заключаются в том, что ему обязательно свои же люлей навешают. Так?

– Если не побрезгуют, – попробовал отшутиться Лёшка, но Муругин шутки не принял.

– Нет, не побрезгуют, – произнёс он столь значительно, что ни у кого из присутствующих не возникло и тени сомнения, что да, навешают обязательно, ещё каких.

– Так вот ваша задача, – продолжил Муругин, – проконтролировать ситуацию таким образом, чтобы означенные звездюля прилетели виновнику ин-ци-ден-та где угодно, но только не на территории предприятия. То есть вне сферы нашей юрисдикции.

– Вот верно, Денис Ильич, вот правильно, – Генка Брагин аж зашёлся от восторга. – Не учли такой важный аспект.

Даже Лёшка Борисевич глянул на начальника службы безопасности с уважением.

– Как звать-то бедолагу? Я его знаю? – спросил Муругин.

– Ильтовский. Помните, скособоченный такой?

Денис Ильич не успел ответить, его смартфон изрыгнул первые такты бессмертного шлягера «Голуби летят над нашей зоной». Муругин никогда не отключал смартфон на время совещаний, а, напротив, если поступал звонок, то долго разговаривал, заставляя подчинённых томиться в ожидании. Если же у кого-то из них телефон подавал признаки жизни, подчинённого ожидал жестокий разнос.

Номер был незнакомый.

– Слушаю, – сказал Муругин.

– Дэн, Андрюшу вчера убили, – прошелестел женский голос.

Голос он узнал сразу. Это был голос из совсем другой жизни, которая закончилась давно, и о которой Денис Ильич старался не вспоминать. Поэтому этот голос был совершенно неуместен в стенах управления разреза «Курумнистый» на совещании по поводу неприятного и неприличного инцидента. Поэтому Муругин не сразу сообразил, о каком Андрее идёт речь.

– Точнее, пожалуйста, – попросил он.

– Дэн, тебе неудобно говорить? – спросила Алёна. – Мне перезвонить?

Дэн. Он уже и забыл, что когда-то был не Денис Ильич, а Дэн. Он сделал усилие, чтобы из начальника службы безопасности хотя бы на время разговора с Алёной снова превратиться в Дэна. Весёлого, беззаботного, безалаберного. На двадцать лет моложе. У него не получилось.

– Я сам перезвоню, – сказал он.

Муругин сунул смартфон в карман и угрюмо оглядел подчинённых.

– Чего уставились?! – зло спросил Денис Ильич, хотя никто и не думал на него смотреть. Но все обратили внимание, как дрогнул голос Муругина, когда он разговаривал по телефону.

1920 год, Западная Сибирь, город Чеканск и его окрестности

Морозной ночью при свете луны ударил по Жогову отряд Первого Крестьянского повстанческого полка «Красные орлы». Командир отряда Ефим Колядкин очень сильно хотел поквитаться с Жоговым, у него с ним

были личные счёты. Да и бойцы отряда, насмотревшись на художества жоговцев в разорённых сёлах, рвались в бой. У многих от рук бандитов пострадали родственники, друзья. Многие жаждали мести. Чтобы первыми настичь банду Жогова, «Красные орлы» даже потеснили в скоротечной рубке авангард колчаковцев, также наступавших на Чеканск.

– Гриню Жогова мне живым добудьте, – напутствовал Колядкин взвод разведчиков перед штурмом города. – Я из него ремней нарежу.

Комиссар Терентьев не любил самоуправства и выслушал эту тираду командира с явным неудовольствием. Но он знал, что из-за Жогова погибла сестра Колядкина, и понимал, что до трибунала бандит не доживёт.

Штурм как такового не было. Сонные, перепившиеся жоговцы, утомлённые разбоем, грабежом и насилием, не смогли оказать достойного сопротивления озлобленным, рвавшимся в бой «Красным орлам». Бандитов вытаскивали на снег в одном исподнем и тут же рубили саблями. Недолго отстреливались из двухэтажного особняка бывшей городской управы, где Жогов устроил подобие штаба, но красные закидали окна гранатами, ворвались на каменную лестницу и, страшно матерясь, не жалея патронов перебили охрану «штаба», а жоговского казначея Чуню, засунув в сундук с награбленным добром, сожгли живьём.

– Погоняй, Василий, погоняй, – приговаривал Жогов, оглядываясь из саней на зарево над Чеканском. Удивлялся, чему там гореть-то осталось?

Василий погонял, а Федька Кобзев, в который раз повторял:

– Эх, и чутьё у тебя, Гриня, эх у тебя и чуйка! Как же это ты понял, что ночью краснозадые полезут? Ить все думали, что они с беляками в боях завязнут, а они накося – тута!

– Кому чуйка, а кому верная оценка оперативной информации, – скучным голосом отвечал Жогов, любуясь роскошным серебряным алавастром с гранатовым обрамлением по основанию. Это была не самая ценная вещь в поповском кладе, но уж больно Грине приглянулась. А так-то чего только не таилось, в поповском схроне! Когда вскрыли половицы, там, где поп перед смертью указал, от вида сокровища у бандитов захватило дух. Церковная утварь, меха, золотые и серебряные монеты старинной чеканки, мешочки с золотым песком, шкатулка с самоцветами...

Полные сани нагрузили Гриня с Федькой и бежали в ночь, бросив банду на произвол судьбы.

– Слышь, Федька! А ты попа-то от муки избавил, когда он место указал? – спросил Жогов.

– Не-а, домучил, – с удовольствием ответил Федька. – Он же не за себя просил, а за попадью.

– А её?

– И её замучили, – расхохотался Федька. – Ох, орала, ох и орала! Ажно осыпла.

Василий, что правил лошадыми без нужды дёргая поводья, обернулся и спросил сердито:

– Куда править-то? На Михайловку или на Ельцовку? На Ельцовку вон сейчас свороток будет.

– Правь на Фурсовскую заимку, по просеке, – ответил Жогов. – Оттуда тайгой пойдём, на лыжах.

– На заимку так на заимку, – сказал Василий и снова повернулся к лошадям.

– Слышь, Гриня, на лыжах всё не унесём, – беспокоился Федыка.

– Всё и не надо, – сказал Жогов. – Самое ценное возьмём. Золото, камушки, меха на себя напаялим.

– Негоже добро бросать!

– Кто сказал бросать? Припрячем.

Федыка опасливо покосился на Василия и тихо спросил у Жогова:

– А с этим что?

Гриня, молча чиркнул себе по горлу грязным ногтём, показывая – что с этим, и Федыка довольно улыбнулся. А Василий вдруг, как будто почуяв недоброе, обернулся. Но смотрел он не Жогова с Кобзевым.

– Нагоняют, – сказал Василий.

Семеро всадников скакали за ними по санной колее, а восьмой, Ефим Колядкин, вырвался далеко вперёд, и уже можно было разглядеть его злое лицо.

«Красные орлы» не гнали галопом, шли рысью, с умом, чтобы не загнать лошадей, изначально нацелившись на долгое, но неизбежно гибельное для беглецов преследование. Восходящее солнце било всадникам в спины багровыми лучами и, окутанные паром от лошадей, покрытые изморозью, отбрасывая перед собой длинные тени, казались они огромными, жуткими в морозной таёжной тишине.

– А-а, – простонал вдруг Федыка. – Они, они это...

Он побледнел, затрясся.

– Да кто они-то? – сердито спросил Жогов.

– Утопленники! – истерично взвизгнул Федыка. – Комиссары, семеро которых мы в прорубь покидали. Восстали! Обледенелые все, блестят. Это поп с того свету мстит.

– Тыфу на тебя, – сказал Жогов. – Иней это на них, иней! Понимаешь?

– Утопленники они, – продолжал гнуть своё Федыка.

– Конечно утопленники, – весело закричал Василий, настёгивая лошадей.

– Сейчас они тебя к себе под лёд утащат. К русалкам!

– Тебя, думаешь, пощадят?! – завизжал Федыка.

– На мне крови нет, я оружие в руки не беру, все знают, что мне по вере не положено, – сказал Василий.

– Ышь ты! – восхитился Федыка. – Праведник. А кто дочку пасечника насильничал? Я видел её, ребёнок совсем.

Василий вдруг, извернувшись, ударил Федыку ногой в грудь, да так ловко, что тот чуть было кубарем не вывалился из саней. Федыка зарычал, потянул из ножен палаш, но Жогов ударил его кулаком в ухо.

– Порешат нас, Гриня! – завыл Федыка. – Не уйдём, догонят.

– Это вряд ли, – сказал Жогов и вытянул из-под меховой полости новенький, поблескивающий смазкой пулемёт «Льюис».

Он приладил пулемёт на задок саней и прицельно, короткими очередями стал бить именно по Ефиму Колядкину. В морозном воздухе звук выстрелов был похож на долбёжку дятла. Колядкин придержал коня, ему что-то закричали свои, и красный командир спешил, выдернул наган и, прикрываясь конским крупом, выстрелил несколько раз по стремительно удаляющимся саням. Красные отстали.

– От так от, – удовлетворённо сказал Григорий Жогов и похлопал пулемёт по толстому кожиху.

– Гриня, дай расцелую тебя! – заорал Федька, полез обниматься, но Жогов брезгливо оттолкнул его. – И тут всё просчитал, ай да умница. Нет, верно говорю, чуйка у тебя. Не забыл, не забыл пулемёт прихватить!

– Это кому чуйка, а кому стратегический резерв.

– Коренную подстрели, – сообщил Василий. – Хромает.

Западная Сибирь, город Новочеканск, наши дни

Муругин не сразу, но вспомнил, что Андрюшей звали младшего брата Алёны. Тогда ему было лет пятнадцать-шестнадцать, и их компании двадцатилетних студентов был малоинтересен этот шуплый очкарик, вечно путавшийся под ногами. Но Алёна его нежно любила и, чтобы не расстраивать её, они брали иногда нескладного подростка на свои, как они шутили, ассамблеи. Имелось в виду «вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто другому прешкодить или унимать, пить вволю, пока ноги держат, а если откажут – пить сидя. Лежащему не подносить, чтобы не захлебнулся, даже если просит».

Ах, как они зависали! Сутками напролёт пили, гуляли, веселились. Часами рубились по сети в стрелялку. Стопили до Владика и обратно. Зависали на концертах Самойлова, Бутусова и Сукачёва. Ещё были безумные сплавы по горным рекам и ещё более безумные рейв-пати! И само собой «и влюблялись, и любили, мчались годы с той поры». Да, с той поры прошла целая жизнь. Славка подсел на герыч и загнулся от передоза. Антоха умудрился схлопотать пятнашку за участие в разбойном нападении и где-то пропал. Рудик мотанул сначала в Германию, потом в Штаты, а сейчас уже из Австралии выкладывает в соцсетях фоточки с коалами и пингвинами. Ну а Алёна вышла замуж за Борьку. Неожиданно для всех и, уж конечно, совсем неожиданно для Дэна. И Дэн превратился в Дениса Ильича.

Наглая тойота попыталась подрезать крузак Муругина и, буркнув: «Ага, шаз, мля!», Денис Ильич дал по газам, создал острую аварийную ситуацию и выехал на кольцо. Сзади возмущённо гудели, и Муругин включил музыку погромче.

*А собачий вальс придумал мой папа,
Когда его выгнали за листовки,
Собачий вальс любили матросы,*

*Мой папа как раз выдавал им винтовки,
Собачий вальс играли в салонах
На всех кораблях, уходящих в море...
Девочка пела в кубанском хоре,
Девочка пела в кубанском хоре.*

Эта песня тоже была оттуда, из прошлого и, может быть, именно после звонка Алёны ему захотелось снова послушать бойкую и одновременно шемящую сердце мелодию. Под эту музыку он немножко становился прежним Дэнном, ему не хотелось предстать перед ней совсем уж Денисом Ильичом.

Оказывается, Алёна жила по старому адресу, на окраине, в трёхкомнатной хрущёвке, оставшейся от родителей. Муругин ожидал увидеть традиционную картину: гроб в квартире, венки и скорбящих родственников, Алёну в чёрном платочке и с заплаканными глазами. Даже пожалел, что не сообразил купить цветов по дороге. Но потом он опомнился. Какие в наше время гробы в квартирах? Как теперь принято, тело сначала в морге, а оттуда сразу в крематорий. Всё быстро, стерильно, без суеты и неприятного запаха.

Поэтому он не стал звонить в домофон, а открыл дверь подъезда своим универсальным чипом и по знакомой лестнице поднялся на второй этаж. Запах всё-таки был. Гадостно воняло свежей краской. Здесь только что закончили ремонт, выкрасив стены в дичайший сиреневый цвет. Дверь в квартиру открыта. Муругин вошёл.

Алёна сидела на кухне с каким-то парнем в растянутой кофте. Муругин вспомнил. Такую кофту с капюшоном называют худи. Они пили чай и, кажется, только что смеялись.

– Дэн, – сказала Алёна со странной интонацией.

На столе две чайные чашки, блюдце с печеньем и стакан с водой. Понятно. Запивала таблетки. Она на колёсах, поэтому и смея, и глаза не заплаканы, а моторика заторможена. Ещё Муругин обратил внимание на расширенные зрачки. Только лишь таблетки? Ладно, потом.

– Здравствуй, – сказал Муругин. Ему почему-то не хотелось называть её по имени. Это была другая Алёна. У той, которую он знал когда-то, лицо не носило следы застарелого алкоголизма, не дрожали руки, и она не пользовалась косметикой.

– Садись, Дэн, – сказала Алёна.

Она не обратила внимания на то, что садиться, собственно было некуда. На кухне было две табуретки, и обе в настоящий момент заняты. Вот теперь Муругин узнал прежнюю Алёну, она никогда не обращала внимания на такие мелочи.

– Это Саша, – сказала Алёна и чайной чашкой показала на парня в худи.

– Ништяк, – сказал Муругин, усаживаясь на корточки посреди кухни. – Кем живёшь, под кем ходишь?

– Что? – растерялся Саша.

– Не обращай внимания, – сварливо сказала Алёна.

– Да, не обращай, – согласился Муругин. – Не надо обращать на меня никакого внимания.

– Это у него с молодости привычка, вот так вот быковать с новым человеком, типа проверка. Ты не верь, он на самом деле не такой, – Алёна дурашливо хохотнула. – Это у него имидж. Чтобы не выглядеть слабаком. Чтобы боялись.

Последние слова Алёна проговорила с ноткой презрения и добавила:

– Я думала, с годами ты избавился от комплексов.

Муругин сдержался и произнёс с милейшей интонацией:

– Нет, ну а чё? Внешность мне позволяет, все верят. Вот и быкую.

И он, подражая артисту Леонову в известном фильме, громко втянул воздух уголком перекошенных губ.

– Точно, – Алёна приподняла пальчик с ярко покрашенным ногтем. – Ты же тогда Чаку Нориссу подражал, даже походку выработал такую.

Алёна подёргала бёдрами, показывая какую именно походку выработывал Дэн двадцать пять лет назад. На этот раз Муругин слегка покраснел и стиснул зубы. Она знала его слабые места. Он подумал, а какого чёрта он вообще тут делает? Какое ему дело до убитого Андриюши, до истеричной Алёны и до этого странноватого Саши? Ну, пришёл, выразил соболезнования и сваливай. Ведь уже давно не осталось у него никаких чувств к этой, когда-то любимой женщине, забыто всё, больём поросло... Кстати:

– А где Борька? – спросил Муругин.

– Ты что, ничего не знаешь? – удивилась Алёна. – Мы уже лет восемь в разводе. А не живем вместе и того больше. Я думала ты в курсе.

– С чего бы?

– Неужели за все эти годы ни разу не поинтересовался – что да как? – недоверчиво спросила Алёна.

– Нет, – совершенно искренне ответил Муругин.

– А я вот тобой интересовалась, – усмехнулась Алёна. – Знаю, что в гору пошёл. Знаю, что не женился, что на войне был, что из милиции уволился.

– Где это ты интересовалась? – недовольно спросил Муругин.

– Ну, знаешь... Фитнесы, теннисы, стрелковый клуб... Там всё время чьи-то жёны. А эти жёны мои подруги. И часто это подруги твоих начальников.

Муругин подумал, что она врёт. Не могло у женщины с испитым лицом и проживающей с братом в трёшке на окраине города быть фитнесов и теннисов. А если были, то как раз лет восемь-десять назад. Интересно, это он её бросил или она его выгнала, когда узнала, что он начал бегать по молоденьким? Ай да Борька!

– Я, пожалуй, пойду, – сказал вдруг Саша. – Я, пожалуй, тут уже несколько лишний.

– Сиди! – приказала Алена, и Саша беспрекословно подчинился.

«Ого!» – подумал Муругин. А вслух сказал:

– Да. Это я, пожалуй, пойду. Алёна, я очень сожалею, что с Андреем такое несчастье...

– Нет, – сказала Алёна, но уже совсем другим тоном. – Ты никуда не пойдёшь. Ты останешься и найдёшь мне убийц Андриюши. Ты обязан это сделать ради нашей любви. Или хотя бы в память о ней.

Муругин посмотрел ей в глаза и понял, что ему каюк.

1920 год, Западная Сибирь, Фурсовская заимка

Заимка оказалась давно заброшена, разорена. Амбар сожжён, в избе всё перевёрнуто, на кровати пятна крови. Видно старика Фурсова тоже не пощадили новые времена, видно, что навевывались к нему лихие люди. А может, и сам он сейчас где-нибудь с обрезом под полой волчьей дохи промышляет разбоем. Времена нынче смутные, не поймёшь, кто за белых, кто за красных, поэтому те, что поумней, были сами за себя. А старик Фурсов не дурак и, скорее всего, уже давно в Харбине чай гоняет.

Жогов с Кобзевым, едва отдышавшись с дороги, едва сжевав по куску сала, учинили калькуляцию поповскому добру, да быстро сбились со счёта, плюнули и начали паковать по мешкам самое ценное. Набивали потиры самоцветами и жемчугами с бриллиантами, золотой елейник затрамбовали рубинами.

– Когда старовера кончать будем? – спросил Федька Кобзев, сосредоточенно увязывая в узел из церковного покровца царские червонцы.

– Угомонись ты, – сказал Жогов. Его опять лихорадило, но уже не от выпивки, а видно застудился в тайге, когда плутали по заснеженной целине, не могли найти просеку, а после ещё толкали сани, помогая утомлённым лошадям. – Всё бы кровь пускать.

– Сам же ты его того хотел! – обиделся Федька.

– Того-этого, – передразнил Жогов. – Я чаял по распадку на Михайловку уйти, да ведь Колядкин не дурак, перекроет он нам распадок. Там подмоги дождёт и тута нас обложит. Так что пока, того-этого, лишний ствол не помешает.

Он был раздражён. Он очень не любил, когда всё складывалось не так, как задумывалось. Ефим Колядкин оказался злей, настырней в своей ненависти, теперь не отцепится. И не только он. По следу Жогова теперь пойдут не только белые, не только красные, но и свои, из банды, те, кому повезло уйти от праведного гнева «Красных орлов», все они будут мстить Жогову за предательство, за то, что бросил их на произвол судьбы, бежав с награбленным добром.

В избу зашёл Василий, грохнул у печи охапку дров.

– На Михайловку теперь не уйти, – сказал он, как будто бы подслушивал под дверью.

Жогов нахмурился. А ну, как и вправду подслушивал? Нет, не такой человек старовер, за это и держал при себе, доверял. А может, и такой, кто их разберёт, людишек... Всяких повидал Григорий Жогов, георгиевский кавалер. Был у них в полку фельдфебель, душа человек. Очень его уважали. Перед начальством не лебезил, в бою не трусил и, главное, солдат жалел. А потом украл артельные деньги и сбежал.

Василий скинул полушубок на пол, присел к столу, хлопнул ладонями по коленям. Видно, решил сообщить что-то важное. Кобзев обошёл его сзади, щупая в кармане нож, но Жогов строго взглянул на него, и Федька испуганно отпрянул.

– Я вас к алтайским каменщикам уведу, – сказал, наконец, Василий. – Они не выдадут.

– Примут ли? – усомнился Жогов.

– Со мной примут, – успокоил Василий. – За один стол, конечно не посадят, но до весны перекантуемся. А от них до Монголии рукой подать, потом в Китай. Весной и уйдёте. Там уже и как искать вас забудут. Токмо идти тайгой будем. Вот конины поедим и пойдём.

– А сам? – вроде как равнодушно спросил Жогов, но Василий знал, что сейчас от ответа зависела его жизнь.

– Ты, Григорий, меня знаешь, – сказал Василий. – У вас я человек случайный, грабежа не люблю, в бога верую. И девку ту я не насиловал, – Василий зло оглянулся на Кобзева, – по любви у нас было. Поэтому до весны с вами останусь, а после до родни подамся. Клыквы, слышал, небось?

– Под Ачинском заимка, – подтвердил Жогов, но в глаза Василию не смотрел, а Федька опять затоптался, задыхал торопливо, как всегда перед убийством.

– Знаю, что думаешь, – медленно проговорил Василий. – Думаешь, как это от такого богатства человек добровольно отказывается, доли не требует?

Жогов криво усмехнулся.

– А я возьму долю, возьму, – с неожиданной страстью в голосе произнёс Василий.

Вот теперь Жогов успокоился. Теперь ему стало понятно. И у этого корысть, и этому чего-то надо. А то уж и прямо святоша, а в святость Гриня не верил, подозрительна она ему была.

– Говори, чего хочешь?

– Икону. Там в пелену золочёную икона завёрнута. Не подфурная эта икона, наша, истиной веры. Её мне и отдадите, она вам совсем без надобности, а мне за это все грехи мои простятся. И книгу ещё, тоже старинную.

– Книгу? – удивился Жогов.

– Была книга, – подтвердил Кобзев. – Чёрная вся, закопченная, но переплёт в каменьях. Я её, кажись, с горностаями поклял.

– Ладно, – легко согласился Жогов. – Так тому и быть. Книгу с иконой тебе, сам цену назначил.

– Слово? – спросил Василий.

– Слово! – сказал Жогов и протянул Василию руку.

Они ударили по рукам, но Василий не сразу разжал ладонь, ещё сказал:

– Как уходить соберёмся, я вперёд вас пойду. Вы чего с собой не утащите, прячьте, где хотите, я знать не буду, чтоб на меня и думки не было. По лыжне опосля меня догоните.

– Дело, – согласился Жогов. Такой расклад его и вовсе устраивал. Да и Федька подобрел, убедился, что у старовера свой интерес, для него совсем не интересный.

Василий встал из-за стола, достал мешок с мясом, стал резать крупными ломтями и бросать в чугунок. Нет худа без добра! Подстрелил Колядкин им коренную, пришлось забить лошадку, зато теперь мяса вдоволь. А то из Чеканска впопыхах бежали, едой как следует не запаслись. Было сала немного, пшена, да мурцовка до того уже старая, что комочки медвежьего сала не просто потемнели, а коркою покрылись. Даже сухарей не взяли, но ведь и не собирались в долгий путь, Михайловка в сутках пути, а теперь недели две по тайге топтать. И это в лучшем случае, если на перевале метелью не накроет, если мороз не ударит... Да мало ли этих «если» в зимней тайге, куда и чолдоны лишний раз не сунутся? А ведь идти с весом немалым, золото на себе переть, пропади оно пропадом.

– Слышь, Гриня. Что за каменщики такие ещё? – спросил тем временем Федька, пока Василий колдовал у печи, устанавливая чугунок с варевом.

– Кержаки, староверы, – пояснил Жогов. – Каменщики оттого что в горах живут, а горы по ихнему «камень».

– Не по душе мне это, – вздохнул Федька.

– Ты что как баба?! – прикрикнул на него Жогов. – То утопленники тебе мерещатся, то про душу свою стонешь!

– Утопленники это были, – убеждённо сказал Федька. – Как есть утопленники, я узнал. И числом одинаково – семеро и один на отшибе. Узнал я их.

– Из нагана тоже утопленник в тебя стрелял? – насмешливо спросил Жогов.

Федька обиженно ушёл в сени, там загремел лыжами, крикнул:

– На одной паре камус менять надуть, истёрся.

А Жогов, проваливаясь в горячую дрему, слышал, как Василий трогает ему лоб и говорит:

– Горишь весь. Я тебе зверобойю с брусничкой заварю, похлебаешь.

Но Жогов упорно падал и падал в ледяную воду проруби, которая наваливалась горячими волнами, давила на грудь, не давала дышать, а снизу его тянули утопленники, которых Гриня всё силился сосчитать. Семеро их и один? Тогда ему не выплыть, точно не выплыть, ни за что не выплыть... Не отпустят.

Ксения МЕТЛИНА

Клубника для русалки

Первые главы романа «Там, за горизонтом»

Глава 1

Море. Невероятно красивое и в то же время чрезвычайно опасное. Во все времена оно притягивало к себе людей, будь то любопытные путешественники, алчные пираты, ищущие наживы, или незадачливые торговцы, пытающиеся продать свой товар за границей. Такое неизведанное и необъятное, оно овеяно сотнями легенд, сказок и преданий. Но кто знает, насколько они правдивы? Разве может море таить в себе нечто столь ужасное и непонятное? Вряд ли.

Стояла тихая и солнечная погода, ветер благоприятствовал, так что торговое судно «Забытая мечта» мирно рассекало морские волны. Жизнь на корабле шла своим чередом: матросы убирались на палубе, ставили паруса и занимались другими важными делами. Тишь да гладь.

Однако длилось это спокойствие недолго. На палубе начался шумный спор между разъярённым коком и баталёром.

– Тёрнер, чёрт тебя дер! Признавайся, это ты украл полкило солонины и литр рома?! – возмущённо воскликнул кок.

– Чего? Дурак, что ли? Не брал я, накладную проверь.

– Ага, не брал он, как же. Ты ж, пьяная рожа, вечно глаза себе заливаешь, так ещё и закусить тебе подавай. Да вот только это уже вторая твоя попойка за этот месяц, не надоело?

– Да не брал я, не брал. Некогда мне было пить. Что ж ты за друг, раз мне не веришь?

– В том то и дело. Я тебя, пьяницу, знаю. Говори правду!

– Да я тебе эту правду уже раз сто повторил, баклан ты ошипанный! Иди к чёрту!

– Что?! Это я-то баклан? Ну держись, сам напросился, – разозлился ещё больше кок и врезал товарищу в нос.

Завязалась оживлённая драка, на которую пришли поглазеть все матросы. Разборки прервал вернувшийся из трюма боцман.

– Анна! Анна! Тёрнер и Линч снова мордобой устроили. Быстрее сюда! – крикнул он, и вслед за почтенного возраста мужчиной из трюма выбежала молодая светловолосая девушка.

– Эй, вы двое, а ну прекратить немедленно! – повысила она голос, приближаясь к полю боя.

– Вы слышали, что Анна сказала? Живо прекратить! – принялся разнимать драчунов боцман. Но все его попытки были тщетны.

– Какого чёрта здесь происходит?! – раздался вдруг громогласный голос, и весь экипаж сразу затих.

Кок и баталёр прекратили драку и подняли глаза вверх. Над ними возвышался капитан – Уильям Спирс. Тёмноволосый молодой парень, высокий, худой, с короткой стрижкой и пронзительным янтарным глазом. Правый был скрыт под чёрной повязкой.

– К... Капитан... – промямлил Линч, поднимаясь и отряхиваясь от пыли. – Это всё Тёрнер начал, клянусь, – начал оправдываться кок.

– Мне плевать, кто из вас первый начал, Линч. Виноваты вы оба. Я не потерплю, чтобы на моём судне устраивали бои без правил. Неделю вместе будете трюм драить, ясно?!

– Так точно, капитан, – отозвались оба провинившихся.

– Кроуфорд, проследи за ними, – обратился капитан к боцману.

– Есть, кэп.

– А остальные, – молодой парень грозно обвёл взглядом всю оставшуюся команду. – Живо за работу. Выполнять.

Все матросы тут же засуетились, беспрекословно выполняя приказ.

– Анна, идём со мной. Надо поговорить, – позвал за собой старпома Уильям.

Как только они вошли в капитанскую каюту, парень молча сел за стол.

– Капитан, прошу прощения. Я была в трюме вместе с Кроуфордом, потому и не уследила за теми двоими. Я лично проверю все накладные и найду недочёты, если они есть.

– Не нужно, Анна, всё в порядке, – произнёс вдруг добродушным тоном капитан. На его лице сияла улыбка. – Твоей вины в случившемся нет, эти идиоты вечно грызутся, так что всё в порядке. Я совсем о другом хотел с тобой поговорить.

– И о чём же? – вздохнула с облегчением Анна.

– Как только зайдём в порт, мне нужно, чтобы на корабль погрузили ровно один ящик клубники. После мы немного отклонимся от курса.

– Клубники? Капитан, мы же не торгуем клубникой, зачем она вам? Куда мы отправимся?

– Не важно. Прошу, не задавай вопросов, просто скажи Гарднеру, пусть следует намеченному мной курсу. С Роббинсом я уже всё обговорил. Можешь идти.

– Иногда вы такой подозрительный, капитан. Как бы команда чего недоброго про вас не подумала, – хмыкнула Анна и покинула каюту.

Они ещё не знают правды. Никто не знает...

Глава 2

Это было так давно. Казалось бы, всё произошедшее должно было исчезнуть из его памяти, но каждую ночь оно всплывало во всех подробностях. Он идёт на глубину, всплыть совсем не получается, тело словно налилось свинцом. Правый глаз жутко болит, в толще воды тянется тонкая струйка крови. А сам он пытается дотянуться до такого же идущего на дно тела.

– Генри... Прошу, не бросай меня, Генри... – Ещё немного. Ещё чуть-чуть – и он точно дотянется до Генри. Они всплывут, и всё будет хорошо. Только вот дотянуться не получалось...

– Капитан! Проснитесь, капитан! – раздался вдруг голос Анны.

Уильям вздрогнул и открыл глаза, чуть не свалившись с гамака, на котором спал. Осознание реальности пришло постепенно. Он всю ночь был занят картами, в итоге не выдержал и уснул. И с утра верный старпом как всегда пришла его разбудить.

– А, это ты, Анна. Что-то я задремал. Который час?

– Четыре склянки утренней вахты. Я принесла вам свежий чай. Скоро мы прибудем в порт.

– Спасибо. Ты не могла бы... – недоговорил Уильям, намекая Анне отвернуться.

Он совсем забыл, что снял на ночь повязку и теперь жуткий шрам на правом глазу был напоказ.

– Да, конечно, – девушка кивнула, отвернувшись и занялась приготовлением чая для капитана.

– Всё тихо? – спросил Уильям, пытаясь разбавить неловкую тишину.

– Да, никаких происшествий.

– А Тёрнер и Линч что? Больше никаких драк?

– Нет, кажись, они даже помирились.

– Это чудесно, – произнёс капитан, наконец-то надев повязку и накинув пиджак себе на плечи.

– Не могла бы ты принести мне завтрак? Я ещё не закончил составлять маршрут.

– Да, капитан.

– Про мою просьбу помнишь?

– Конечно, но, сэр... Всё это как-то странно. За те полгода, что я вас знаю, вы никогда не делали настолько внезапных смен маршрута. Понимаю, что это не моё дело, но, может, вы объясните что происходит? Эта загадочная Родина Гроз... Её нет ни на одной известной мне карте. Что это за место?

– Родину Гроз нашёл мой отец. Это его карты, – Уильям кивнул на стопку, разложенную у него на столе. – Он не только торговал, но и путешествовать любил. Однажды, отправившись в плавание, он не вернулся. А последней отмеченной точкой на карте была именно Родина Гроз, – закончил свой рассказ капитан.

– Так вы хотели почтить память отца... Прошу прощения, кэп. Я не знала... И всё же – причём здесь клубника?

– Это уже не важно. Иди. А то я умираю с голоду.

– Как прикажете, капитан, – вздохнула Анна и покинула каюту.

– Ох, не стоило нам столько вчера пить, – произнёс, держась за голову, Джон Тёрнер.

– Твоя была идея, – фыркнул Кристофер Линч. – «Давай выпьем, брат! Выпьем!» Тыфу ты, пропасть! Анна и Том нас точно убьют.

- Может быть. Зато мы помирились. Эх, супчику бы, – вздохнул баталёр.
- Ты прости меня за фингал, – извинился кок, наливая товарищу порцию рыбной похлёбки.
- Да, плюнь, я уж и забыл.
- Фу, ну и вонизма! – раздался женский голос, и в камбузе появилась Анна.
- Джон, ты опять вчера пил? Какой ужасный смрад, – сморщилась старпом.
- На этот раз не один, но идея всё равно его, – сдал товарища Крис.
- Тебе чего, Анна?
- Капитан попросил принести ему завтрак. О, это подойдёт, – девушка забрала из рук кока тарелку с похлёбкой.
- Эй, это моё! – возмутился Тёрнер.
- Перебьёшься, – фыркнула старпом и, прихватив с собой ложку, ушла. Тёрнер недоумённо посмотрел на Линча.
- Женщины... – фыркнул кок.

Наконец, к полудню судно «Забытая мечта» пришвартовалось к причалу, и команда ступила на заветную землю.

– Господи, неужели мы в порту! Как я скучал по суше, – разминая затёкшие мышцы, произнёс штурман – Ричард Гарднер.

– Занимайтесь грузом. Я внесу швартовый взнос и буду ждать вас в ближайшей таверне. К вечеру отплываем по новому курсу. Выполнять, – приказал Уильям и направился по своим делам.

– Вы слышали капитана? За работу! – принялся подгонять всех Кроуфорд.

Как же Уильям скучал по этому месту. Как-никак он тут родился. Столько воспоминаний...

С самого детства отец прививал ему любовь к морю, рассказывал байки и морские легенды. Вся команда капитана Артура Спирса обожала Уильяма. Ему пророчили успешную судьбу и самые великие открытия. К сожалению, с тех пор утекло много воды. Команда распалась, лучший друг отца – Леонард Грин – перебрался жить в Лэйдингем, а кто-то и вовсе погиб в плавании. А местная церковь... Всё своё детство Уильям провёл в стенах церковно-приходской школы, старательно изучая Библию и читая молитвы. Эх, если бы Генри был сейчас с ним... Молодой капитан мотнул головой, отгоняя в сторону грустные мысли. Не время предаваться воспоминаниям, есть дела и поважнее.

Когда погрузка была завершена, вся команда потянулась в обозначенную капитаном таверну, чтобы немного отдохнуть и подкрепиться перед отплытием. Уильям уже ждал их там. Заняв самый дальний столик в углу, капитан увлечённо читал роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение». К нему приблизилась Анна.

– Сэр, погрузка завершена. Я проверила прошлые накладные, Тёрнер действительно не причём.

– Его вины в драке это не отменяет, но спасибо тебе за работу. Кто сегодня будет нести вахту?

– Дженкинс.

– Отлично. Иди, Анна, отдохни, пока есть время, – кивнул ей Уильям и снова принялся за книгу. Девушка не двинулась с места.

– Ты что-то хотела спросить? – поинтересовался капитан.

– Нет. Приятного вам вечера, – спохватилась старпом, отдала честь и поспешила удалиться.

Глава 3

Этой ночью Уильяму тоже не спалось. Что поделаться, своими снами невозможно управлять. Накинув на плечи мундир, капитан отправился на палубу. Как и ожидалось, молодой матрос, назначенный на вахту, уже видел третий сон, громко храпя на всю округу. Улыбнувшись и покачав головой, Уильям огляделся по сторонам. Небо, усеянное миллионами, а то и миллиардами звёзд – огоньков никогда не гаснущих во тьме свечей, и безмятежная и бескрайняя водная гладь. Всё-таки, кто бы что ни говорил, а море – самое прекрасное, что есть в их жизни.

И вдруг возле самого носа корабля, на капитанском мостике он заметил чей-то силуэт. Поднявшись по лестнице, Уильям застыл. Спина к нему стоял Генри. Живой и такой же взрослый, как он сам. Ветер развеивал его светлые волосы, а зелёные глаза были устремлены вдаль.

– Генри... Это ты? Ты ведь...

– Уилл, друг... Я скучал. Подойди.

Молодой парень быстрым шагом приблизился к другу и хотел было его обнять, но тот тут же испарился. Как же так? Не может этого быть. Стоп. Мираж... Это всего лишь иллюзия... По щеке скатилась слеза. Тут же пришло осознание горькой реальности. Генри умер, и завтра ему, Уильяму, придётся вновь за это заплатить...

Всю оставшуюся ночь он не сомкнул глаз. Всё писал что-то да читал одну молитву за другой. А как только настало утро он, не дожидаясь Анны, вышел на палубу и стал следить за горизонтом. Вслед за ним на мостик подтянулись штурман и лоцман

Старпом приблизилась к капитану.

– Анна? Это ты? – спросил Уильям ещё до того, как девушка поприветствовала его.

– Да, как вы догадались?

– Легко. Хотя я и слеп на один глаз, но только глухой не услышит, как ты ходишь, – улыбнулся капитан. – Всё тихо?

– Да. Сэр, там, куда мы плывём, ничего нет. Ни порта, ничего. Голые скалы. Зачем вам это, не понимаю?

– Не всё, что видят наши глаза, – правда, – ответил Уильям.

– Кэп, смотрите! – крикнул с мостика Гарднер и указал на облако тумана впереди, которое мгновенно окутало корабль.

– Маскировка... – произнёс капитан. – Всё в порядке, ищите остров.

– Кэп, что происходит? – обеспокоенно спросила Анна.

Уильям не ответил. Они близко.

– Вот же он, остров! Мы на месте, кэп, – прознёс Роббинс, указывая вперёд.
– Сбросить якорь. Спустить шлюпку и погрузить в неё клубнику, – приказал Уильям.

– Капитан...

– Ты слышала приказ, Анна. Выполнять.

Пока команда была занята шлюпкой, все искоса поглядывали на капитана. Никто не понимал, что происходит, но спросить боялись. Наконец, всё было готово.

– Слушай меня, Анна. Как только я отплыву на шлюпке, вы тут же прячетесь в трюм и не выходите, чтобы ни случилось, только если я не позову, понятно?

– Да. Сэр... С вами всё будет в порядке?

– Конечно, не беспокойся, Анна, – улыбнулся Уильям и спустился в шлюпку.

Как только он отплыл от корабля и вся команда исчезла с палубы, Уильям принялся тихо петь.

– Раньше я была невеста, а теперь морская дева, жемчуга мои сокрыты в глубине морей. Ты, моряк лихой, не бойся, заберу тебя на дно, станешь жемчугом моим, будешь вечно песни петь...

Попутно Уильям стянул перчатки. Всё руки от кончиков пальцев до локтя были усеяны чёрной рыбьей чешуёй.

– Мой лихой капитан, я ждала тебя, – раздался приятный женский голос. На краю каменного острова сидела рыжеволосая русалка.

– Я знаю. Как и положено, ящик клубники в конце года, – сухо произнёс капитан и подплыл ближе к острову.

– Ах, Уильям, какой же ты холодный, – русалка нырнула в воду и облокотилась на край шлюпки, обняв капитана со спины. – Ты разбиваешь мне сердце. А ведь я наградила тебя таким чудесным проклятьем. Оно очень подходит к твоему глазу, – усмехнулась русалка и взяла Уильяма за руку.

– Отпусти меня, я выполнил свой долг, – капитан отдернул руку и прикоснулся к серебряному кресту, висящему на шее.

– Ах, глупый-глупый Уилл. Ты думаешь, эти игрушки тебе помогут? Твоя вера так глупа и забавна, это даже утомляет. А знаешь, Генри так по тебе соскучился. Идём, повидаемся с другом, – русалка резко дернула Уильяма, и тот, выпав из перевернувшейся лодки, пошёл на дно. Клубника устремились за ним. Он словно снова оказался в одном из своих снов. Ему даже на миг показалось, что рядом плывёт тело Генри.

«Забывшую мечту» резко начало качать на волнах. Казалось, корабль вот-вот перевернётся. Всплыть не получалось. Вокруг стаями плавали русалки, они собрали клубнику и продолжали тянуть его на дно.

– «Прошу, отпусти меня, умоляю», – молил про себя Уильям. И вдруг что-то резко потянуло его вверх, а потом и вовсе выкинуло обратно в шлюпку. Пытаясь откашляться и восстановить дыхание, капитан услышал голос его роковой знакомой.

– Жаль, что ты не можешь остаться с нами навечно, Уильям, я буду скучать. Прощай, мой лихой капитан. Ещё увидимся, – она поцеловала его в щёку и толкнула хвостом шлюпку с такой силой, что та сама доплыла до корабля. Загадочный шторм вокруг «Забывтой мечты» тут же прекратился. Натянув перчатки, чтобы спрятать страшное проклятие, Уильям через силу поднялся на борт.

– Анна! Сюда, Анна! – слабым голосом произнёс капитан. Ему на плечи легло тёплое одеяло.

– О, Боже, сэр, вы в порядке? Что произошло? – вокруг него засуетилась Анна. Команда с беспокойством начала кружить вокруг капитана.

– Я в порядке... Плывём в порт... Обратю в порт...

– В порт? Зачем?

– Мне нужно в церковь. Не задавай вопросов, поднять якорь, – приказал Уильям и взглянул на остров. Где-то вдалеке махнула хвостом русалка. – «Прости меня, Генри. Прости, что выплачиваю этот долг. В тот день умереть должен был я...»

Содержание

Семён АГЕЕВ	
Чёлка под капюшоном	3
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Встань, пригоршню праха в лицо брось небесам	19
Надежда КАРПОВА	
ВЫПУСКНОЙ	30
Наталья КОЛЕСОВА	
Свадебное проклятье	48
Юрий СОКОЛОВ	
Путь в Обитель Бога	63
Константин ШАБАЛДИН	
Налёт на город и ЧП на разрезе	83
Ксения МЕТЛИНА	
Клубника для русалки	96

Литературно-художественное издание

Выпускной

Главы из романов

*Составление, вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложки –
фото Константина Горбунова

А потом мы оба увидели, как прямо на стене в десятке шагов от нас открылся длинный полумесяц. Растянулся, будто в ухмылке. Мертвенно сияющие челюсти, усаженные длинными острыми зубами, неслышно разошлись и сомкнулись, будто пробуя воздух на вкус. Они дрожали и переливались, как лунные блики, отражённые водой. Как свет окна соседнего дома в мареве летней ночи. Только вокруг было холодно. Дыхание вырывалось изо рта и опадало на пол морозными кристаллами.

Четвёртая кровать вылетела в распахнутое окно. Бесшумно. На уши навалилась чёрная вата.

– Тёмный невидимка, – выдохнул я, чувствуя, как густеет воздух в лёгких.

Из тьмы в спасительный жёлтый конус в каком-то локте от занозистой половицы сунулось круглощёкое детское личико, обтянутое жёлтой кожей. На месте глаз зияли тёмные провалы, но не было никаких сомнений, оно смотрело прямо на нас. Пухлые губки растянулись в довольной улыбке. Из-под них вместо зубов показались ржавые гвозди и швейные иглы. Жёлтая кожа на щеках и в уголках бездонных провалов сморщилась, как на высохшем яблоке.

– Мамочка... – простила девочка.

Фонарь мигнул. Личико растворилось в пыльной чёрной вате детской спальни, но было ясно: он здесь. Он повсюду. Под каждой кроватью, в каждой щёлке. Он знает, где мы, и обязательно до нас доберётся.

Семён Агеев. Дети Песочного города

